

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

На правах рукописи

Третьяков Роман Вадимович

**ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО РАССМОТРЕНИЯ
КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ**

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:

доктор юридических наук, профессор
Григорьева Тамара Александровна

Саратов – 2026

Оглавление

Введение	3
ГЛАВА 1. КОНЦЕПЦИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ И КОРПОРАТИВНЫХ КОНФЛИКТОВ	21
1.1. Сущность корпоративных отношений, специфика их правового регулирувания.....	21
1.2. Понятие и критерии квалификации корпоративных споров.....	42
ГЛАВА 2. ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДСУДНОСТИ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ.....	69
2.1. Институт компетенции арбитражных судов и судов общей юрисдикции по рассмотрению корпоративных споров как предпосылка для унификации рассмотрения корпоративных споров	69
2.2. Проблемы определения подсудности на примере отдельных категорий корпоративных споров.....	84
ГЛАВА 3. ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ РАССМОТРЕНИЕ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ	108
3.1. Процессуальные особенности принятия обеспечительных мер в корпоративных спорах.....	108
3.2. Теоретические и практические вопросы урегулирования корпоративных споров посредством утверждения судом мирового соглашения и корпоративного договора.....	119
3.3. Процессуально-правовая эффективность группового и коллективного исков при рассмотрении корпоративных споров	133
ГЛАВА 4. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАССМОТРЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ В СУДЕ	149
4.1. Особенности доказывания при рассмотрении корпоративных споров по признанию недействительными экстраординарных сделок.....	149
4.2. Проблемы распределения бремени доказывания при взыскании убытков за вред, причиненный юридическому лицу	174
Заключение	193
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ.....	199

Введение

Актуальность темы исследования. Экономика современной России базируется на принципах свободы экономической деятельности, поддержки здоровой конкуренции и защиты разных форм собственности, включая частную, муниципальную и государственную. Эти принципы определили капиталистический вектор развития нашей страны, вследствие чего на хозяйственные отношения стали влиять рыночные механизмы. Особенностью отечественной экономики является ее непрерывное совершенствование: появляются новые и развиваются уже существующие общественные отношения, активными участниками которых выступают корпорации.

Однако отношения участников корпораций не всегда отличаются стабильностью и сбалансированностью. Под влиянием различных факторов (столкновение противоречащих интересов, недобросовестные действия кого-либо из участников корпоративных отношений и т.п.) деловым партнерам иногда не удается прийти к компромиссу, что приводит к возникновению корпоративных конфликтов – в отсутствие адекватного регулирования такие конфликты могут повлечь негативные последствия для организации: от убытков до банкротства.

Участники корпоративных отношений стремятся разрешить возникающие спорные вопросы посредством переговоров, проведения медиации, заключения корпоративного договора и так далее. Вместе с тем наличие внесудебных форм разрешения разногласий еще не означает, что корпоративный конфликт будет устранен, а нарушенные права восстановлены. Законодательно установленная возможность инициировать корпоративный спор в суде остается единственной юридической гарантией того, что разногласия между участниками корпоративных отношений будут урегулированы.

Возможность участников корпоративных отношений разрешать конфликты в судебном порядке закреплена на уровне конституционного и процессуального законодательств, в которых зафиксирован принцип равенства всех перед законом

и судом (ст. 19 Конституции РФ, ст. 9 АПК РФ и ст. 6 ГПК РФ). Этот принцип подразумевает, что суды при разрешении спора должны обеспечивать защиту прав и законных интересов его участников на всех стадиях рассмотрения иска. Соблюдение вышеуказанного принципа особенно актуально для рассмотрения корпоративных споров, поскольку они выделяются среди других категорий споров не только сложностью и многоаспектностью правоотношений, в рамках которых возникли разногласия, но и большим количеством участников, чьи права могут быть затронуты при вынесении судом решения. В связи с этим представляется важным исследование вопроса о том, каким образом регулируется рассмотрение корпоративных споров в арбитражных судах и судах общей юрисдикции.

Актуальность судебной формы защиты прав участников корпоративных отношений обусловлена также их неизбежностью в условиях множества противоречащих интересов. Статистика, формируемая на основе рассмотренных в арбитражных судах дел, показывает устойчивый рост количества корпоративных споров: если в 2016 году арбитражные суды рассмотрели 15 668 дел¹ этой категории (Раздел 2 Сводных статистических сведений о деятельности федеральных арбитражных судов за 2016 год.), то в 2024 – 21 086 дел² (раздел 3 Отчета о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции за 12 месяцев 2024 г.). Такой рост связан с расширением возможностей защиты прав и законных интересов участников корпораций. Наиболее распространенные требования касаются принадлежности акций и долей участия, обременений, возмещения убытков, причиненных юридическому лицу, оспаривания сделок. При этом количество указанных категорий корпоративных споров остается

¹ См.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2016 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5257> (дата обращения: 17.08.2024).

² См.: Отчет о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции за 12 месяцев 2024 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6122> (дата обращения: 17.08.2024).

стабильно высоким и в условиях новой экономической реальности. Так, в 2022 году было рассмотрено 5 061 соответствующих исковых заявлений, в 2024 году – 5 020. Такие данные были взяты из Отчетов о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции за 2022, 2023 и 2024 год¹ (раздел 3 каждого из отчетов).

Анализ научных концепций выявляет процессуальные проблемы, с которыми сталкиваются как ученые, так и правоприменители. Законодательное регулирование не всегда конкретно, точно и полно, что приводит к неоднозначной правоприменительной практике.

Текущее законодательное определение корпоративных споров не удовлетворяет содержанию корпоративных отношений. Вследствие этого некоторые категории споров, не являющихся по своей сути корпоративными, перечислены в ст. 225.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ), а гражданскими процессуальными нормами не предусмотрены механизмы разрешения споров в том случае, когда субъектами корпоративного конфликта выступают некоммерческие юридические лица, не поименованные в АПК РФ.

До сих пор законодателем не выработаны оптимальные механизмы определения подсудности категорий тех корпоративных споров, предметом которых является недвижимое имущество, а также корпоративных споров, осложненных участием иностранных контрагентов.

¹ См.: Отчет о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции за 12 месяцев 2022 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7650> (дата обращения: 17.08.2024).

См.: Отчет о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции за 12 месяцев 2023 г. URL: www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8687 (дата обращения: 17.08.2024).

См.: Отчет о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции за 12 месяцев 2024 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6122> (дата обращения: 17.08.2024).

На практике возникают процессуальные препятствия, когда участники конфликта не могут защитить свои права и законные интересы посредством предъявления групповых исков или заключения мирового соглашения.

Кроме того, имеются процессуальные проблемы распределения бремени доказывания в рамках корпоративных споров, касающихся привлечения органов управления корпорации к ответственности или оспаривания совершенных ими экстраординарных сделок. Далеко не всегда удается точным образом установить стандарт доказывания, из которого должен исходить суд при разрешении дела.

Несмотря на наличие нормативной базы, ряд вопросов теоретического и прикладного характера требуют переосмысления и выработки рекомендаций по устранению выявленных доктринальных и законодательных пробелов.

Таким образом, актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью совершенствования механизмов судебного рассмотрения корпоративных споров в условиях динамичного развития корпоративного законодательства и роста числа конфликтов.

Степень научной разработанности темы исследования. Ранее уже проводились исследования, которые в той или иной степени касаются темы настоящей диссертации. В первую очередь стоит упомянуть работу Е.И. Чугуновой «Производные иски в гражданском и арбитражном процессе» (г. Екатеринбург, 2003). В ней автор попыталась выделить основные признаки, присущие производным искам как средству правовой защиты.

Актуальна также работа И.Ю. Захарьяшевой «Примирительные процедуры в арбитражном процессуальном законодательстве Российской Федерации: концептуальные основы и перспективы развития» (г. Саратов, 2005). В этой работе автор дает не только принципиально новое представление о примирительных процедурах в российском законодательстве, но и понимание сущности мирового соглашения и его значения для участников гражданско-правовых отношений.

В контексте рассматриваемой темы заслуживает внимания работа О.А. Кухаревой «Особенности процессуальной защиты прав акционеров в арбитражном суде (спорные вопросы теории и практики)» (г. Саратов, 2006), а также работа Е.С. Раздьяконова «Особенности исковой формы защиты прав и законных интересов акционеров» (г. Екатеринбург, 2007). Оба исследователя акцентировали внимание на процессуальных вопросах, возникавших при рассмотрении споров с участием акционеров еще до введения в 2009 г. поправок в АПК РФ.

Проблематика применения акционерами норм права с целью защиты своих прав рассматривалась и в работе Д.В. Бурачевского «Применение арбитражным судом охранительных мер по делам, связанным с участием в акционерном обществе» (г. Екатеринбург, 2011). Также анализировались отдельные проблемы, возникающие при рассмотрении таких исков в судах общей юрисдикции и арбитражных судах. Данной проблематики коснулась и Л.А. Бурцева в работе «Гражданско-правовые проблемы применения косвенного иска как способа защиты хозяйственных обществ» (г. Москва, 2011).

Необходимо упомянуть работы, послужившие важной основой для формирования теоретических выводов по отдельным вопросам, связанным с рассмотрением корпоративных споров. Б.А. Журбин в своей диссертации «Процессуальные особенности рассмотрения судами дел по групповым и производным искам» (г. Саратов, 2013) уделяет внимание вопросам регулирования отношений, связанных с подачей и рассмотрением группового иска.

Теоретические вопросы относительно сущности корпоративных отношений и их места в системе гражданско-правовых отношений рассматривались А.А. Кущенко в диссертационном исследовании «Корпоративные отношения как предмет правового регулирования» (г. Саратов, 2014).

И.Е. Соловьевой в кандидатской диссертации «Процессуальные средства защиты частных интересов субъектов малого предпринимательства в России» (г. Саратов, 2015) исследовались некоторые процессуальные аспекты участия субъектов малого предпринимательства в корпоративных спорах.

Одной из последних работ, касающихся темы настоящего исследования, является диссертация И.И. Вялых «Процессуальные особенности рассмотрения корпоративных споров в Российской Федерации» (г. Воронеж, 2018). В ней ученый дает авторскую дефиницию понятия «корпоративный спор», определяя его основные критерии. Автор проводит анализ процессуальных особенностей рассмотрения дел о распределении имущества, обнаруженного после ликвидации организации. Также в исследовании анализируются особенности определения компетенции судов применительно к корпоративным спорам.

И.И. Вялых исследованы процессуальные аспекты реализации требования законодательства об обязательном уведомлении о намерении предъявления участником корпорации косвенного иска; сформулировано положение о необходимости обеспечения единообразного процессуально-правового регулирования отношений по предъявлению косвенных (производных) исков.

В контексте данной темы учеными затрагивались и отдельные вопросы, возникающие при рассмотрении корпоративных споров. Так, работа Б.И. Башилова «Обеспечительные меры по корпоративным спорам в арбитражном процессе Российской Федерации» (г. Москва, 2019) посвящена особенностям правоприменения норм арбитражного процессуального законодательства в области введения, изменений и отмены обеспечительных мер в рамках рассмотрения арбитражными судами корпоративных споров.

Отдельного внимания заслуживает работа С.С. Чекулаева «Корпоративные конфликты, осложненные иностранным элементом, и способы их разрешения» (г. Москва, 2021). В ней автор затрагивает проблемы участия иностранных юридических лиц в корпоративных конфликтах и вопросы применения в связи с этим коллизионных правовых норм. Кроме того, в указанной работе

рассматриваются формы участия иностранных юридических лиц в корпоративных конфликтах и виды их разрешения. Отдельно автор выделил судебную форму разрешения корпоративных споров. В предмет исследования входили соответствующие нормы не только российского, но и иностранного законодательства. Речь, в частности, идет о законодательстве США, Великобритании и Франции.

Несмотря на наличие обширного перечня научных работ, раскрывающих институт рассмотрения корпоративных споров с разных сторон, отдельные затронутые в них вопросы сохраняют актуальность, поскольку требуют переосмысления и дополнительного исследования с учетом современных реалий и сложившейся правоприменительной практики.

Цель исследования состоит в решении научной задачи, имеющей значение для развития современного цивилистического процессуального права, а именно в формировании целостного и системного научно-теоретического и практического представления об особенностях судебного рассмотрения корпоративных споров с учетом последних тенденций развития современного цивилистического процесса и в сочетании с уже имеющимися доктринальными разработками в сфере гражданского и арбитражного процессуального права.

Поставленная цель предопределила необходимость решения следующих **задач**:

- определить правовую природу корпоративных отношений;
- разработать дефиницию корпоративного спора, опираясь на анализ критериев квалификации спора в качестве корпоративного;
- рассмотреть правовой механизм распределения компетенций между арбитражными судами и судами общей юрисдикции как одну из предпосылок унификации процессуального законодательства в области рассмотрения корпоративных споров, а также определить понятие судебного рассмотрения корпоративных споров;

– выявить текущие проблемы определения подсудности при рассмотрении корпоративных споров, предметом которых выступает объект недвижимого имущества, и корпоративных споров с участием иностранного лица;

– исследовать процессуальные особенности применения обеспечительных мер в корпоративных спорах;

– рассмотреть возникающие теоретические и практические вопросы применения института мирового соглашения и корпоративного договора в корпоративных спорах;

– определить эффективность инициирования корпоративного спора путем подачи группового и коллективного иска;

– выявить проблемы, возникающие в ходе доказывания при оспаривании экстраординарных сделок, и сформулировать рекомендации по их устранению;

– исследовать, каким образом распределяется бремя доказывания при взыскании убытков с исполнительных органов юридического лица за вред, причиненный юридическому лицу.

Объектом исследования являются регулируемые арбитражным и гражданским процессуальным законодательством общественные отношения, складывающиеся между судом и другими участниками процесса (в частности сторонами, которые вступили в корпоративные отношения) при рассмотрении и разрешении дел по корпоративным спорам.

Предметом исследования являются нормы арбитражного и гражданского процессуального права, устанавливающие порядок судебного рассмотрения корпоративных споров, материалы правоприменительной практики, а также научные работы ученых, посвященные исследованию вопросов, возникающих при рассмотрении корпоративных споров.

Методологическая основа исследования. При формировании выводов и научных положений использовались как общенаучные методы научного познания (диалектический, аналитический, синтетический, индуктивный и

дедуктивный), так и частноправовые (историко-правовой и формально-юридический).

Диалектический метод исследования применен при изучении ключевых дефиниций таких как корпоративный конфликт, корпоративный спор, судебное производство по корпоративным спорам, коллективный иск и других.

Аналитический, синтетический, индуктивный и дедуктивный методы исследования применялись для выявления противоречий, имеющих в процессуальном законодательстве и правоприменительной практике.

Историко-правовой метод использовался для выявления существенных характеристик корпоративного спора, корпоративных отношений, а также определения тенденций возникновения и развития института подсудности корпоративных споров.

Формально-юридический метод был необходим для выявления содержания правовых норм, являющихся предметом настоящего исследования.

Теоретическую основу исследования составили работы ученых, посвященные отдельным вопросам правового регулирования корпоративных споров. В частности, автор опирался на труды Д.Б. Абушенко, В.А. Боженко, Д.В. Бурачевского, Т.А. Григорьевой, Н.А. Громошиной, Р.Е. Гукасяна, М.Г. Звягинцева, Д.Ю. Ионовой, Т.В. Кашаниной, О.А. Кухаревой, Д.В. Ломакина, Л.М. Мокроусовой, Е.И. Никологорской, Н.Н. Пахомова, Г.Ф. Ручкиной, Е.С. Смагиной, Д.А. Туманова, Е.А. Царегородцевой, О.Н. Шеменевой, И.С. Шиткиной, В.Ф. Яковлева и др. Работы данных ученых позволили с разных сторон проанализировать признаки корпоративного спора и корпоративного конфликта, а также определить основные критерии, квалифицирующие споры в качестве корпоративных.

Кроме того, проблематику подсудности корпоративных споров помогли раскрыть работы О.В. Абознова, В.К. Андреева, Н.Г. Беляевой, Е.И. Вялых, Ю.С. Колесниковой, В.А. Лаптева, А.А. Маковской, А.А. Мамаева, Д.В. Новака, Е.С. Раздьяконова, Д.И. Степанова, И.Н. Тарасова, П.В. Хлюстова и др. Их

научные выводы дали диссертанту возможность сформировать авторское мнение о правильности применения норм, регулирующих вопрос подсудности отдельных категорий споров арбитражным судам, судам общей юрисдикции, а также иностранным судам.

Для выявления основных особенностей распределения бремени доказывания в отдельных категориях корпоративных споров, а также для определения сущности экстраординарных сделок автор обращался к работам А.В. Габова, В.В. Долинской, В.А. Лаптева, Ю.И. Палкина, Ю.Н. Пахомова, А.Ю. Романова, Г.Ф. Ручкиной, И.С. Шиткиной и др. Данные работы также использовались в целях определения основного критерия различия между традиционными хозяйственными и экстраординарными сделками.

Кроме того, при определении сущности такого понятия, как «интерес», за основу были взяты работы В.П. Грибанова, С.В. Михайлова, А.Ю. Романова. Трактовки, исследования этих ученых использовались для выявления признаков сделки с заинтересованностью.

Отдельно стоит выделить работы А.В. Абсалямова, В.К. Андреева, О.В. Гутникова, Г.С. Курдюмова, В.А. Лаптева, Д.В. Ломакина, А.А. Малова, Ю.С. Михальчук, Д.И. Степанова. Положения, выдвинутые в трудах этих исследователей, применялись для анализа особенностей судебного рассмотрения корпоративных споров о привлечении директоров к ответственности за убытки юридическому лицу, а также для анализа структуры полномочий единоличных органов управления корпорации.

При написании диссертации использовались также работы дореволюционных ученых, в частности К.И. Малышева, с целью ретроспективного анализа правового регулирования привлечения виновного лица к ответственности за убытки.

Автором были приняты во внимание отдельные вопросы рассмотрения судами корпоративных споров, затронутые в научных работах Г.О. Аболонина, Д.А. Абросимова, С.Ф. Афанасьева, Е.Г. Афанасьевой, Н.И. Башилова,

И.В. Башлакова-Николаева, М.А. Гурвича В.В. Долганичева, И.Ю. Захарьящевой, Д.Ю. Ионовой, Е.В. Кармадоновой, П.П. Колесова, Д.Я. Малешина, Е.А. Нефедьева, Н.В. Павловой, П.А. Панкратова, Е.С. Раздьяконова, М.А. Рожковой, Л.Г. Рутковской, А.А. Сельковой, Е.С. Смагиной, Д.А. Туманова, Е.Е. Фроловой, В.М. Шерстюка, А.В. Юдина, В.В. Яркова и др. Труды данных ученых позволили автору всесторонне исследовать вопросы, касающиеся применения института мирового соглашения, обеспечительных мер и групповых исков в корпоративных спорах.

При этом в диссертационном исследовании использовалась иностранная литература, а также интернет-ресурсы, содержащие профессиональное мнение по определенным вопросам, что было необходимо для анализа практического применения тех или иных норм права, касающихся судебного рассмотрения корпоративных споров.

Нормативную основу исследования сформировали национальные нормативные правовые акты, а именно Конституция РФ, кодифицированные федеральные законы в области процессуального и материального права, специальные нормы федерального законодательства, регулирующие общественные отношения, ставшие объектом настоящего исследования. Кроме того, в работе использовались законы и подзаконные акты, утратившие силу, но значимые с теоретико-прикладной точки зрения для исследования.

Эмпирической основой исследования выступают материалы российской судебной практики, а именно Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ (материалы в части, сохранившей свою актуальность), арбитражных судов округов, арбитражных апелляционных судов и арбитражных судов субъектов РФ, а также судов первой инстанции, включенных в систему судов общей юрисдикции. Кроме того, в работе широко использована судебная статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

Научная новизна диссертации заключается в том, что на основе проведенного исследования сформулированы целостные и системные научно-теоретические и практические представления об особенностях судебного рассмотрения корпоративных споров. В связи с этим, частности, предложены дефиниции корпоративного спора в широком и узком смыслах; определено понятие судебного рассмотрения корпоративного спора; даны его сущностные характеристики во взаимосвязи со специализированной формой рассмотрения корпоративных споров и производством по корпоративным спорам; доказана необходимость изменения правил подсудности в корпоративных спорах, предметом которых является оспаривание крупных сделок с недвижимостью, а также корпоративных споров с участием иностранных лиц; получены аутентичные представления о состоянии и эффективности обеспечительных мер, группового иска и мировых соглашений; сформулировано понятие коллективного иска в корпоративном споре; аргументирована с научной точки зрения потребность совершенствования механизма реализации института доказывания при судебном рассмотрении корпоративных споров о признании экстраординарных сделок недействительными; определена презумпция распределения бремени доказывания при рассмотрении споров о взыскании с органов корпорации убытков за причиненный вред.

Научная новизна исследования находит свое отражение и раскрывается в следующих **положениях, выносимых на защиту**:

1. В контексте проведенного научного исследования установлено, что категория «корпоративный спор» обладает двойственной правовой природой, которая требует разграничения материально-правового содержания, а именно собственно спора о корпоративных правах, и принудительной процессуальной формы его реализации посредством осуществления судебного разбирательства. Это позволило аргументировать необходимость правового понимания корпоративного спора в бинарном его значении, т.е. в том, которое раскрывает его в сущностный (широкий) и формальный (узкий) смысл.

2. Под корпоративным спором в широком смысле понимается формально признанное правовое разногласие сторон, характеризующееся противостоянием интересов участников корпоративных отношений, причиной которого выступает стремление сторон обеспечить контроль над активами корпорации. Корпоративный спор обязательно сопровождается предъявлением материально-правовых требований и начинается тогда, когда потенциальный ответчик отказывается в их удовлетворении во время внесудебного и судебного разрешения возникшего спора о праве.

В аспекте предметного и юрисдикционного критериев корпоративный спор в узком смысле – это спор, инициируемый участниками корпоративных отношений в суде общей юрисдикции или арбитражном суде, который подлежит рассмотрению и разрешению посредством использования специализированной процессуальной формы с целью защиты прав и законных интересов, связанных с участием и управлением корпорацией.

3. Приводятся дополнительные доводы в пользу того, что при применении норм исключительной подсудности, связанной с рассмотрением корпоративных споров, следует придерживаться правила, согласно которому корпоративный спор по поводу признания крупной сделки недействительной, предметом которой является объект недвижимости, подлежит рассмотрению и разрешению по месту регистрации юридического лица. В частности, к таким доводам отнесены следующие: дальнейшее развитие доктрины «внутренних дел»; необходимость повышенной судебной защиты российских участников корпоративных отношений от агрессивной внешней санкционной политики; и как следствие, целесообразность рассмотрения корпоративных споров исключительно на территории Российской Федерации.

4. Доказывается, что для наиболее полного соблюдения принципов состязательности и непосредственности цивилистического процесса органам правосудия при рассмотрении и разрешении спора о признании крупной сделки недействительной следует оценивать, прежде всего, качественный критерий

такой сделки, подразумевающий ее выход за пределы обычной хозяйственной деятельности. При этом судам целесообразно учитывать, что формальное несоответствие крупной сделки количественному критерию, который выражается в ее стоимости, превышающей 25 процентов активов корпорации, не может служить основанием для отказа в удовлетворении искового заявления.

Обстоятельства ущерба, причиненного заключением крупной сделки, представляют собой одну из составляющих ее качественного критерия. Данный критерий, подразумевающий выход сделки за пределы обычной хозяйственной деятельности, должен всесторонне оцениваться судами на основе доказательств, представленных сторонами спора.

5. Предлагаются следующее доктринальное определение коллективного иска по корпоративному спору: это комплекс тождественных требований участников корпоративных отношений, направленных на защиту интересов корпорации, которые предъявляются соистцами с целью понудить ответчика исполнить обязательства перед корпорацией. При рассмотрении корпоративного спора по групповому иску материальным и процессуальным интересом в деле обладает только лицо, представляющее интересы группы лиц. В тоже время каждый из формальных заявителей в рамках спора по рассмотрению коллективного иска имеет и материальный, и процессуальный интерес.

6. Доказывается теоретико-практическая позиция, согласно которой ввиду юридических сложностей заключения мирового соглашения между участниками корпоративных отношений по корпоративному спору допустимо сформировать правовой механизм утверждения судами корпоративного процессуального договора как самостоятельной правовой формы урегулирования корпоративного спора в рамках отправления правосудия.

7. Обосновывается, что доктрина «внутренних дел» (*ex incorporationis*) не в полной мере способствует защите прав и законных интересов российских участников корпоративных отношений, осуществляющих свою деятельность в рамках иностранных корпораций, поскольку это может оказывать отрицательное

влияние на распределение корпоративной собственности, а также исполнение фидуциарных обязательств. В связи с этим делается вывод о том, что корпоративные споры, связанные с осуществлением российскими участниками своих корпоративных прав в рамках иностранного юридического лица, должны рассматриваться на территории Российской Федерации.

Проведенное исследование позволило диссертанту предложить внести следующие изменения в законодательство и акты его официального толкования, направленные на повышение эффективности действующего правового регулирования, а именно:

– изложить подп. 3 п. 1 ст. 225.1 АПК РФ в следующей редакции: «Споры по искам учредителей, участников, членов юридического лица (далее — участники юридического лица) о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу, о признании недействительными сделок (включая сделки, касающиеся прав на недвижимое имущество), совершенных юридическим лицом, и (или) о применении последствий недействительности таких сделок»;

– дополнить ст. 247 АПК РФ подпунктом 1.1 следующего содержания: «При рассмотрении арбитражными судами Российской Федерации корпоративных споров, связанных с осуществлением российскими участниками своих корпоративных прав в рамках иностранного юридического лица, нормы настоящей статьи применяются с учетом особенностей, установленных ч. 4.1 ст. 38 АПК РФ».

Кроме того, целесообразно внести изменения в действующие официальные разъяснения норм права, а именно путем включения в:

– Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» презумпции причинения данной сделкой вреда хозяйственному обществу, согласно которой ответчик обязан опровергнуть обстоятельство того, что сделкой был причинен вред хозяйственному обществу. Такая презумпция будет способствовать наиболее полному рассмотрению

арбитражными судами корпоративных споров по оспариванию крупных сделок, поскольку у ответчика возникает мотивация представлять суду необходимую документацию, включая гражданско-правовые договоры, платежные поручения, бухгалтерские документы, и так далее;

– Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2018 г. № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» положения, согласно которому арбитражные суды при определении заинтересованности должны руководствоваться как Законом РФ от 22 марта 1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» (далее – Закон о конкуренции) и Федеральным Законом от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции), так и обстоятельствами, которые могут свидетельствовать о фактической заинтересованности контрагентов по оспариваемым сделкам.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в том, что приведенные в нем выводы могут быть использованы для дальнейших доктринальных исследований в сфере цивилистического процесса, а также для развития теории процессуальных форм рассмотрения судом отдельных категорий споров в рамках цивилистического процесса.

В диссертационном исследовании сформированы теоретические представления о механизме разрешения корпоративных споров в арбитражных судах и судах общей юрисдикции, а также о сущности корпоративных отношений и корпоративных конфликтов. По-новому раскрывается понятие корпоративных споров, ему придается понимание в широком и узком смыслах. Кроме того, вводятся новые элементы в правовую категорию «судебное рассмотрение корпоративных споров», тем самым обогащается категориальный аппарат процессуальной науки в целом.

Практическая значимость результатов исследования состоит в том, что сформулированные в работе выводы и предложения аргументируют

допустимость совершенствования действующих норм цивилистического процессуального законодательства, а именно посвященных особенностям судебного рассмотрения корпоративных споров. Их реализация может способствовать повышению правоприменительной эффективности процессуального законодательства, а также специальной судебной практики в сфере судебного рассмотрения и разрешения корпоративных споров.

Результаты исследования могут быть использованы в образовательной деятельности, в частности, при преподавании цивилистических материальных и процессуальных дисциплин, а также при подготовке специальных курсов, посвященных рассмотрению корпоративных споров в арбитражных судах и судах общей юрисдикции РФ.

Степень достоверности результатов исследования. В рамках исследования использовалось большое количество отраслевой научной литературы, включая научные статьи, монографии и комментарии применения арбитражного и гражданского процессуального законодательства, многочисленная судебная практика разъяснительного и казуального характера, а также интернет-ресурсы. Достоверность результатов исследования вытекает из объемной доктринальной, нормативной и правоприменительной базы исследования, а также из систематически применяемых в диссертации методов исследования.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Основные положения диссертационного исследования отражены в восьми научных статьях, пять из которых опубликованы в журналах, входящих в перечень журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Отдельные положения и выводы диссертационного исследования изложены автором в научных докладах и сообщениях на научно-практических конференциях различного уровня, в частности: VIII Международной научно-практической конференции молодых ученых «Тенденции развития частного права»; XXI Международной конференции молодых ученых «Традиции и новации в системе современного российского права» (г. Москва, 2022 г.); Круглый стол с международным участием «Правовая политика в сфере реформирования российского цивилистического процесса: тенденции и проблемы» (г. Саратов, 18 мая 2023 г.); VIII Всероссийская научно-практическая конференция «Современный цивилистический процесс: публично-правовые и частноправовые составляющие» (г. Саратов, 29 марта 2024 г.); II Казанские юридические чтения, организованные Казанским филиалом ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Казань, 2025 г.); VI Саратовском молодежном юридическом форуме, посвященному 95-летию ФГБОУ ВО «СГЮА» «95 лет служения праву государства и государству права» (г. Саратов, 2026 г.) и др.

Структура диссертации. Избранная тематика исследования обусловила структуру выполненной работы. Настоящая диссертация состоит из введения, четырех глав, объединяющих девять параграфов, заключения, списка используемой литературы и источников.

ГЛАВА 1. КОНЦЕПЦИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ И КОРПОРАТИВНЫХ КОНФЛИКТОВ

1.1. Сущность корпоративных отношений, специфика их правового регулирования

Специфика любого правового спора основывается на взаимосвязи материального и процессуального права. В науке теории государства и права содержится постулат, согласно которому нормы обеих групп права дополняют друг друга, поскольку от их согласованности во многом зависит законность и обеспечение порядка в любой стране. Если нормы материального права необходимы для закрепления существующих отношений, то нормы процессуального права призваны обеспечивать правильную их реализацию. Исходя из вышеобозначенного, однозначно можно сказать, что любому правовому спору предшествуют материальные отношения. Поэтому невозможно определить сущность корпоративных споров, не проанализировав содержание корпоративных отношений.

Прежде, чем исследовать сущность корпоративных отношений, необходимо изучить правовое явление, которое эти отношения и порождает – корпорации. Интегрированию корпораций в экономические отношения предшествовали определенные исторические предпосылки. Развитие корпоративной формы хозяйствования связано с необходимостью объединения ресурсов для достижения коммерческих целей, что стало особенно важно по мере роста торговли и промышленности. В Римской империи юридические лица, такие как *collegium* и *universitas*, заложили основу для создания более сложных организаций, существующих в текущем гражданском обороте¹.

Современные корпорации сохраняют ключевые характеристики, сформировавшиеся еще в древности. Во-первых, наличие собственных активов

¹ См.: Колонтаевская И.Ф. Возникновение и развитие корпораций зарубежом // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2017. № 1(10). С. 17.

позволяет корпорациям вести хозяйственную деятельность независимо от их участников. Во-вторых, имущественная обособленность защищает личные активы участников корпорации от рисков, связанных с ее деятельностью. В-третьих, право вступать в юридические отношения с другими субъектами позволяет корпорациям заключать сделки, выступать истцом и ответчиком в суде и осуществлять другие действия, необходимые для функционирования юридического лица.

На современном этапе корпорации выступают не только как экономические, но и как юридические структуры, которые играют ключевую роль в современном обществе. Их эволюция отражается в изменениях в экономических и правовых систем, а также в механизмах управления и распределения ресурсов.

Отправной точкой формирования корпораций считается появление первых предприятий, которые управлялись самими собственниками. Последние одновременно приобретали статус работников. Тем не менее, несмотря на примитивность структуры, такие предприятия уже считались самостоятельными хозяйственными единицами в системе гражданско-правовых отношений.

С экономической точки зрения корпорация — ведущая форма предпринимательской деятельности.

Многие ученые рассматривают корпорацию прежде всего как экономический субъект. Например, В.В. Фролов определяет корпорацию как «сложное организационное образование, состоящее из производственных и функциональных единиц, связанных в рамках единого процесса управления производством и капиталом»¹.

П.В. Степанов подчеркивает, что «корпорация как управленческая структура — это группа юридических лиц, объединивших принадлежащие им

¹ См.: *Фролов В.В. Экономическая сущность корпораций и их роль в экономике.* — URL: <file:///C:/Users/Рабочий/Downloads/ekonomicheskaya-suschnost-korporatsiy-i-ih-rol-v-ekonomike.pdf> (дата обращения: 05.02.2021).

капиталы в единый холдинг, который, в свою очередь, отвечает за стратегическое развитие всех объединенных под ним аффилированных лиц»¹.

Согласно гражданскому законодательству корпорацией является юридическое лицо, участники которой наделяются правами членства, в связи с чем они приобретают статус владельцев долей, акций, паев и так далее, и право управлять организацией и определять направление ее деятельности.

Понятие «корпорация» в его социально-экономическом и юридическом смысле детерминирует сущность корпоративных отношений, в связи с чем целесообразно вначале рассмотреть его неюридические характеристики.

П.В. Степанов выделяет экономическую сущность корпоративных отношений: их основу составляют отношения коллектива собственников, направленные на получение материальных благ². В.Ф. Яковлев подчеркивает, что эти отношения строятся на общей собственности и взаимных интересах³. Е.С. Антонова уточняет, что речь идет не только о собственности, а об объединении капиталов⁴.

В.А. Белов рассматривает корпоративные отношения как общественные отношения, направленные на организацию и осуществление совместной деятельности для достижения общей цели – союзной или корпоративной деятельности⁵.

Экономическая природа корпоративных отношений заключается в получении и распределении ресурсов, которые юридическое лицо приобретает, а также в достижении целей, которые интересуют его участников. Деятельность

¹ См.: *Степанов П.В.* Корпоративные отношения в гражданском праве // Законодательство. 2002. № 6. С. 5.

² См.: *Степанов П.В.* Корпоративные отношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права: дис. .. канд. юрид. наук. М., 1999. С. 28.

³ См.: *Яковлев В.Ф.* Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики). М., 2000. С. 24.

⁴ См.: *Антонова Е.С.* Понятие, содержание и особенности корпоративных прав // Юридический мир. 2000. № 11. С. 24.

⁵ См.: *Белов В.А.* Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики. М., 2023. С. 21–22.

юридического лица определяют как чисто коммерческие, так и социально значимые факторы.

Экономическая природа корпоративных отношений определяет и их юридическую составляющую. Тем не менее, хотя научное сообщество может легко выделить хозяйственные признаки данного явления, при разработке юридической доктрины возникает множество спорных и до сих пор нерешенных вопросов.

Юридическая составляющая данного феномена также многогранна¹. Стоит отметить, что на протяжении всего развития российского законодательства сформировалось множество научных позиций относительно понятия корпоративных отношений.

М.А. Звягинцев рассматривал их как тип общественных отношений, возникающих в связи с организацией и функционированием хозяйственных обществ и товариществ, а также с определением их правового статуса².

Д.В. Ломакин характеризовал корпоративные правоотношения как «собирательную категорию, охватывающую два вида правоотношений: правоотношения участия (членства), опосредующие имущественное и неимущественное участие членов корпорации в ее деятельности, и производные от них отношения (зависимые правоотношения)»³.

По мнению Г.Ф. Ручкиной, корпоративные правоотношения — это урегулированные нормами права общественные отношения, возникающие в связи с созданием, деятельностью и прекращением деятельности корпорации⁴.

Т.В. Кашанина понимает под корпоративными отношениями «разнообразные отношения внутри корпорации как единого и целостного

¹ См.: *Шеменева О.Н.* Юридический интерес в гражданском судопроизводстве: развитие взглядов и современное значение // Вестник гражданского процесса. 2016. № 2. С. 27-43.

² См.: *Звягинцев М.Г.* Корпоративное право. Учебный минимум. М., 2005. 78 С.

³ См.: *Ломакин Д.В.* Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. С. 67.

⁴ См.: *Ручкина Г.Ф.* Корпоративное право: учебник и практикум для вузов. URL: <https://urait.ru/bcode/495376/p.89> (дата обращения: 31.08.2023).

образования, в котором объединены такие разноплановые категории людей, как собственники, управляющие, наемные работники»¹.

Некоторые из вышеуказанных дефиниций появлялись еще до принятия Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ², который внес существенные изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ), и ввел законодательное определение корпоративных отношений. Согласно ГК РФ, это отношения, непосредственно связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими. Законодатель четко обозначил их как обособленный предмет регулирования гражданского законодательства, тем самым отделив их от обязательственных и вещных правоотношений.

Д.В. Ломакин одним из первых заявил о самостоятельности и обособленности корпоративных отношений, в частности, от вещных и обязательственных. Он отмечал, что корпоративные отношения возникают тогда, когда между конкретными субъектами в рамках юридического лица, являющегося корпорацией, выстраиваются взаимосвязи³.

Для глубокого понимания сути и характера корпоративных отношений, рассматриваемых в рамках текущего параграфа, необходимо проанализировать сущность норм, регулирующих эти отношения, способы их регулирования, их место в системе гражданских отношений и их содержание.

Правовые нормы, регулирующие корпоративные отношения, характеризуются комплексностью и двойственностью, поскольку включают нормы как диспозитивного, так и императивного характера⁴. Ф.С. Карагусов отмечает, что корпоративные отношения изначально были видом гражданско-

¹ См.: *Кашанина Т.В.* Корпоративное право. М., 2010. С. 53.

² См.: Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ (с изм. и доп. от 4 марта 2013 г., № 21-ФЗ) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53, Ч. 1, ст. 7627; 2013. № 9, ст. 873.

³ См.: *Ломакин Д.В.* Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. С. 88.

⁴ См.: *Гутников О.В.* Содержание корпоративных отношений // Журнал российского права. 2013. № 1. С. 30.

правовых отношений, но в силу усложнения социально-экономических связей в соответствующую сферу регулирования стали проникать нормы публичного права¹.

Сочетание диспозитивности и императивности в корпоративных нормах заставило многих ученых усомниться в их принадлежности к гражданскому праву. В.К. Андреев опровергает гражданско-правовую природу корпоративных отношений, обосновывая это отсутствием имущественного содержания и одновременным присутствием субординационных связей². В.П. Мозолин подходит к настоящему вопросу более радикально и пишет, что корпоративные отношения должна регулировать самостоятельная отрасль законодательства, в связи с чем, такие отношения не могут быть предметом гражданско-правовых норм³.

А.А. Кущенко, занимая более взвешенную позицию по вопросу отнесения корпоративных отношений в состав гражданско-правовых, в своем диссертационном исследовании предостерегает от смешения и отождествления корпоративных отношений с гражданско-правовыми, основанными на равноправии субъектов⁴.

В то же время существуют и противоположные взгляды, основанные на преимущественно диспозитивной природе корпоративных отношений. И.Е. Соловьева, например, утверждает, что «корпоративные правоотношения представляют разновидность гражданских правоотношений, поскольку они основаны на равенстве, автономии воли, имущественной и организационной обособленности их субъектов»⁵.

¹ См.: *Карагузов Ф.С.* Основы корпоративного права и корпоративное законодательство Республики Казахстан. Алматы, 2011. С. 11.

² См.: *Андреев В.К., Лаптев В.А.* Корпоративное право современной России. М., 2023. С. 100.

³ См.: *Мозолин В.П.* На пике времени: Избранные труды. В поисках научной истины. М., 2014. С. 308.

⁴ См.: *Кущенко А.А.* Корпоративные отношения как предмет правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 103.

⁵ См.: *Соловьева И.Е.* Процессуальные средства защиты частных интересов субъектов малого предпринимательства в России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 120.

По нашему мнению, точки зрения А.А. Кущенко и Ф.С. Карагузова более полно отражает сущность корпоративных отношений. С одной стороны, они действительно регулируются большим массивом императивных норм, которые содержатся как в специальном, так и общем законодательстве. При этом устанавливается явная субординационная связь между участниками корпоративных отношений. Так, в соответствии с п. 2 ст. 3 и п. 3 ст. 307.1 ГК РФ общие положения об обязательствах подпадают под правовое регулирование ГК РФ (включая общие положения об обязательствах и нормы гл. 4 ГК РФ) и принятых в соответствии с ним иных федеральных законов, регулирующих определенные сегменты социальных связей, а именно Федерального закона от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – ФЗ об ООО), Закона об АО, Федерального закона от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ «О производственных кооперативах», Федерального закона от 18 июня 2009 г. № 190-ФЗ «О кредитной кооперации» и другие. Последние нормативно-правовые акты призваны регулировать, в частности, порядок созыва общего собрания, структуру юридического лица, правила согласования крупных сделок и так далее. Упомянутые институты состоят преимущественно из императивных норм.

С другой стороны, трудно согласиться с мнением, что корпоративные отношения не обладают гражданско-правовой природой. Основным аргументом сторонников выделения корпоративного права как самостоятельной отрасли российского права является, как было указано выше, наличие субординационных связей внутри корпорации. Например, в коммерческих корпорациях, таких как общество с ограниченной ответственностью и акционерное общество, структура управления включает несколько ключевых органов. Высшим органом управления является общее собрание участников или акционеров, в компетенцию которого входит принятие ключевых решений, связанные с деятельностью корпорации:

1. Заключение крупных сделок.

2. Выплата дивидендов.
3. Внесение изменений в устав.
4. Назначение и освобождение от должности членов единоличного и коллегиального исполнительного органа и так далее¹.

Решения собрания обязательны для исполнительных органов корпорации, что обеспечивает единство управления и подотчетность². Такая сложная структура нетипична для классических гражданско-правовых отношений.

Однако наличие субординации не является достаточным основанием для выделения корпоративного права в отдельную отрасль. Воля корпорации формируется из воли ее дееспособных участников, которые действуют самостоятельно и преследуют собственные интересы. Именно их волеизъявление приводит к возникновению субординационных связей, поскольку подчинение одного участника другому возможно только на основе добровольных договоренностей. Субординационные и автономные начала в корпорации неразрывно связаны. Без субординации участники корпорации не имеют возможности реализовать свои законные интересы и, как следствие, выразить свою волю, а без волеизъявления участников не может сложиться иерархия органов управления корпорации, а также ее организованность и имущественная самостоятельность.

Многие исследователи в качестве основного метода регулирования корпоративных отношений выделяют императивный, что служит для них аргументом в пользу полного обособления корпоративного права от гражданского. Однако корпоративные отношения далеко не всегда регламентируются исключительно императивными нормами. Существуют и

¹ См.: Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (с изм. и доп. от 13 июля 2023 г., № 249-ФЗ) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998 г. № 7, ст. 785; 2024. № 33, ст. 4983.

См.: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (с изм. и доп. от 25 декабря 2023 г., № 631-ФЗ) «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 1; 2024. № 49, ст. 7437.

² См.: Суханов Е.А. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Том 1. М., 2011. С. 125.

диспозитивные правила, оставляющие участникам корпорации свободу в их волеизъявлении, что согласуется с общими принципами гражданского права.

Так, в п. 3 ст. 14 Закона об ООО указано, что Уставом общества может быть ограничен максимальный размер доли участника общества и возможность изменения соотношения долей участников общества. Такие ограничения не могут быть установлены в отношении отдельных участников общества. Указанные положения могут быть предусмотрены уставом общества при его учреждении, или изменены и исключены после его утверждения по решению общего собрания участников общества, принятому всеми участниками общества единогласно¹. В ГК РФ отсутствуют нормы об увеличении или уменьшении размеров долей в обществе с ограниченной ответственностью. Вместе с тем п. 3 ст. 14 упомянутого выше закона является не императивной нормой, а диспозитивной, хоть она и относится непосредственно к корпоративному законодательству.

Эту точку зрения поддерживают и другие ученые. Так, Н.Н. Пахомова пишет, что в основе отношений «управляющий-подчиненный» лежит акт согласования воли субъектов. Корпоративные отношения изначально возникают по обоюдному согласию участников, чем соблюдается один из главных принципов гражданского права – автономия воли². В.Ф. Яковлев, рассуждая про многообразие общественных отношений, регулируемых гражданским правом, полагает, что их разнородность не препятствует применению одного и того же метода регулирования. Кроме того, метод регулирования зависит от характера отношений³. В.В. Долинская обозначает корпоративные отношения «статутными или организационно-имущественными» отношениями, «которые не

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть I) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 11 марта 2024 г., № 48-ФЗ) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2024. № 33, ст. 4933.

² См.: Пахомова Н.Н. Цивилистическая теория корпоративных отношений. Екатеринбург, 2005. С. 201.

³ См.: Гонгало Б.М. Гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. 1. М., 2016. С. 268.

смешиваются с иными видами имущественных и неимущественных отношений»¹.

Таким образом, по своему характеру корпоративные отношения можно условно разделить на два вида:

1) Корпоративные отношения, регулируемые диспозитивными нормами;

2) Корпоративные отношения, регулируемые императивными нормами.

Их одновременное существование и взаимосвязанность определяют комплексный метод регулирования.

Анализ подтверждает, что корпоративным отношениям присущ волеизъявительный и субординационный характер. Как справедливо отмечает И.С. Шиткина, корпоративное право регулирует отношения между большим количеством субъектов, которые к тому же обладают разным комплексом прав и имеют разные возможности в управлении. В данном случае, подчёркивается в исследовании ученого, важно обеспечивать баланс этих интересов, что не всегда возможно достичь методом диспозитивного регулирования. Также И.С. Шиткина утверждает, что «некоторые отношения нуждаются в императивной регламентации, например, с участием «слабой стороны» (миноритарных акционеров, кредиторов дочерних хозяйственных обществ) или для защиты публичного правопорядка (например, с участием в качестве акционера государства). При этом в различных институтах корпоративного права имеется разное соотношение императивных и диспозитивных норм»².

Учитывая вышесказанное, представляется, что задача по поиску единого метода регулирования корпоративных отношений является заведомо невыполнимой, поскольку по своему содержанию они являются сложными и

¹ См.: *Долинская В.В.* Основные положения о юридических лицах: новеллы гражданского законодательства // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2015. № 6. С. 3-4.

² См.: *Шиткина И.С.* Особенности развития современного корпоративного законодательства и тенденции правоприменительной практики // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* 2018. № 9. С. 55.

многоаспектными. Целесообразно применять комплексный метод, сочетающий в себе элементы как императивного, так и диспозитивного регулирования¹.

Стоит отметить, что любые общественные отношения, на которых строится гражданский оборот, всегда являются зоной возникновения конфликтов, характер которых определяется особенностями данных отношений. В частности, возникновение, изменение и прекращение корпоративных отношений может сопровождаться корпоративными конфликтами.

Императивно-диспозитивные начала корпоративных отношений, заключающиеся в наличии как минимум нескольких участников корпоративных отношений и в создаваемой ими корпоративной конструкции, определяют сущность корпоративных конфликтов. Так, главная особенность корпоративных конфликтов основывается на том, что стороны стремятся обеспечить контроль над активами корпорации с целью извлечения участниками корпоративных отношений выгоды из ее деятельности. В данном случае уместно сослаться на позицию А.Н. Суслина, который указал, что «к одной характерной и отличительной черте корпоративного конфликта следует отнести то, что это явление непосредственно и практически неразрывно связано с корпоративным контролем»². Более подробно данный вопрос будет освещаться в параграфе 1.2 настоящего диссертационного исследования.

Одновременное наличие диспозитивных и императивных норм и комплексность метода регулирования уже придают корпоративным отношениям самостоятельность относительно других гражданско-правовых отношений и обуславливают наличие корпоративных споров как отдельной категории дел. Однако корпоративные отношения фактически по своему содержанию гораздо более узкие, чем корпоративные споры, что видно из определений соответствующих понятий содержащихся в российском законодательстве. Так,

¹ См.: Черкасова О.В. Экономическая и юридическая сущность корпоративных отношений: доктринальные и правовые аспекты // Право и экономика. 2021. № 4. С. 24.

² См.: Суслин А.Н. Правовая характеристика понятия корпоративного конфликта в Российской Федерации // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 1. С. 138/

определение корпоративного спора включает в себя те категории дел, которые связаны с созданием и ликвидацией корпораций, в то время как категория корпоративных споров делает акцент исключительно на осуществлении участниками корпоративных отношений прав участия и управления. Данная проблема приводит к рассогласованию норм материального и процессуального права и поднимает вопрос о том, учитывает ли процессуальное законодательство динамику материально-правовых отношений.

Некоторые ученые, в частности Д.А. Пяткин и Т.В. Андрейчук считают, что отношения при создании корпорации, которая отвечает признакам полноценного юридического лица (самостоятельность, имущественная обособленность, правосубъектность и так далее) по своей сущности остаются корпоративными¹.

Выразим несогласие с позицией Д.А. Пяткина и Т.В. Андрейчука, поскольку корпоративные отношения могут возникнуть только тогда, когда корпорация уже создана. Пока выстраивается определенная система взаимодействия, распределяется корпоративный контроль и формируется зона ответственности каждого потенциального участника, нельзя говорить и о возможном возникновении корпоративного конфликта, в том числе в последней его стадии – корпоративного спора. Корпоративные отношения выстраиваются на полностью сформированной системе взаимоотношений, когда имеется строго регламентированный порядок взаимодействия и подчинения и когда участники уже совершили определенные действия, способные подтолкнуть к разногласиям.

Также вызывает сомнения отнесение к числу корпоративных всех отношений, связанных с ликвидацией юридического лица. Для начала стоит обратить внимание на тот факт, что не все требования, вытекающие из отношений о ликвидации юридического лица, ведут к судебному спору. Так, в случае рассмотрения дела о распределении обнаруженного имущества после ликвидации юридического лица отсутствуют отношения управления или участия. Основанием для соответствующих требований является либо

¹ См.: Пяткин Д.А., Андрейчук Т.В. Гражданско-правовая характеристика особенностей корпоративных прав // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 3. С. 136.

невозможность исполнить обязательства перед кредиторами, либо невозможность осуществлять экономическую деятельность по иным причинам, не связанным с наличием непогашенных требований к корпорации. В силу своего обязательственного характера не будут признаваться корпоративными отношения, связанные ликвидацией (реорганизации), инициированные по иску кредитора.

Таким образом, задача, заключающаяся в определении четкой взаимосвязи и взаимобусловленности феноменов корпоративных отношений и корпоративных споров, остается по-прежнему актуальной. При этом нередко вступают в конфликт друг с другом текущие доктринальные воззрения на их место в системе гражданско-правовых отношений. Это приводит к отсутствию общепринятых дефиниций корпоративных отношений и корпоративных споров. Так, не сложилось единого понимания наличия тождества между корпоративными и обязательственными отношениями. Поэтому целесообразно исследовать вопрос о том, как соотносятся корпоративные отношения с другими гражданско-правовыми отношениями.

Несмотря на очевидность необходимости придания корпоративным отношениям самостоятельного статуса в юридической доктрине до сих пор не пришли к единому пониманию о том, имеется ли тождество между корпоративными и обязательственными отношениями. В связи с этим можно выделить две противоположные позиции по этому вопросу. Представители первой позиции приводят аргументы о различности данных отношений. Так, И.С. Шиткина обращает внимание на другую модель построения: если в обязательственных отношениях существуют должник, обязанный исполнить какое-либо действие или, наоборот, воздержаться от его исполнения, и кредитор, имеющий право требовать исполнения обязательства, то в корпоративных отношениях участники корпорации осуществляют полномочия по управлению и участию в ней, а корпорация, аккумулируя в себе их волю, принимает решение, за которое проголосовали большинство участников. Если должник и кредиторы

закключают сделки для удовлетворения своих интересов, не вступая во взаимозависимые отношения, то корпорация и участник корпорации обладают постоянной функциональной связью¹. К.В. Нам дополняет, что корпоративные отношения отличаются отсутствием принципа обмена и характеризуются общенаправленными интересами объединившихся субъектов экономической деятельности².

Представители второй позиции основывают свое мнение на том, что корпоративные отношения имеют обязательственную природу. В качестве аргумента они приводят случаи, когда некоторые нормативно-правовые акты относят определенные категории корпоративных отношений к обязательственным. Так, А.В. Терентьев указывает, что ст. 2 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон об АО) фактически противоречит ст. 2 ГК РФ³.

Отдельного внимания в контексте вопроса соотношения корпоративных и обязательственных отношений заслуживает мнение А.Г. Карапетова. Раскрывая содержание ст. 307.1 ГК РФ, он ссылается на обязательственный характер корпоративных отношений. Поскольку между участниками корпоративных отношений, среди которых сама корпорация, органы управления корпорации и владельцы долей, акций, паев и т.д., возникают отношения, в рамках которых права одного лица обусловлено исполнением обязательств со стороны другого лица, то однозначно имеются признаки обязательственных отношений, к таким отношениям применяются как нормы корпоративного, так и нормы обязательственного законодательства. А.Г. Карапетов, продолжая логику своих рассуждений, отмечает универсальность возникновения обязательств. Другими словами, обязательства возникают не только в корпоративных отношениях, где

¹ См.: *Шиткина И.С.* Корпоративное право: учебник. М., 2019. С. 329.

² См.: *Нам К.В.* Принципы добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М., 2019. С. 78.

³ См.: *Терентьев А.В.* О понятии корпоративных отношений в современном российском законодательстве // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 3. С. 35.

одно лицо должно другому выплатить денежную сумму в определенном в размере, но и в тех отношениях, где одно лицо обязано совершить определенное действие или воздержаться от его совершения. Вышесказанному соответствует пример, когда корпорация обязана предоставить ее участнику информацию о ее деятельности, или пример, когда корпорация имеет право требовать от участника внесения имущества в уставной капитал или принимать участие в ключевых вопросах деятельности компании. Исследователь считает уместным примером и ситуации, когда у одних участников корпорации возникают обязательства перед другими, например, в случае, когда мажоритарный участник нарушает права и законные интересы миноритариев, что влечет за собой возникновение у последнего права взыскать убытки. На основе данной позиции выделяются вертикальные и горизонтальные корпоративные обязательства. При этом под первыми понимаются отношения между корпорацией и участниками, а под вторыми – отношения между самими участниками¹.

По нашему мнению, оба подхода являются спорными. Во-первых, исследователи склонны отождествлять природу обязательств, возникающих между участниками корпоративных отношений, и обязательств по смыслу ст. 307 ГК РФ (далее – обычные обязательства). Вследствие этого необходимо ответить на следующий вопрос: что имеется ввиду под обязательственным характером корпоративных отношений, если такой признак имеется в действительности? Во-вторых, логика данных подходов не позволяет четко определить, в какой момент возникают корпоративные и обязательственные отношения. Эти пробелы требуют дополнительного исследования.

Для начала определим особенности корпоративных обязательств. Любые правоотношения имеют содержание. В него включается как субъективное право, так и корреспондирующая ему юридическая обязанность. Следовательно, в содержание корпоративных правоотношений включаются права и обязанности, закрепленные нормами корпоративного права или, другими словами,

¹ См.: *Каранетов А.Г.* Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307 - 328 и 407 - 419 Гражданского кодекса Российской Федерации. М., 2022. С. 786.

корпоративные права и корпоративные обязанности (обязательства). Вышесказанное позволяет уже на общетеоретическом уровне отделить обычное обязательство от корпоративного.

Продолжая углубляться в основы теории государства и права, мы можем сказать, что у любого обязательства имеется свой собственный предмет. Если у обычного обязательства предметом выступают имущественные или неимущественные блага, удовлетворяющие интересы кредитора, то предметом корпоративного обязательства – имущественные или неимущественные блага, необходимые для корпорации и ее участников как взаимосвязанных лиц.

Субъектный состав корпоративных обязательств, также как и обычных обязательств, отличается относимостью. Однако при построении корпоративных обязательств между корпорацией и участником образуются взаимозависимые связи, оформляющиеся юридически в основных документах корпорации. В обычном обязательстве сторонами выступают, как правило, независимые друг от друга лица.

Обычные обязательства в силу своей однонаправленности существуют до момента осуществления должником действий или до момента, когда ему будет разрешено производить действие, ранее запрещавшееся этим обязательством, вне зависимости от прекращаются исполнением. Существо же корпоративных обязательств заключается в том, что они носят длящийся, регулярный характер.

В отличие от обычных обязательств корпоративные обязательства регламентируются определенным разделом ГК РФ, а также специализированными законами об отдельных юридических лицах с корпоративной организационно-правовой формой.

Исходя из вышеизложенного, корпоративные обязательства существенно отличаются от обычных. Вследствие этого корпоративные отношения обладают обязательственной природой, обусловленной характером и особенностями корпоративных обязательств, а именно предметом, субъектным составом и специализированностью правового регулирования. Отсюда следует и другой

вывод: обязательственная природа корпоративных отношений не тождественна обычным обязательствам, а значит нормы обязательственного права не подменяют собой нормы корпоративного права.

Поэтому, возвращаясь к высказыванию А.В. Терентьева о несоответствии ст. 2 ГК РФ определения акционерного общества в Законе об АО, можно отметить, что в данном определении перечисляются основные признаки акционерного общества, а также устанавливается правовой статус правообладателей акций. Кроме того, наличие обязательственных прав у акционеров не означает, что корпоративные отношения сводятся только к обязательственному элементу хотя бы в силу того, что сфера регулирования Закона об АО более обширна и включает в себя не только правовой статус участников, но и положения относительно структуры акционерного общества, порядка совершения крупных сделок и сделок с заинтересованностью и так далее. По нашему мнению, при анализе вышеуказанной правовой нормы следовало исходить из общего смысла Закона об АО, применяя систематическое толкование и беря при этом за основу как общие нормы, отраженные в ГК РФ, так и специальные.

Вместе с тем, нормы корпоративного и обязательственного права тесно связаны между собой. На это прямо указывает ст. 307.1 ГК РФ, согласно которой общие положения об обязательствах применяются к требованиям возникшим из корпоративных отношений, если иное не установлено законодательством. Раскроем взаимосвязь норм корпоративного и обязательственного права.

В процессе анализа норм гражданского законодательства было выявлено, что обязательственные правоотношения между участниками корпоративных отношений возникают при необходимости изменения системы взаимосвязей между участниками и корпоративной структурой. Формирование, изменение и прекращение корпоративных правоотношений в рамках обязательственного права осуществляется через заключение договоров между корпорацией и ее участниками, между самими участниками или между корпорацией, ее

участником и (или) третьими лицами. К таким договорам относятся, в частности, соглашения о купле-продаже акций, долей, паев и другие, а также корпоративные договоры.

Например, при заключении договора-купли-продажи доли в ООО текущий участник продает определенную долю в ООО третьему лицу. В результате осуществления продажи доли отношения между текущим участником и корпорацией (ООО) прекращаются, в то время как возникают отношения между данной корпорацией и третьим лицом (новым участником). В случае же выплаты действительной стоимости доли при выходе из корпорации отношения между участником, изъявившем желание выйти из нее, и самой корпорацией строятся по классической модели «должник-кредитор», в которых корпорация как должник обязана осуществить действительную выплату доли участнику как кредитору. При этом данная доля должна быть распределена между другими участниками. В случае незаконного отказа в выплате доли участник имеет право начислить проценты в порядке ст. 395 ГК РФ, что является, безусловно, проявлением обязательственных отношений.

Обязательственный характер, будучи сделкой, имеет и корпоративный договор, который служит целям обеспечения прав и интересов участников. Д.В. Ломакин справедливо отмечает, что такой договор не создает новых корпоративных прав и обязанностей, но может устанавливать условия, которые влияют на их возникновение, изменение или прекращение (например, условие о выходе участника).¹

Корпоративным договором стороны могут предусмотреть условия, создающие, изменяющие или прекращающие корпоративные отношения. Так, стороны, заключая его, могут предусмотреть условие о прекращении статуса участника.

Таким образом, корпоративные и обязательственные отношения связаны функционально и систематически. Применение обязательственных норм права

¹ См.: Ломакин Д.В. Применение норм о корпоративном договоре в практике арбитражных судов // Хозяйство и право. 2019. № 11 (514). С. 23.

придает корпоративным отношениям динамику, создавая участникам таких отношений наиболее подходящие условия для осуществления ими своих прав и законных интересов.

Далее перейдём к вопросу о содержании корпоративных отношений. После принятия в 2012 г. Федерального закона № 302-ФЗ, который вел определение корпоративных отношений, общее понимание их природы стало более взвешенным и четким. Кроме того, оно стало более широким, так как появились новые понятия, такие как «участие» и «управление», которые стали предметом обсуждения.

На данный момент исследователи выделяют два подхода к управлению корпорациями. Первая позиция основывается на том, что существует два вида корпоративных отношений:

- 1) отношения, связанные с участием в корпорации;
- 2) отношения, связанные с управлением корпорацией.

Важно понимать, что эти понятия, несмотря на свою схожесть, имеют существенные различия и существуют независимо друг от друга. Участник корпорации не обязательно должен ей управлять, а управляющий не всегда является участником. С.Ю. Филиппова и И.С. Шиткина определяют участие в корпорации как законную связь между физическими или юридическими лицами и самой корпорацией. Управление корпорацией подразумевает, что участники действуют в интересах компании, стремясь к её процветанию и получению выгоды¹.

В рамках корпорации могут возникать различные виды отношений. Первая группа таких отношений связана с субъектами гражданского права, в то время как вторая группа относится к органам корпорации, которые, согласно статье 65.3 ГК РФ, не являются субъектами гражданского права².

¹ См.: *Филиппова С.Ю.* К вопросу о понятии корпоративного конфликта // Российская юстиция. 2009. № 12. С. 33.

См.: *Шиткина И.С.* Корпоративное право: учебник. М., 2019. С. 300.

² См.: *Шиткина И.С.* Корпоративное право: учебник. М., 2019. С. 335.

Сторонники второго подхода исходят из того, что корпоративные отношения по управлению не могут существовать отдельно от отношений участия, так как производны от них. То есть, корпоративные отношения изначально должны в себе сочетать элементы как участия, так и управления¹.

Мнения ученых, основанные на такой позиции, имеют право на существование и являются предметом пристального исследования и научного интереса.

Первый подход строго дифференцирует два вида корпоративных отношений, игнорируя взаимосвязь между управлением и участием в корпорации. При этом упоминается, что отношения, связанные с участием в корпорации, существуют между субъектами гражданского права, а отношения управления образуются в ходе осуществления соответствующих полномочий органами корпораций, которые не обладают статусом субъекта гражданского права. Это объясняется тем, что согласно смыслу гражданского законодательства органы корпорации не могут выступать субъектами гражданского права в силу своей исполнительной функции, заключающейся в аккумуляции интересов участников и реализации их решений. Деятельность исполнительных органов обеспечивается ключевыми обязанностями: действовать разумно и добросовестно.

Недостаток описанного выше подхода, на наш взгляд, состоит в том, что его сторонники разделяют отношения управления и отношения участия, придавая им исключительно независимый друг от друга характер, однако не учитывают, что участник корпорации может одновременно реализовывать и права участия, и права управления.

Второй подход, наоборот, допускает возможность одновременной реализации участником корпоративных отношений прав управления

¹См.: *Ломакин Д.В.* Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений: учебное пособие. М., 2020. С. 14.

См.: *Яковлев В.Ф.* Модернизация Гражданского кодекса Российской Федерации // Кодификация российского частного права 2019. М., 2019. С. 340.

корпорацией и прав участия в ней. Существенным минусом концепции выступает то, что этот подход не учитывает те отношения, которые не требуют реализации прав на управление, в частности прав на получение дивидендов.

Проанализировав обе концепции, считаем, что они имеют право на существование и более того, дополняют друг друга. Приверженность лишь одной из вышеуказанных концепций позволяет понимать суть корпоративных отношений фрагментарно, без учета необходимых взаимосвязей. Таким образом, предлагается классифицировать корпоративные отношения исходя из их субъектно-правового содержания критерия и выделить среди них:

- 1) отношения участия, не являющиеся отношениями управления;
- 2) отношения участия, являющиеся одновременно отношениями управления;
- 3) отношения управления, регулируемые императивными нормами.

Под последними понимаются, в частности, отношения между органами корпорации, а также отношения между корпорацией и ее органами, поскольку в силу ст. 65.3 ГК РФ органы не могут изъявлять собственную волю и быть участником правоотношений в гражданско-правовом смысле.

Итоги текущего параграфа позволяют нам сделать следующие выводы:

А. Корпоративные отношения основаны на диспозитивных и субординационных началах, что обусловлено особой связью между корпорацией и ее участниками.

В. Корпоративные отношения не имеют самостоятельного метода регулирования, поскольку являются частью гражданско-правовых отношений.

С. Корпоративные отношения обладают обязательственной природой, обусловленной характером и особенностями корпоративных обязательств, а именно предметом, субъектным составом и специализированностью правового регулирования. Обязательственная природа корпоративных отношений не предполагает возможности их регулирования нормами подотрасли обязательственного права.

Д. Корпоративные и обязательственные отношения связаны функционально и систематически. Применение обязательственных норм права придает динамику корпоративным отношениям, создавая участникам таких отношений наиболее подходящие условия для осуществления ими своих прав и законных интересов.

Е. Корпоративные отношения могут существовать только тогда, когда будет создана сама корпорация, поскольку вне корпорации никаким образом нельзя реализовывать права и исполнять обязанности по участию и управлению в корпорации.

На основе вышеуказанных признаков можно сформулировать следующее определение к понятию корпоративных отношений: это общественные отношения, основанные на субординационно-добровольных началах, являющиеся предметом регулирования правовых диспозитивных и императивных норм, направленные на осуществление прав участия в юридическом лице с корпоративной организационно-правовой формой и прав управления им.

1.2. Понятие и критерии квалификации корпоративных споров

Феномен корпоративного спора многократно исследовался в науке цивилистического процесса. Несмотря на то, что современная юридическая доктрина отличается разнообразием трактовок данного понятия, корпоративный спор рассматривается преимущественно в контексте арбитражного процесса, не смотря на то, что в 2018 года уже сформировалось законодательное определение корпоративных споров, рассматриваемых в судах общей юрисдикции. Фиксация законодателем дефиниций корпоративных споров в АПК РФ и ГПК РФ может считаться решением проблемы их содержательного наполнения, но условно, поскольку в науке гражданского процессуального права вопросы рассмотрения корпоративных споров освещаются мало. При этом в силу схожести

определений, содержащихся в процессуальных кодексах, становится актуальным вопрос о том, что понимается под корпоративным спором в контексте единого цивилистического процесса.

Поскольку в значительном количестве научных работ исследование корпоративных споров опосредовалось детальным рассмотрением сущности корпоративных конфликтов, то в рамках текущего параграфа целесообразно изучить природу указанных категорий и их взаимосвязь.

Понятие «конфликт» является многоаспектным и объемным в связи с тем, то оно присутствует в различных научных сферах, включая область юриспруденции. В широком смысле — это форма общественных отношений, в которой сталкиваются противоположные интересы. В узком смысле природа — это социальное взаимодействие, при котором происходит прямое столкновение сторон, на основе различий в интересах¹.

Исходя из этих определений, можно выделить такие признаки конфликта, как:

- 1) предмет, на который претендуют участники конфликта;
- 2) участники конфликта с противоположными интересами;
- 3) наличие у участников противоположных позиций относительно предмета конфликта;
- 4) объективный и субъективный характер возникновения конфликта.

Существование корпоративных конфликтов обуславливают разные и зачастую противоположные интересы участников корпоративных отношений. Конфликты сопровождают деятельность корпораций, как и все гражданско-правовые взаимоотношения. Их решение – это сложный и трудоемкий процесс, основанный, прежде всего, на поиске идеальной формулы соблюдения разнонаправленных и пересекающихся интересов, как правило, большого количества участников в условиях. Устранение конфликта лежит в области

¹ См.: *Боженко В.А.* Определение понятия «Конфликт» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2000. № 2. С. 143.

достижения договоренностей по поводу дальнейшего развития корпорации, увеличения стоимости ее активов, повышения дивидендов.

В случае возникновения разногласий между участниками корпоративных отношений существует ряд правовых механизмов, которые могут помочь разрешить спор и сохранить активы корпорации. К ним могут относиться:

1. Переговоры – процесс взаимодействия оппонентов с целью достижения согласованного и устраивающего стороны решения

2. Корпоративный договор – это соглашение между участниками корпорации, которое определяет их права и обязанности в рамках корпоративных отношений. В таком договоре могут быть прописаны условия о распределении прибыли, управлении компанией, выходе участника из состава и другие важные аспекты.

3. Локальные акты – это документы, которые разрабатываются для регулирования специфических вопросов внутри корпорации.

Использование этих механизмов позволяет участникам конфликта не только сохранить свои активы и корпорацию в целом, но и защитить свои права и интересы, что является важным условием для стабильности и развития бизнеса. Это, несомненно, может привести к увеличению прибыли юридического лица, его участников, к росту количества рабочих мест, налогооблагаемой базы и так далее.

Негативная сторона корпоративного конфликта заключается в том, что конфликтующие стороны своими действиями разрушают текущую систему отношений между участниками корпорации, поскольку стороны, преследуя свою выгоду, не всегда готовы идти на уступки или вести бизнес добросовестно. Затяжной конфликт наносит ущерб самой корпорации, ее хозяйственной деятельности и всем участникам.

Хотя корпоративный конфликт является одним из многих видов юридического конфликта, соответствующая общепринятая дефиниция еще не нашла отражение ни на правоприменительном, ни на научном уровне. Это

порождает множество различных и нередко противоречивых трактовок данного понятия. В рамках диссертационного исследования были отобраны четыре основных подхода к определению понятия «корпоративный конфликт».

Особенность первого подхода заключается в том, что его сторонники конкретизируют, между кем именно может возникнуть корпоративный конфликт. Так, О.А. Макарова выделяет следующих участников конфликта – орган управления общества и участники корпорации. Закрепленное в нем определение предусматривает наличие конфликта только между корпорациями и органами общественного управления¹.

По мнению других исследователей, участниками конфликта могут быть не только органы и участники юридического лица, но также и инвесторы. При этом обязательным признаком корпоративного конфликта выступает нарушение прав и законных интересов участников корпорации, положений внутренних документов, инициирование судебных разбирательств и так далее².

Представители второго подхода утверждают, что под корпоративным конфликтом стоит понимать ситуацию столкновения интересов участников отношений, которая разрешается путем их удовлетворения одним лицом. Так, Д.И. Дедов отмечает следующие признаки корпоративного конфликта:

- 1) наличие противоречивых интересов;
- 2) удовлетворение интересов в рамках корпоративного конфликта при участии уполномоченного принципала (поверенного, агента, директора, доверительного управляющего)³.

Третий подход акцентирует внимание на противоречии интересов участника и корпорации. А.В. Габов указывает, что под корпоративным

¹ См.: Макарова О.А. Корпоративное право. М., 2023. С. 311.

² См.: Семенова А.С., Сизова Ю.С. Корпоративные конфликты. Причины их возникновения и способы преодоления. М., 2006. С. 11.

³ См.: Дедов Д.И. Конфликт интересов. М., 2004. С. 92.

конфликтом стоит понимать ситуацию, когда интересы участника корпорации не соответствуют интересам самой корпорации¹.

Четвертый подход представлен в работах Е.И. Никологорской, она утверждает, что корпоративный конфликт – это некое отношение, возникающее при противоречии прав и интересов участников корпоративных отношений и действий, направленных на взаимоисключающие цели².

Е.В. Шимбарева определяет корпоративный конфликт в узком смысле «как комплекс корпоративных правоотношений, сопровождающихся конфликтом интересов корпорации, участников корпорации (реальных и потенциальных), должностных лиц органов управления, объектом которого выступает корпоративный контроль»³. В более широком понимании, по её мнению, корпоративный конфликт приводит к различным последствиям – то есть «выражается не только в гражданско-правовых, но и в иных регулируемых правом отношениях, которые могут возникнуть при конфликте корпоративных интересов (уголовно-правовых, административных), а также общественных отношениях, на которые воздействуют другие социальные регуляторы»⁴.

Анализ показал, что ни один из подходов не является исчерпывающим и, как следствие, не претендует на статус единого в правовой доктрине.

Представители первого подхода удачно указывают на состав участников конфликта, однако игнорируют другие важные критерии изучаемого явления, например, объект конфликта.

Второй подход можно посчитать сильно ограниченным, поскольку ответственность за инициирование и разрешение конфликта фактически ложится на принципала. Именно на него, по мнению Д.И. Дедова, возлагают обязанность восстановления прав участников корпорации. При этом зачастую принципалом

¹ См.: *Габов А.В.* Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М., 2005. С. 268.

² См.: *Никологорская Е.И.* Урегулирование корпоративных конфликтов в акционерных правоотношениях // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2007. № 7. С. 47.

³ См.: *Шимбарева Е.В.* Корпоративные конфликты и контроль: гражданско-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2010. С. 58.

⁴ См.: Там же.

является именно руководитель корпорации. Однако, не учитывается, что принципал-руководитель, будучи таким же участником корпоративных отношений, обладает не только обязанностями, но и комплексом защищаемых законом прав. В связи с этим он также может являться участником корпоративного конфликта. Данный факт говорит о том, что права и законные интересы принципала-руководителя потенциально могут быть нарушены со стороны недобросовестных участников корпорации. В связи с этим возникает закономерный вопрос: если принципал-руководитель обязан разрешать корпоративные конфликты, то какое лицо будет уполномочено устранять их в случае, если одной из сторон выступит сам принципал? Ведь может возникнуть ситуация, когда он фактически может быть лишен возможности защититься от недобросовестного поведения других участников.

Неполным можно посчитать и третий подход, поскольку, согласно нему корпоративный конфликт сводится к противоречию интересов корпорации и ее участника, что в принципе невозможно в силу многообразия отношений внутри нее.

Наиболее дискуссионным является четвертый подход, который понимает под корпоративным конфликтом отношения между его субъектами. Названное утверждение представляется не совсем обоснованным, поскольку отношения выступают объектом конфликта. При этом, как верно пишет Д.Р. Фейзрахманова, корпоративный конфликт сам по себе не может являться корпоративным отношением, поскольку возникает в условиях уже сложившихся в корпорации корпоративных и иных отношений, непосредственно связанных с ними¹. Такого же мнения придерживается и В.А. Лаптев².

Следует согласиться с мнениями Д.Р. Фейзрахмановой и В.А. Лаптева о том, что конфликт – это явление, которое может возникать в рамках уже

¹ См.: Фейзрахманова Д.Р. Понятие корпоративного конфликта: современный взгляд // Российская юстиция. 2019. № 12. С. 69.

² См.: Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России. М., 2023. С. 181.

установившихся отношений. Прежде чем произойдет корпоративный конфликт, участники должны проявить заинтересованность в совместной деятельности и предпринять конкретные юридически необходимые шаги, такие как создание и регистрация юридического лица, определение долей участников, формирование системы органов управления и так далее. Без наличия указанных предпосылок корпоративный конфликт не может возникнуть.

Любые общественные отношения, в зависимости от тех или иных обстоятельств, обладают определенным состоянием. В случае корпоративного конфликта отношения между участниками юридического лица приобретают характер разногласий и противоборства. Поэтому корпоративный конфликт – это скорее форма уже возникших отношений в рамках корпорации. Похожего мнения придерживается С.Ю. Филиппова, которая считает, что корпоративный конфликт отражает характеристики корпоративного отношения, показывающие наличие разногласий между участниками юридического лица¹.

Главное достоинство четвертого подхода к определению изучаемого понятия заключается в том, что его представители выделяют последствия корпоративного конфликта в виде возникновения новых общественных отношений. В частности, как верно рассудила Е.В. Шимбарева, возможно появление таких правоотношений, которые могут быть урегулированы нормами различных отраслей права. Например, подача участником конфликта заявления о преступлении способно привести к возникновению уголовно-правовых отношений, а подача искового заявления в арбитражный суд – к возникновению обычного гражданско-правового или корпоративного спора.

Таким образом, проанализированные выше подходы могут служить потенциально прочной основой для формирования общепринятого понятия корпоративного конфликта. В каждом из них есть сущностный признак, позволяющий глубоко рассмотреть суть данного явления. Однако для этого, на наш взгляд, необходимо также учитывать причину и повод конфликта. Повод

¹ См.: *Филиппова С.Ю.* К вопросу о понятии корпоративного конфликта // *Российская юстиция.* 2009. № 12. С. 31.

для конфликта — это событие или действие, непосредственно влекущее противоборство сторон, а причина — противоположные интересы сторон относительно какого-либо явления или предмета.

Анализ юридической доктрины позволяет выделить такие поводы для корпоративного конфликта как рейдерский захват организации или совершение экстраординарной сделки, повлекшей за собой вывод активов. Причина такого конфликта заключается в том, что участников корпоративного конфликта имеются противоположные интересы относительно экономической деятельности юридического лица.

В рамках параграфа 1.1 настоящего исследования уже отмечалось, что главная особенность корпоративных конфликтов основывается на том, что стороны стремятся обеспечить контроль над активами корпорации с целью извлечения участниками корпоративных отношений выгоды из ее деятельности. Для подтверждения данного тезиса, в первую очередь, обратимся к точке зрения А.А. Данельяна.

Ученый справедливо отмечает, что причиной конфликта является определенное количество акций или долей в корпорации, дающие участнику права участия и управления. При этом они наделяются не только имущественной, но и корпоративной ценностью для потенциальных приобретателей таких прав.

Ученый считает, что рынок корпоративного контроля представляет собой механизм, который позволяет передавать управление корпорацией. На этом рынке существует спрос и предложение на пакеты долей, акции, паи и другие финансовые инструменты. Идеальной считается ситуация, когда стоимость всех прав участия в юридическом лице соответствует стоимости его активов. Однако в России многие коммерческие организации недооценены с точки зрения реальной рыночной стоимости. В результате стоимость всех акций, долей в уставном капитале и паев не отражает реальную стоимость имущественного комплекса. Это приводит к высокому спросу на корпоративный контроль над

такими компаниями, что увеличивает ликвидность рынка корпоративного контроля.

А.А. Данельян, продолжая свою мысль, указывает, что перераспределение корпоративного контроля в свою очередь должно происходить с предоставлением равноценного встречного исполнения. Другими словами, участник корпорации, полностью или частично передающий пакет акций или долей, имеет право на получение разумной и экономически обоснованной компенсации. В случае если этого не происходит, возникает нарушение баланса интересов и корпоративный конфликт. При этом такая ситуация может возникнуть зачастую из-за применения недобросовестных методов перехвата контроля над корпорацией.

Ученый подмечает, что незаконный перехват корпоративного контроля может происходить в разных формах, поскольку зависит от экономических процессов, протекающих в конкретном регионе. Например, российская правовая действительность показывает, что собственник юридического лица стремится сконцентрировать на себе или на заинтересованных лицах как можно больше корпоративных и имущественных прав. В связи с этим теряется смысл корпорации как средства получения прибыли множеством лиц.

Хозяйственная деятельность некоторых российских компаний осуществляется с использованием теневых схем, что вызывает недоверие со стороны третьих лиц, включая инвесторов. В результате у последних возникает потребность в прямом контроле над компанией, который может быть установлен как законными, так и незаконными способами. В результате возникает ситуация, когда сталкиваются друг с другом интерес одной стороны, выступающей за увеличение корпоративного контроля, и интерес другой стороны, направленного на сохранение такого контроля за собой¹.

Действительно, изложенная выше точка зрения А.А. Данельяна находит свое отражение в реалиях корпоративных конфликтов. Особенности российского

¹ См.: Данельян А.А. Корпорации и корпоративные конфликты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 59–60.

бизнеса сводятся к тому, что капитал накапливается преимущественно в руках одного или нескольких бенефициаров. Основные тенденции ведения хозяйственной деятельности в Российской Федерации начали складываться еще в начале выстраивания нового правового порядка в 1990-е годы, и в настоящее время каких-либо существенных изменений они не претерпели.

Вместе с тем, конфликтные корпоративные отношения могут быть связаны не только с борьбой за контроль над корпорацией, но и с попытками вывода ее активов корпорации. Существует множество примеров, когда корпоративный конфликт приводит к имущественным проблемам или даже банкротству организации. К этому приводит злоупотребление правами как стороны участников корпорации, так и ее органов управления. Вследствие этого начинают предприниматься меры по возврату отчужденных активов или взысканию компенсации их стоимости. В данном случае речь, прежде всего, идет об иницировании корпоративных споров о признании экстраординарных сделок недействительными или взыскании с исполнительных органов корпорации убытков.

В обозначенном выше случае уместно говорить о корпоративном конфликте, в котором противопоставлены интересы лиц, участвовавших в выведении активов корпорации, и интересы лиц, стремящихся сохранить или вернуть данные активы, при этом, как правило, пытающихся восстановить платежеспособность компании.

Примечательно, что описанное А.А. Данельяном поведение участников корпоративных отношений также может быть обусловлено сохранением активов под своим контролем, поскольку они, захватывая или оставляя за собой корпоративные права, стремятся получить имеющиеся у юридического лица активы, ценность которых выражается в их стоимости и в потенциальной прибыльности.

Таким образом, глубинной причиной любого корпоративного конфликта можно считать стремление сторон обеспечить контроль над активами

корпорации с целью извлечения выгоды из ее деятельности. В контексте вышеизложенного для целей диссертационного исследования необходимо разъяснить понятия «активы» и «контроль над активами». Под активами необходимо понимать имущество, имущественные права, результаты работ, авторские и интеллектуальные права и иные материальные и нематериальные блага. В свою очередь, контроль над активами – это возможность участника корпоративных отношений определять судьбу активов корпорации посредством реализации им своих субъективных прав участия и управления.

Научные воззрения А.А. Данельяна и других ученых, как правило, основываются на исследовании конфликтов, возникающих именно в коммерческих корпорациях. Отсюда возникает закономерный вопрос: обладают ли экономическим характером корпоративные конфликты, возникающие в некоммерческих корпорациях?

Для начала отметим, что корпоративные конфликты в некоммерческих юридических лицах могут затронуть достаточно широкий круг вопросов, в частности:

- формирование и функционирование органов корпорации;
- уплата членских взносов;
- совершение сделок;
- вопросы, связанные с распределением дохода некоммерческой корпорации;
- реализация права на получение информации о деятельности некоммерческой корпорации;
- реализация права на выход из некоммерческой корпорации и так далее.

Некоммерческие корпорации создаются с целью, отличной от предпринимательской или иной экономической деятельности. Такие организации обычно создаются для выполнения социально значимых задач, которые заключаются в принесении пользы обществу, государству и отдельным индивидам.

Для некоммерческих корпораций несвойственно разделение ее членов по имущественному критерию в отличие коммерческих корпораций. Поэтому участники некоммерческих корпораций наделяются равными правами и обязанностями, а корпоративные отношения не обременены необходимостью распределения результатов хозяйственной деятельности.

При этом, как и любое юридическое лицо, некоммерческая корпорация обладает имущественной обособленностью, может иметь свои собственные денежные средства в наличной и безналичной форме, движимое и недвижимое имущество, источники дохода виде акций и долей в хозяйственных обществах, может деятельностью, приносящей доход, если это не противоречит целям ее создания и функционирования.

Однако некоммерческие корпорации принципиально отличаются от коммерческих характером распределения результатов ее деятельности. Если деятельность коммерческих корпораций направлена на удовлетворение предпринимательских интересов, то деятельность некоммерческих – на благополучие участников корпоративных отношений, не связанных с получением прибыли.

Участники ожидают получения определенных благ, которые через свою деятельность образует некоммерческая корпорация. Поэтому судьба имеющихся в юридическом лице активов ее членам небезразлична. В этом смысле стоит согласиться с С.В. Соловьевой, которая утверждает, что предметом соответствующего корпоративного конфликта выступает размер выгоды и доля дохода, которые причитаются участникам корпоративных отношений¹.

Контроль участников над активами коммерческой корпорации выражается в том, что количество акций, долей и паев каждого из участников коммерческой корпорации опосредует действительную стоимость имущества и имущественных прав, подлежащих передаче таким участникам в случае их выхода из корпорации. В некоммерческих корпорациях форма контроля над активами иная

¹ См.: Соловьева С.В. Некоммерческие юридические лица: конфликты внутренние и внешние // Журнал российского права. 2013. № 1. С. 45.

– коллективная, поскольку количество голосов участников прямо пропорционально количеству самих участников. Данная система членства исключает конфликт так называемых мажоритариев и миноритариев и обеспечивает распределение между участниками результатов деятельности некоммерческой корпорации.

Исходя из вышеизложенного, корпоративный конфликт можно определить, как состояние корпоративных отношений, причиной которого послужило незаконное с точки зрения одной стороны конфликта поведение другой его стороны. При этом корпоративные конфликты в коммерческих корпорациях характеризуются стремлением каждого из участников обеспечить контроль над активами корпорации посредством реализации прав участия и управления в корпорации наиболее выгодным для себя образом, а корпоративные конфликты в некоммерческих корпорациях — стремлением не допустить неравномерного распределения результатов деятельности такой корпорации между ее участниками.

Корпоративный конфликт — это дящееся явление, которое может трансформироваться в иные формы. Достаточно часто на практике он переходит в правовую плоскость, превращаясь в корпоративный спор.

Категория корпоративного спора включает в себя неотъемлемые признаки, присущие и корпоративному конфликту:

- 1) Корпоративный спор – это состояние отношений между участниками корпоративных отношений, порожденное возникновением противоположных интересов;
- 2) Наличие противоположных интересов участников корпоративных отношений;
- 3) Предметом такого спора являются права управления и права управления, позволяющие получать доход от деятельности корпорации, реальную стоимость имущества в случае выхода участника из нее или иным

образом извлекать выгоду из осуществления корпоративных прав в рамках данной корпорации.

Однако корпоративный спор и корпоративный конфликт не являются тождественными понятиями, поскольку первое является одной из форм последнего. Данные понятия соотносятся как частное и общее. Кроме того, корпоративный спор является финальной стадией развития корпоративного конфликта, когда стороны исчерпали иные методы разрешения возникших между ними разногласий.

Корпоративный конфликт, не перешедший в корпоративный спор, не регламентируется процессуальной формой. Для его решения участники отношений прибегают к методам, требующим совершенно другой нормативно-правовой базы, в которую включаются нормы в том числе и гражданского законодательства.

Корпоративный конфликт, перешедший в стадию корпоративного спора, требует осуществления действий, предусмотренных процессуальным законодательством. В частности, лицу, намеренному заявить свои требования, необходимо обратиться в суд с исковым заявлением, то есть письменно сформулированными требованиями о понуждении ответчика, который предположительно нарушил права заинтересованного лица, совершить определенное действие или воздержаться от его совершения, признать за ним определенное право, создать, прекратить или изменить материально-правовые отношения.

Проведенный анализ понятия «корпоративный конфликт», а также выявленные сходства и отличия между корпоративным конфликтом и корпоративным спором позволяют определить корпоративный спор как правовое явление, характеризующееся противостоянием интересов участников корпоративных отношений. Причиной данного явления выступает стремление сторон обеспечить контроль над активами корпорации.

Вышеобозначенное отражает сущностный смысл корпоративного спора, поскольку его природа выражается в конфликте между участниками корпоративных отношений. Поэтому понятие, которому оно дано, целесообразно назвать «корпоративный спор в широком смысле».

Отличие корпоративного спора в широком смысле от корпоративного конфликта кроется в понятии «спор о праве». Согласно трактовке М.А. Рожковой под спором о праве понимается «формально признанное разногласие между субъектами гражданского права, возникшее по факту нарушения или оспаривания субъективных прав одной стороны гражданского правоотношения другой стороной, требующее урегулирования самими сторонами или разрешения судом»¹. При этом, по мнению М.А. Рожковой, спор о праве обязательно сопровождается предъявлением к нарушителю лицом, право которого предположительно нарушено, требования, которое, во-первых, отражает намерение такого лица защитить свое право, во-вторых, имеет внешнее выражение и обоснование во время судебного и внесудебного разрешения возникшего спора о праве. При этом из поведения потенциального нарушителя должен явно следовать отказ исполнять требования субъекта защиты.

С позицией М.А. Рожковой следует согласиться, поскольку спор о праве не может существовать, если субъектом защиты не сформировано конкретное материально-правовое требование. Совокупность фактов нарушений сама по себе еще не может говорить о том, что возник спор о праве. Кроме того, предполагаемый нарушитель должен быть осведомлен о данных требованиях и либо признать их и исполнить соответствующие обязательства, либо отказать в удовлетворении этих требований.

В этом смысле корпоративный спор, являясь разновидностью спора о праве, начинается с момента, когда лицо, нарушившее субъективное право, отказалось выполнять требования субъекта защиты. В случае инициирования

¹ См.: *Рожкова М.А.* Понятие спора о праве гражданском // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 102.

судебного разбирательства, это может выражаться, например, в предоставлении отзыва на исковое заявления.

Возникновение корпоративного конфликта начинается гораздо раньше, а именно с момента, когда нарушитель совершил действие или допустил бездействие, затрагивающее права и законные интересы участников корпоративных отношений, а последние, в свою очередь, получили информацию о таком действии или бездействии. На данной стадии у сторон конфликта еще нет четкого понимания того, насколько расхождение интересов сторон существенно и какой способ защиты права необходимо использовать.

Таким образом, корпоративный спор в широком смысле в отличие от корпоративного конфликта – это формально признанное разногласие сторон, моментом которого является осведомленность лица, право которого нарушено, об отказе нарушителя удовлетворить его требования.

Поскольку корпоративный спор включает в себя не только сущностные характеристики, но и инициируется согласно зафиксированной в законе процессуальной форме, в рамках диссертационного исследования целесообразно сформулировать определение корпоративного спора в узком смысле.

Корпоративные споры рассматриваются в соответствии с гл. 25.1 АПК РФ и ст. 22 ГПК РФ. Данный процессуальный правовой институт развивался параллельно с материальным корпоративным законодательством. Условно развитие исследуемых материальных и процессуальных норм можно представить следующими этапами:

1) Первый этап – развитие материального законодательства путем принятия положений о юридических лицах в ГК РФ, а также отдельных нормативно-правовых актов, регулирующих правовой статус конкретных корпораций, в частности Закона об ООО¹ и Закона об АО¹. На данном этапе

¹ См.: Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (с изм. и доп. от 13 июля 2023 г., № 249-ФЗ) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998 г. № 7, ст. 785; 2024. № 33, ст. 4983.

вырабатывались правовые подходы к разрешению определенных категорий корпоративных споров, которые были в то время наиболее распространенными и значимыми для судебной-арбитражной практики. Например, в Обзоре практики разрешения споров по сделкам, связанным с размещением и обращением акций от 1998 года², были обобщены правовые позиции относительно виндикационного характера ряда требований (например, требования собственника к добросовестному приобретателю о возврате акций) и отсутствие такового, в частности, при иске доверителя об обязанности поверенного передать ему акции, приобретенные для доверителя в соответствии с договором поручения (как обязательственные требования). Данный Обзор применяется арбитражными судами и по сей день.

2) Второй этап – развитие процессуального законодательства, в частности, введение в действие Федерального закона от 19 июля 2009 г. № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³, которым в АПК РФ введена гл. 28.1, предусматривающая особенности регулирования рассмотрения корпоративных споров. При этом в ст. 225.1 АПК РФ впервые дается понятие корпоративных споров, а также открытый перечень таких споров.

3) Третий этап – дополнение гражданского законодательства. В частности, Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»

¹ См.: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (с изм. и доп. от 25 декабря 2023 г., № 631-ФЗ) «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 1; 2024. № 49, ст. 7437.

² См.: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21 апреля 1998 г. № 33 «Обзор практики разрешения споров по сделкам, связанным с размещением и обращением акций» // Вестник ВАС РФ. 1998. № 6.

³ См.: Федеральный закон от 19 июля 2009 г. № 205-ФЗ (с изм. и доп. от 29 июня 2015 г., № 210-ФЗ) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 29, ст. 3642; 2016. № 27, ст. 4276.

См.: *Григорьева Т.А.* К вопросу о становлении арбитражной юрисдикции в России // *Гражданское право и процесс.* 2019. № 1. С. 44.

Федерации»¹ в ст. 2 ГК РФ было дано определение понятию корпоративных отношений, под которыми понимались отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими. Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» была введена классификация юридических лиц на корпоративные и унитарные.

Из приведенных выше этапов можно увидеть, что определение корпоративного спора, введенное в процессуальное законодательство, появилось гораздо раньше, чем понятие корпоративных отношений, которое сейчас закреплено в ГК РФ. Подобная «непоследовательность» законодателя обусловлена его стремлением в ускоренном порядке разрешить актуальную на тот момент проблему рейдерского захвата бизнеса и вытекающую из нее проблему определения подсудности корпоративных споров². Вследствие этого понятийный аппарат в этой сфере до сих пор нельзя считать окончательно сформированным. Со стороны правоприменителей осуществлялись попытки унифицировать процедуру рассмотрения корпоративных споров в арбитражных судах и судах общей юрисдикции. Так, даже в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации отмечалось, что необходимо единообразное регулирование процедуры разрешения корпоративных споров с учетом специфики коммерческих и некоммерческих корпораций³. Впоследствии идея создания единого процессуального кодекса трансформировалась в идею

¹ См.: Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ (с изм. и доп. от 4 марта 2013 г., № 21-ФЗ) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53, Ч. 1, ст. 7627; 2013. № 9, ст. 873.

² См.: 1. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования механизмов разрешения корпоративных конфликтов)» // Официальный сайт Государственной Думы РФ. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/384664-4> (дата обращения: 05.11.2021).

³ См.: Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1)) // – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172071/ (дата обращения: 15.03.2025).

унификации правовых норм цивилистического процесса. Как отмечают С.Ф. Афанасьев и В.Ф. Борисова, такая унификация осуществлялась путем внесения изменений в положения, регулирующие тот или иной процессуальный институт¹. В частности, в 2018 году в ГПК РФ были внесены изменения, касавшиеся изменения института подсудности корпоративных споров. Теперь споры по созданию, управлению и участию в некоммерческих корпорациях рассматривались исключительно в судах общей юрисдикции. Данное обстоятельство послужило предпосылкой для образования определения корпоративного спора в контексте цивилистического процесса.

Однако, в доктрине так и не сформировался единый подход к определению корпоративного спора. Различность трактовок проявлялась еще до 2009 года, когда в АПК РФ была введена глава 28.1. Так, по мнению В.А. Лаптева, «...корпоративный спор представляет собой спор между хозяйствующими субъектами и (или) иными участниками предпринимательских отношений, связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности»². Также ученый считает, что корпоративный конфликт – это родовое понятие для корпоративного спора, поскольку первое следует использовать для обозначения разногласий на досудебных процедурах, а второе – на стадии судебного разбирательства³.

Е.И. Никологорская предлагает рассматривать корпоративный спор «как особый случай правоотношений, связанных с участием в корпорации»⁴. Под участием в корпорации понимаются отношения участников между собой, а также конфликты между корпорацией и ее членами. А.С. Есекеев, обобщая доктринальные интерпретации дефиниции «корпоративные споры», заключает,

¹ См.: Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф. Об унификации цивилистического процессуального закона в контексте отдельных оснований для отказа в принятии заявлений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 3. С. 74.

² См.: Лаптев В.А. Корпоративные споры: понятие, виды и способы предотвращения // Предпринимательское право. 2007. № 4. С. 4.

³ См.: Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России. М., 2023. С. 188.

⁴ См.: Никологорская Е.И. Урегулирование корпоративных конфликтов в акционерных правоотношениях // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 7. С. 50.

что искомым понятием называют «споры, вытекающие из корпоративных отношений, обусловленные членством в корпорации»¹. Авторы учебника по корпоративному праву под редакцией И.С. Шиткиной применяют термин «корпоративный спор» для обозначения следствия неразрешения корпоративного конфликта². Анализируя практику употребления термина «корпоративный спор» Г.О. Аболонин, пришел к выводу, что «чаще всего под ними понимаются экономические конфликты, между корпорациями или их членами»³. Д.И. Дедов утверждает, что «в качестве определяющего признака корпоративного спора выступает именно факт нарушения прав и интересов и противоправность. Здесь корпоративный спор представляется не как самостоятельное отношение, но как следствие противоправных действий со стороны корпорации, ее членов или третьих лиц»⁴.

Отечественное законодательство, как следует из содержания ст. 225.1 АПК РФ, придерживается критериального подхода к определению корпоративного спора. В данной норме можно выявить субъектный и предметный критерий.

В правовой доктрине сущность корпоративного спора исследуют, опираясь на эти критерии. Например, В.А. Лаптев и Е.Н. Ефименко считают, что спор квалифицируется как корпоративный, если четко выявлен субъектный состав отношений и их характер⁵. Более того, можно встретить позицию, согласно которой корпоративный спор является таковым, если соблюден целевой критерий. Ж.Б. Киреева, Г.С. Захарова отмечают, что корпоративные споры направлены, прежде всего, на установление контроля в корпорации и на решение вопросов, касающихся управленческой деятельности⁶. Д.В. Бурачевский считает

¹ См.: *Есекеев А.С.* Теоретические проблемы корпоративных отношений и корпоративных споров // *Предпринимательское право.* 2007. № 4. С. 6.

² См.: *Шиткина И.С.* Корпоративное право: Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция». М., 2007. С. 238.

³ См.: *Аболонин Г.О.* «Новые» иски // *ЭЖ-Юрист.* 2006. № 11. С. 24.

⁴ См.: *Дедов Д.И.* Конфликт интересов. М., 2004. С. 132.

⁵ См.: *Лаптев В.А., Ефименко Е.Н.* Корпоративные конфликты: причины возникновения и способы защиты // *Lex Russica.* 2013. № 3. С. 271.

⁶ См.: *Киреева Ж.Б., Захарова Г.С.* Проблемные аспекты корпоративных споров // *Юристь-Правоведь.* 2019. № 3 (90). С. 210.

основным критерием характер деятельности корпораций, а связь с их созданием и управлением относит к дополнительным критериям¹.

Обозначенный выше подход к определению корпоративного спора кажется более обоснованным, поскольку конкретизируется не только состав его участников, но и его характер, предметность. Для судов, рассматривающих такого рода дела, необходимо четко классифицировать спорные отношения и требования, выдвигаемые сторонами, а наличие вышеуказанных критериев помогает достигать соответствующих задач. Кроме того, создаются предпосылки для правильного применения норм материального корпоративного законодательства. Другими словами, участники корпоративных отношений получают возможность использовать надлежащий способ защиты права. При этом, если строить понятие на основе данных критериев, сущность корпоративных споров, описываемая в первом подходе, передается конкретнее.

Вместе с тем, текущий критериальный подход не отражает цивилистические процессуальные характеристики корпоративного спора. В частности, необходимо учитывать, что существуют споры не только в отношении коммерческих, но и некоммерческих корпораций, то есть исходить из юрисдикционного критерия. Корпоративные споры могут рассматриваться как в арбитражных судах, так и в судах общей юрисдикции. Поэтому построение определения корпоративных споров в контексте цивилистического процесса предполагает нецелесообразным использование на уровне доктрины субъектного критерия, закрепленного в АПК РФ.

Предметный критерий, безусловно, помогает образовать определение корпоративного спора в цивилистическом процессуальном смысле, но и он нуждается в доработке. В рамках первого параграфа настоящей главы диссертационного исследования мы уже поднимали проблему отсутствия четкого определения понятий «участие» и «управление», которые по своей сущности

¹ См.: *Бурачевский Д.В.* Применение арбитражным судом охранительных мер по делам, связанным с участием в акционерном обществе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2011. – С. 22.

являются основными для формирования предметного критерия корпоративного спора. Отсутствие названных понятий на законодательном уровне негативно влияет на развитие как научной доктрины, так и правоприменительной практики.

Процессуальная деятельность по рассмотрению корпоративных споров направлена на защиту прав и законных интересов участников корпоративных отношений. В связи с этим специфика данных отношений обуславливает не только существование целой категории дел корпоративных споров, но и особой специализированной процессуальной формы рассмотрения корпоративных споров, под которой в контексте диссертационного исследования понимается такая процессуальная форма, посредством которой осуществляется законодательное регулирование инициирования, рассмотрения и разрешения корпоративных споров в порядке арбитражного и гражданского судопроизводства.

В рамках вышесказанного целесообразно соотнести понятия специализированной процессуальной формы и процессуальной формы. Полагаем, что для четкого понимания сущности последнего необходимо исходить из признаков процессуальной формы, выделенными Д.А. Тумановым, а именно «...особая система принципов осуществления правосудия; общее правило, по которому вся последовательность процессуальных действий четко определена законом...; заинтересованные в исходе рассмотрения дела лица должны быть вовлечены в процесс его рассмотрения...; в основу принятого судом решения могут быть положены только те факты, которые были установлены в процессе рассмотрения дела...»¹.

Процессуальная форма способна адаптироваться под изменения, происходящие в процессуальном законодательстве. В случае появления необходимости регулировать рассмотрение и разрешение особых категорий дел процессуальная форма может быть дифференцирована в сторону упрощения или усложнения. В контексте вышесказанного заслуживает внимания позиция Н.А.

¹ См.: Туманов Д.А. Защита общественных интересов в гражданском судопроизводстве: дис. ...докт. юрид. наук. М., 2024. С. 18.

Громошиной, заключающаяся в том, что «...важнейшее значение гражданской процессуальной формы в том, что она позволяет определить границы возможных изменений процедуры рассмотрения гражданских дел, в частности, границы упрощения. При обозначенном понимании процессуальной формы нельзя вести речь о ее дифференциации в рамках гражданского судопроизводства...»¹. С данным мнением стоит согласиться, поскольку не может поменять процессуальную форму изъятие для целей упрощения из нее некоторых правил. Вместе с тем, в случае усложнения процессуальной формы, как правило, появляются новые категории дел, которые требуют более детального регулирования рассмотрения и разрешения соответствующих споров. Такая точка зрения подтверждается Е.А. Царегородцевой, которая утверждает, что дифференциация процессуальной формы способна породить усложненные процедуры рассмотрения некоторых категорий споров².

Цивилистическая процессуальная форма как в рамках арбитражного, так и гражданского законодательства включает в себя не только общие правила рассмотрения споров, но и правила, имеющие специальное назначение. Последние составляют цивилистическую процессуальную форму. Неслучайно Л.М. Мокроусова в своем диссертационном исследовании «Порядок рассмотрения гражданских дел неискового производства как специальная гражданская процессуальная форма», обособляя дела, возникающие из публичных правоотношений и дела особого производства, выделила специальную гражданскую процессуальную форму³.

В связи с вышеизложенным специализированная процессуальная форма представляет собой разновидность процессуальной формы, поскольку она относится к тем делам, для которых законодательством установлен особый

¹ См.: Громошина Н. А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. С. 292.

² См.: Царегородцева Е.А. Способы оптимизации гражданского судопроизводства: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 14.

³ См.: Мокроусова Л.М. Порядок рассмотрения гражданских дел неискового производства как специальная гражданская процессуальная форма: автореф дис. ...канд. юрид. наук. М., 2009. С. 16.

порядок рассмотрения и разрешения. При этом поскольку настоящее исследование затрагивает непосредственно вопросы, касающиеся цивилистической процессуальной формы, уместно сделать вывод о том, что специализированная процессуальная форма рассмотрения корпоративных споров будет являться разновидностью цивилистической процессуальной формы.

Специализированная процессуальная форма рассмотрения корпоративных споров обуславливается не только наличием требований, предъявляемых к исковому заявлению по корпоративному спору, информационного обеспечения, примирения сторон, применения обеспечительных мер, но и некоторыми особенностями регулирования, в частности:

1) Правила определения компетенции, согласно которым корпоративные спор, предусмотренные ст. 225.1 АПК РФ, рассматриваются в арбитражных судах, а остальные споры – в судах общей юрисдикции.

2) Правила определения территориальной подсудности, согласно которым корпоративные споры рассматриваются по адресу регистрации юридического лица.

3) Процессуальное положение лиц, участвующих в деле. Материальный и процессуальный истец могут не совпадать в одном лице при рассмотрении некоторых категорий корпоративных споров. В частности, спору о признании крупной сделки или сделки с заинтересованностью недействительной, о взыскании убытков с органов исполнительной власти и о признании решения общего собрания хозяйственного обществ недействительным предшествует подача производного (косвенного иска) участником корпорации.

Таким образом, корпоративные споры рассматриваются и разрешаются согласно закрепленной в законе специализированной процессуальной форме.

Дискуссионным является вопрос о том, входят ли споры о создании и ликвидации юридического лица в разряд корпоративных. Споры, связанные с созданием корпорации вряд ли могут быть корпоративными, поскольку без корпорации не может быть каких-либо корпоративных отношений,

соответственно отсутствует в данном случае и сам корпоративный конфликт. Такой позиции придерживается М.А. Рожкова¹.

В прошлом параграфе сформирован вывод о том, что отношения, связанные с созданием и ликвидацией корпораций, не являются корпоративными, поскольку корпоративные отношения могут существовать только тогда, когда существует сама корпорация. Вне корпорации никаким образом нельзя реализовывать права и исполнять обязанности по участию и управлению в корпорации. Соответственно споры, связанные с созданием и ликвидацией корпораций, также не будут являться корпоративными.

Возвращаясь к процессуальному определению понятия корпоративного спора следует отметить, что природа корпоративных споров основывается на корпоративных отношениях. И поэтому четкое определение понятия «корпоративное отношение» и, следовательно, понятий «участие» и «управление» должно повлечь существенные изменения в самом определении, а именно исключение из ст. 225.1 АПК РФ термина «создание», поскольку корпоративные отношения не могут существовать без корпорации и тесной связи участников с корпорацией. Такой термин чрезмерно расширяет понятие корпоративных споров в сравнении с материальным определением понятия корпоративных отношений. Поскольку процессуальное право создано для того, чтобы разрешать проблемы, возникающие при применении материального права, следует сделать вывод, согласно которому текущее определение корпоративных споров в АПК РФ является размытым. Данной позиции также придерживается Е.И. Вялых в своей работе «Процессуальные особенности рассмотрения корпоративных споров в Российской Федерации»².

Проведенный анализ позволяет нам определить корпоративный спор в узком смысле как спор, инициируемый участниками корпоративных отношений

¹ См.: *Рожкова М.А.* Корпоративные отношения и возникающие из них споры // Вестник ВАС. 2005. № 9. С. 139.

² См.: *Вялых Е.И.* Процессуальные особенности рассмотрения корпоративных споров в Российской Федерации: дис. .. канд. юрид. наук. Воронеж, 2018. С. 73.

в суде общей юрисдикции или арбитражном суде, который подлежит рассмотрению посредством использования специализированной процессуальной формы с целью защиты прав и законных интересов, связанных с участием и управлением корпорацией.

Таким образом, в рамках текущего параграфа мы пришли к следующим выводам:

А. Корпоративный спор сущностно опосредуется понятием корпоративного конфликта, под которым понимается явление, характеризующееся наличием противостоящих друг другу интересов в уже сложившихся корпоративных отношениях. При этом корпоративные конфликты в коммерческих корпорациях характеризуются стремлением каждого из участников обеспечить контроль над активами корпорации посредством реализации прав участия и управления в корпорации наиболее выгодным для себя образом, а корпоративные конфликты в некоммерческих корпорациях — стремлением не допустить неравномерного распределения результатов деятельности такой корпорации между ее участниками.

В. Корпоративный спор выступает последней стадией корпоративного конфликта, стороны которого пытаются устранить имеющиеся разногласия, используя правовые процессуальные механизмы.

С. Анализ феномена корпоративного конфликта, проведенный в рамках текущего параграфа, позволяет сформировать определение корпоративного спора в сущностном (широком) смысле: это формально признанное разногласие сторон, характеризующееся противостоянием интересов участников корпоративных отношений, причиной которого выступает стремление сторон обеспечить контроль над активами корпорации. Корпоративный спор обязательно сопровождается предъявлением лицом материально-правовых требований и начинается тогда, когда потенциальный ответчик отказывается в их удовлетворении как во время судебного и внесудебного разрешения возникшего спора о праве.

Д. Доктрина цивилистического процесса должна включать в себя унифицированное понятие корпоративных споров (в узком смысле). Содержательно оно строится на предметном и юрисдикционном критериях. Одновременно нецелесообразно применять субъективный критерий, поскольку его использование противоречит существу цивилистического процесса и его тенденциям. Таким образом, корпоративный спор в процессуальном смысле – это спор, инициируемый участниками корпоративных отношений в суде общей юрисдикции или арбитражном суде, который подлежит рассмотрению посредством использования специализированной процессуальной формы с целью защиты прав и законных интересов, связанных с участием и управлением корпорацией.

ГЛАВА 2. ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДСУДНОСТИ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ

2.1. Институт компетенции арбитражных судов и судов общей юрисдикции по рассмотрению корпоративных споров как предпосылка для унификации рассмотрения корпоративных споров

Еще недавно юридическое сообщество активно обсуждало возможность унификации гражданского и арбитражного процессуального законодательства. Это, прежде всего, связано с тем, что многие правовые институты регулируются АПК РФ и ГПК РФ похожим образом. Правоприменителями предлагалось создать такой кодифицированный нормативно-правовой акт, который, во-первых, объединял бы в себе все эффективные правовые нормы, и, во-вторых, исключал бы необходимость постоянного внесения множественных изменений в процессуальное законодательство. Эта идея легла в основу проекта Концепции Кодекса гражданского судопроизводства.

Однако Единый гражданский процессуальный кодекс так и не был принят из-за двойственности тенденций развития законодательства. Как отмечает О.В. Исаенкова, наряду с идеей объединения арбитражного и гражданского процессуального законодательства образовался отдельный кодифицированный нормативно-правовой акт, регулирующий отношения, возникающие из административного судопроизводства – Кодекс административного судопроизводства¹ (далее – КАС РФ). По мнению С.Ф. Афанасьева, непоследовательность правовой политики объясняется отсутствием единой концепции правовой политики на официальном уровне².

Эта проблематика затронула и сферу регулирования судебного рассмотрения корпоративных споров. Первый шаг к унификации арбитражной и

¹ См.: Исаенкова О.В. Гражданский и арбитражный процесс в России – перспективы объединения // Проблемы гражданского права и процесса. 2016. С 375.

² См.: Афанасьев С.Ф., Малько Е.А. К вопросу о российской цивилистическом процессе в аспекте концепции правовой политики // Право, политика и политические институты. 2017. № 1-2 (74-75). С. 50.

гражданской процессуальных форм производства по корпоративным спорам был сделан в 2018 году, когда на нормативно-правовом уровне была разграничена компетенция арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Законодателю потребовалось около тридцати лет, чтобы учесть развитие корпоративных отношений и практику защиты прав и интересов участников корпораций.

На наш взгляд, институт компетенции арбитражных судов и судов общей юрисдикции по рассмотрению корпоративных споров в его современном виде направлен не столько на изменение нормативно-правовой базы, сколько на развитие категориального аппарата. Встает вопрос: что представляет собой судебное рассмотрение корпоративных споров?

Актуальность данного термина, на наш взгляд, обосновывается следующими факторами:

- 1) Вовлеченностью как арбитражных судов, так и судов общей юрисдикции в деятельность по рассмотрению корпоративных споров;
- 2) Необходимостью создания такого понятия, которое бы отразило одно из направлений деятельности судов по осуществлению правосудия;
- 3) Существованием предпосылок для дальнейшей унификации цивилистического процесса;
- 4) Возможностью использования понятия для обоснования выводов в других научных работах.

Прежде, чем дать определение вышеуказанному понятию, необходимо проанализировать, как менялся подход к определению компетенции арбитражных судов и судов общей юрисдикции по рассмотрению корпоративных споров.

Принятие 12 декабря 1993 г. Конституции РФ¹, формирование нового гражданского законодательства, а также опыт функционирования арбитражных

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020, с изменениями от 6 октября 2022 г.) // Рос. газета. 1993. 25 дек.; СЗ РФ. 2022 № 41, ст. 6930.

судов в качестве органов правосудия определили основные векторы формирования судебно-арбитражной системы¹, результатом чего стало принятие в 1995 г. АПК РФ.

В АПК РФ от 1995 г. исходя из ч. 1 ст. 22 данного нормативно-правового акта в качестве основного критерия разграничения компетенции был закреплён субъектный состав участников спора². В связи с этим продолжилась практика рассмотрения дел о защите прав акционеров – физических лиц в судах общей юрисдикции, а акционеров – юридических лиц и индивидуальных предпринимателей – в арбитражных судах. Как отмечал Е.С. Раздьяконов, это приводило к формированию противоречивой правоприменительной практики, а также злоупотреблению процессуальными правами со стороны недобросовестных акционеров³.

В 2002 г. АПК РФ содержал лишь одну норму, относящую споры о создании, реорганизации и ликвидации организаций к исключительной подведомственности арбитражных судов (ст. 33 АПК РФ). При этом речь идет о коммерческих организациях, преследующих извлечение прибыли в качестве основной деятельности (п. п. 1 и 2 ст. 50 ГК), либо об организациях, которые хотя и не являются коммерческими организациями, но осуществляют коммерческую деятельность в случаях, предусмотренных законом. Законодатель стремился предотвратить попытки незаконного перехода корпоративного контроля. Однако недобросовестные участники, используя законодательные пробелы, могли выбирать более удобный суд, что часто приводило к конфликту судебных актов судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Это не могло не сказаться на правовом положении добросовестных участников корпоративных отношений. Использование вышеуказанных несовершенств арбитражного

¹ См.: Григорьева Т.А. К вопросу о становлении арбитражной юрисдикции в России // *Гражданское право и процесс*. 2019. № 1. С. 44.

² См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 5 мая 1995 г. № 70-ФЗ (в ред. от 24 июля 2002 г.) // *СЗ РФ*. 1995. № 19, ст. 1709; 2002. № 30, ст. 3012.

³ См.: Раздьяконов Е.С. Особенности исковой формы защиты прав и законных интересов акционеров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 11.

процессуального законодательства в области рассмотрения корпоративных споров всегда являлось важной составляющей при рейдерских захватах¹.

При этом добросовестность участников корпоративных отношений не всегда могла привести к тому, что корпоративный спор будет рассматриваться в арбитражном суде. Стороны, стремящиеся к строгому соблюдению законодательства, неизбежно сталкивались с необходимостью участия в параллельных судебных разбирательствах как в арбитражных судах, так и в судах общей юрисдикции по одному и тому же предмету спора. Даже в ситуациях, когда добросовестные участники не подвергались неправомерным действиям со стороны третьих лиц, они сталкивались с серьезными трудностями, вызванными недостатками действующего правового регулирования.

Примером такой ситуации может служить оспаривание решения общего собрания корпорации, что создавало неопределенность в отношении юрисдикции суда, уполномоченного вынести окончательное решение по данному вопросу. Как подчеркивает О.А. Кухарева, некоторые категории споров с участием акционеров не попадали под юрисдикцию арбитражных судов, что также усложняло процессуальные процедуры и увеличивало временные затраты на их разрешение. В силу вышеизложенного учеными-правоведами неоднократно предпринимались попытки обсуждать вопросы установления специальной подведомственности для арбитражных судов².

В 2009 году в АПК РФ появилась отдельная гл. 28.1, закрепившая правила рассмотрения корпоративных споров в арбитражных судах. Обосновывая нововведения, законодатель посчитал антирейдерские меры, принятые им ранее, недостаточными. Главную проблему он видел, прежде всего, в необоснованной возможности участников подавать определенные иски в суды

¹ См.: *Вялых Е.И.* Актуальные вопросы подведомственности корпоративных споров // Правовая наука и реформа юридического образования. 2014. № 4. С. 97.

² См.: *Кухарева О.А.* Защита прав акционеров в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2006. С. 44.

См.: *Степанов Д.И.* Корпоративные споры и реформа процессуального законодательства // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 2. С. 132-135.

общей юрисдикции¹. Как видим, законодатель стремился сохранить исключительную компетенцию арбитражных судов, распространяя их на те категории споров, которые могли по формальным основаниям рассматриваться в судах общей юрисдикции. Это касалось и споров, участниками которых являлись в кооперативы и некоммерческие организации в форме некоммерческих партнерств, ассоциаций, союзов, фондов, кредитных потребительских кооперативов, негосударственных пенсионных фондов.

Тем не менее возникла новая проблема: корпоративные споры, связанные с юридическими лицами, не упомянутыми в ст. 225.1 АПК РФ, не подпадали под действие этих норм. Компетенция по таким делам определялась по общим правилам, что вновь порождало дублирование².

Постановлением Пленума ВС РФ от 23 июля 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление Пленума ВС РФ от 23 июля 2015 г. № 25) уточнило перечень корпоративных споров, подсудных судам общей юрисдикции.

Этим же пунктом споры относительно государственных и муниципальных унитарных предприятий фактически признавались корпоративными, что противоречило общей логике как материального, так и процессуального законодательства. В то же время споры относительно некоммерческих унитарных предприятий корпоративными не признавались.

Наконец, в 2018 г. в Гражданский процессуальный кодекс РФ³ (далее – ГПК РФ) были внесены поправки, которыми устанавливалась подсудность определенных корпоративных споров судам общей юрисдикции. Проведенная

¹ См.: Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования механизмов разрешения корпоративных конфликтов)» // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/384664-4> (дата обращения: 17.08.2024).

² См.: Каминская С.В. Судебная компетенция по корпоративным спорам: прошлое, настоящее и будущее // Российский судья. 2022. № 11. С. 15.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (с изм. и доп. от 28 декабря 2024 г., № 521-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532; 2024. № 53, ст. 8531.

процессуальная реформа позволила окончательно оформить разграничение компетенций между арбитражными судами и судами общей юрисдикции.

Теперь споры относительно юридических лиц, не указанных в АПК РФ, рассматриваются судами общей юрисдикции. В дореформенный период компетенция спора определялась исходя из отраслевой и институциональной принадлежности спора. В настоящий момент особое значение придается характеру спорных правоотношений и субъектному составу. Изначальная идея исключительной компетенции арбитражных судов была скорректирована, что объясняется усложнением форм корпоративных и усложнением экономических отношений.

Представители научного сообщества, тем не менее, неоднозначно отнеслись к таким изменениям. Например, Н.В. Алексеев и Д.А. Козин предположили, что корпоративные споры должны были быть отнесены к компетенции арбитражных судов, поскольку на это имеются следующие причины:

- 1) упрощается порядок подачи требований в суд;
- 2) имеется необходимая нормативно-правовая база и сформированная единообразная правоприменительная практика;
- 3) учитывается именно характер споров, а не критерий субъектного состава¹.

С позицией Н.В. Алексеева и Д.А. Козина трудно согласиться, поскольку, во-первых, упрощение порядка и наличие нормативно-правовой базы в арбитражном процессуальном законодательстве и соответствующей правоприменительной практики сами по себе не способны привести к устранению образующихся пробелов в правоприменении. Во-вторых, критерий субъектного состава является одним из необходимых признаков для признания

¹ См.: Алексеев Н.В., Козин Д.А. Теоретические и практические вопросы применения правил подсудности в контексте процессуальной реформы 2018 года // Экономика. Социология. Право. 2021. № 2(22). С. 90.

спора корпоративным, поскольку правопорядок допускает существование как коммерческих корпораций, так и некоммерческих.

С начала формирования института корпоративных споров законодатель пытался регулировать вопросы организации деятельности именно коммерческих корпораций, поскольку она направлена на получение прибыли и носит в связи с этим рискованный характер. Наличие большого количества активов в организациях служило основной причиной злоупотреблений со стороны участников корпоративных отношений, выражавшихся, в том числе, в рейдерских захватах.

Однако составной частью современной российской правовой действительности являются, как было отмечено, и некоммерческие корпорации. Деятельность некоммерческих корпораций хоть и должна быть направлена на удовлетворение потребностей человека, общества и государства (некоммерческие цели), тем не менее это не препятствует им заниматься приносящей доход деятельностью, если такая деятельность служит достижению целей, ради которых создана некоммерческая корпорация и соответствует указанным целям. Однако сущность некоммерческих корпораций состоит в том, чтобы доход не распределялся между ее членами, а оставалась у самой корпорации. Таким же образом, участники, как правило, не могут претендовать на удовлетворение требований в случае ее ликвидации.

Поэтому вряд ли нужно относиться к нововведениям негативно, поскольку за распределение компетенции между судами отвечает разделение корпораций на коммерческие и некоммерческие и это способствует разрешению арбитражными судами именно тех корпоративных споров, которые влияют на отношения хозяйствующих субъектов. В свою очередь, суды общей юрисдикции при разрешении корпоративных споров будут исходить из прав и обязанностей лиц, не занимающихся предпринимательской деятельностью.

Итак, поскольку арбитражные суды не уполномочены рассматривать корпоративные споры с участием некоммерческих организаций,

предусмотренных ст. 22 ГПК, то теперь они при рассмотрении данных дел принимают следующие судебные акты:

- 1) определение о передаче дела в суд общей юрисдикции (дело № А83-17987/2019¹, дело № А62-4299/2020², дело № А57-18499/2020³);
- 2) определение о возвращении искового заявления (дело № А56-111578/2020⁴).

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что институт подсудности в настоящий момент является важной предпосылкой для дальнейшего развития унифицированного цивилистического процесса, поскольку, во-первых, определяются единые правила распределения корпоративных споров, во-вторых, в их рассмотрении задействованы все юрисдикции (арбитражные суды и суды общей юрисдикции), и в третьих, фактически формируется единая цивилистическая процессуальная форма рассмотрения корпоративных споров. Также нельзя не отметить, что сложилось единообразие судебной практики по определению подсудности данной категории корпоративных споров. Можно сказать, что законодатель смог решить проблему распределения дел между судами, которая раньше вызывала у правоприменителей много вопросов и рождала судебные споры.

Несмотря на то, что законодатель ввел, на первый взгляд, достаточно четкие критерии разграничения компетенции по рассмотрению корпоративных споров между судебными системами, тем не менее правоприменительная

¹ См.: Определение Арбитражного суда от 26 декабря 2019 г. по делу № А83-17987/2019 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 20.03.2021).

² См.: Определение Арбитражного суда Смоленской области от 16 февраля 2021 г. по делу № А62-4299/2020 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 20.03.2021).

³ См.: Определение Арбитражного суда Смоленской области от 18 декабря 2020 г. по делу № А57-18499/2020 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 20.03.2021).

⁴ См.: Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 15.12.2020 по делу № А56-111578/2020 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 20.03.2021).

практика показывает законодательные пробелы, зачастую негативно отражающиеся на разрешении корпоративных споров¹.

Главная проблема заключается в отсутствии в ГПК РФ специальных норм, регулирующих рассмотрение корпоративных споров некоммерческих организаций. На данную проблему обращали внимание Е.Н Раздьяконов² и Д.Ю. Ионова³. Подп. 30–31 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июля 2015 г. № 25 рекомендует применять нормы АПК РФ по аналогии⁴, однако этот механизм используется редко. Неясность возникает, например, при рассмотрении групповых исков, поскольку ГПК РФ содержит отдельную гл. 22.3, регулирующую этот порядок.

Как отмечает Е.Г. Потапенко, законодатель не выдерживает однопорядковости оснований рассмотрения гражданского дела в суде: корпоративные споры, указанные в п. 8 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ, относятся к исковому производству (п. 1 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ), однако особого порядка их рассмотрения ГПК РФ не содержит⁵. Это создает риски злоупотребления правами участниками корпоративных отношений, что может привести к нарушению прав и законных интересов некоммерческой корпорации и ее членов.

Эволюция института компетенции по корпоративным спорам обусловлена развитием форм собственности, экономических отношений, социального взаимодействия и появлением новых целей, ради которых могло создаваться

¹ См.: *Наумова Е.А.* Обзор и анализ эффективности новых правил арбитражного судопроизводства в работе судов первой инстанции // Вестник арбитражной практики. 2019. № 5. С. 63.

² См.: *Раздьяконов Е.С.* Разграничение компетенции арбитражных судов и судов общей юрисдикции по корпоративным спорам // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 7. С. 40.

³ См.: *Ионова Д.Ю.* Групповые иски в корпоративных спорах: о возможных путях совершенствования законодательного регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 9. С. 75.

⁴ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

⁵ См.: *Потапенко Е. Г.* Оптимизация гражданского процессуального законодательства в направлении обеспечения баланса специализации и унификации процессуального права // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 3. С. 80.

юридическое лицо. Если вначале исключительная компетенция рассмотрения корпоративных споров принадлежала арбитражным судам (за исключением случаев, когда возникали коллизии применения соответствующих норм), то в настоящее время заявители могут обращаться и в суды общей юрисдикции при условии, когда разногласия касаются некоммерческих корпораций, непоименованных в АПК РФ. Такое распределение способствует правовой определенности: арбитражные суды смогут разрешать именно те споры, которые связаны исключительно с предпринимательской и иной экономической деятельностью.

Если далее рассматривать институт компетенции как предпосылку для унификации рассмотрения корпоративных споров, то возникает закономерный вопрос, что следует понимать под судебным рассмотрением корпоративных споров и каковы его отличительные признаки.

На уровне юридической доктрины это понятие пока не сформировано, однако его введение позволит глубже раскрыть сущность корпоративных споров как процессуально-правового феномена и послужит стимулом к дальнейшей унификации цивилистического процесса.

Термин «рассмотрение» образован от глагола «рассматривать», который означает процесс обсуждения и разбирательства с целью вынесения оценки и решения¹, в связи с чем можно сделать вывод о том, что данное понятие прочно связано с функциональными обязанностями судов. Соответственно, судебное рассмотрение — это деятельность судов, направленная на разрешение споров между сторонами и вынесение итогового судебного акта.

Судебное рассмотрение корпоративных споров — это процессуально-правовая деятельность, которая регламентирована процессуальным законодательством и носит по большей части императивный характер. Поэтому в качестве второго признака следует выделить закрепленный процессуальным законодательством порядок осуществления правосудия, представляющий собой

¹ См.: Большая российская энциклопедия. – URL: <https://greatbook.ru/> (дата обращения: 31.03.2025).

последовательность действий, которые необходимо совершать участникам судебного процесса.

По отраслевому признаку выделяются уголовная, административная, гражданская и арбитражная процессуальные формы. В контексте тематики диссертационного исследования речь идет именно про два последних вида процессуальной формы. В АПК РФ и ГПК РФ закреплён порядок рассмотрения различных категорий дел, дифференцированных по множеству критериев. Данные нормативно-правовые акты последовательно регламентируют рассмотрение дел в порядке упрощенного, особого производства. Такой законодательно закреплённый порядок можно назвать специализированной процессуальной формой, о существовании которой уже высказывались в научной доктрине¹, а также в параграфе 1.2 настоящего диссертационного исследования.

Специализированная процессуальная форма рассмотрения корпоративных споров призвана определять особенности законодательного регулирования производства по корпоративным спорам как в арбитражных судах, так и судах общей юрисдикции. Отсутствие в ГПК РФ норм, аналогичных нормам АПК РФ, не говорит об отсутствии единого порядка рассмотрения и разрешения корпоративных споров, не смотря на то, что имеются определенные препятствия, касающиеся применения норм АПК РФ по аналогии к делам в судах общей юрисдикции. В связи с этим можно прийти к выводу, что специализированная процессуальная форма позволяет конкретизировать особенности производства по корпоративным спорам:

1. Субъектный состав участников дел по корпоративным спорам. Сторонами в рамках судебного разбирательства могут выступать участники некоммерческих корпораций, которые являются физическими лицами, не занимающиеся предпринимательской деятельностью. При этом вовсе не

¹ См.: Кулакова В.Ю. Единство и дифференциация процессуальной формы // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 3. С. 111.

исключается и участие субъектов предпринимательской деятельности, таких как коммерческие юридические лица и индивидуальные предприниматели.

2. Виды корпоративных споров. Не все категории корпоративных споров будут свойственны для разрешения споров, предусмотренных п. 8 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ. В частности, речь идет:

– о спорах, связанных с эмиссией ценных бумаг, в том числе с оспариванием ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц, решений органов управления эмитента, с оспариванием сделок, совершенных в процессе размещения эмиссионных ценных бумаг, отчетов (уведомлений) об итогах выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг;

– о спорах, вытекающих из деятельности держателей реестра владельцев ценных бумаг, связанной с учетом прав на акции и иные ценные бумаги, с осуществлением держателем реестра владельцев ценных бумаг иных прав и обязанностей, предусмотренных федеральным законом в связи с размещением и (или) обращением ценных бумаг.

3. Применение обеспечительных мер. Не все обеспечительные меры, указанные в АПК РФ, могут применяться в корпоративных спорах, рассматриваемых в порядке ГПК РФ. В частности, речь идет о запрещении держателю реестра владельцев ценных бумаг и (или) депозитарию осуществлять записи по учету или переходу прав на акции и иные ценные бумаги, а также совершать другие действия в связи с размещением и (или) обращением ценных бумаг.

Специализированность процессуальной формы рассмотрения корпоративных споров также обусловлена внутренним характером корпоративных отношений: стороны спора связаны с корпорацией и участвуют в формировании ее воли. Это означает, что суд при исследовании обстоятельств того или иного корпоративного спора должен учитывать, что нарушение

интересов участников корпоративных отношений носят внутриорганизационный характер, и что может быть возбуждено сразу несколько корпоративных споров, касающихся одной и той же корпорации.

В связи с этим нельзя согласиться с Е.В. Михайловой¹, которая отрицает самостоятельность процессуальной формы рассмотрения корпоративных споров. Выделение отдельной главы АПК РФ, регулирующей рассмотрение корпоративных споров, оправданно, поскольку отражает специфику корпоративных отношений и обеспечивает процессуальные гарантии участников корпоративных отношений процессуальных гарантий.

Исходя из вышеизложенного, под судебным рассмотрением корпоративных споров стоит понимать деятельность судов, урегулированную в рамках в рамках цивилистической процессуальной формы, направленную на осуществление правосудия по делам, возникающим из корпоративных отношений, в целях обеспечения надлежащего рассмотрения и разрешения спора, возникшего между участниками корпоративных отношений, и восстановления их прав и законных интересов, а также пресечения процессуальных злоупотреблений со стороны недобросовестных лиц. При этом процессуальная форма рассмотрения корпоративных споров является специализированной цивилистической процессуальной формой рассмотрения корпоративных споров, образующейся из арбитражного и гражданского процессуального законодательства и обладающей императивным характером.

Определение понятия судебного рассмотрения корпоративных споров неизбежно порождает следующие вопросы:

- 1) Что понимается под производством по корпоративным спорам?
- 2) Как понятие «производство по корпоративным спорам» соотносится с понятием «судебное рассмотрение по корпоративным спорам»?

Прежде, чем дать ответ на них, необходимо обратиться к правовой доктрине и рассмотреть понятие судопроизводства.

¹ См.: Михайлова Е.В. Процессуальная форма разрешения корпоративных споров: материальный и процессуальный аспекты // Администратор суда. 2024. № 4. С. 4.

Несмотря на отсутствие понятия судопроизводства в юридической науке, можно встретить определенные его трактовки. Так, в Большой российской энциклопедии судопроизводство понимается как регламентированная нормами процессуального законодательства деятельность суда по рассмотрению и разрешению гражданских, административных и уголовных дел¹. Аналогичное определение дано и в Федеральном законе от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебной-экспертной деятельности в Российской Федерации»². Стоит отметить, что данный закон является единственным нормативно-правовым актом, дающим легальную дефиницию понятию судопроизводства. Вместе с тем, на наш взгляд ни первая, ни вторая трактовка не являются полными, поскольку в них не уточняется, какими именно судами осуществляется правосудие.

В юридической науке ученые определяют не само понятие судопроизводства, а его конкретные виды, исходя из деления судопроизводства на гражданское, административное, арбитражное и уголовное судопроизводства. Так, С.Ж. Соловых под арбитражным судопроизводством понимает урегулированную арбитражно-процессуальным законом деятельность специальных субъектов, участвующих в этой деятельности и осуществляющих ее в силу требований, установленных нормами арбитражно-процессуального законодательства в целях защиты прав и законных интересов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.³

Е.А. Нахова и А.А. Портнова определяют гражданский процесс (судопроизводством) как урегулированную нормами гражданского процессуального права совокупность процессуальных действий и гражданско-

¹ См.: Большая российская энциклопедия. – URL: <https://greatbook.ru/> (дата обращения: 03.03.2025).

² См.: Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (с изм. и доп. от 22 июля 2024 г., № 191-ФЗ) «О государственной судебной-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001, № 23, ст. 2291; 2024, № 31, ст. 4451.

³ См.: Соловых С.Ж. Некоторые аспекты соотношения понятий «административное судопроизводство» и «арбитражное судопроизводство» // Юрист. 2013. № 9. С. 41.

процессуальных правоотношений, складывающихся между судом и другими участниками процесса при рассмотрении и разрешении гражданского дела¹.

Анализ вышеуказанных определений показывает, что ученые исходят из того, что судопроизводством вне зависимости от его вида является деятельность участников процесса, включая суды, по разрешению всех известных законодательству категорий дел.

Таким образом, производство по корпоративным спорам — это урегулированный процессуальным законодательством вид арбитражного и гражданского судопроизводства, выражающийся в деятельности суда, сторон и иных участников процесса по рассмотрению дел данной категории в специализированной процессуальной форме.

Таким образом, в рамках текущего параграфа мы пришли к следующим выводам:

А. Проведенное исследование позволило на доктринальном уровне выявить новое понятие – «судебное рассмотрение корпоративных споров». Данное понятие должно рассматриваться в тесной взаимосвязи с терминами «процессуальная форма рассмотрения корпоративных споров» и «производство по корпоративным спорам».

В. Под судебным рассмотрением корпоративных споров следует понимать деятельность судов, урегулированную в рамках в рамках цивилистической процессуальной формы, суть которой заключается в осуществлении правосудия по делам, возникающим из корпоративных отношений, в целях обеспечения надлежащего рассмотрения и разрешения спора, возникшего между участниками корпоративных отношений, и восстановления их прав и законных интересов, а также пресечения процессуальных злоупотреблений со стороны недобросовестных лиц.

С. Специализированная процессуальная форма рассмотрения корпоративных споров – это особая унифицированная процессуальная форма

¹ См.: *Нахова Е.А., Портнова А.А.* Понятие и задачи гражданского судопроизводства // Царскосельские чтения. 2015. С. 204.

рассмотрения споров, вытекающих из корпоративных отношений, образуемая из цивилистических процессуальных норм права, соблюдение которых является обязательным для всех участников процесса, включая суды всех видов и звеньев судебной системы, сторон корпоративного спора и иных участников процесса.

Д. Под производством по корпоративным спорам следует понимать урегулированный процессуальным законодательством вид арбитражного и гражданского судопроизводства, выражающийся в деятельности судов, сторон корпоративного спора и иных участников процесса по рассмотрению дел, вытекающих из корпоративных правоотношений, которая выражена в специализированной процессуальной форме.

2.2. Проблемы определения подсудности на примере отдельных категорий корпоративных споров

Единое унифицированное понятие корпоративного спора, сформулированное в параграфе 1.2 настоящего исследования, позволяет обратить внимание на важный признак данной категории дел — наличие специализированной процессуальной формы, обязательной для всех участников процесса, включая суды, сторон корпоративного спора и иных участников процесса. В рамках вышеупомянутой процессуальной формы рассмотрение корпоративных споров осуществляется с учетом установленных законом правил территориальной подсудности.

В соответствии с ч. 4.1 ст. 38 АПК РФ исковое заявление или заявление по спору, указанному в ст. 225.1 настоящего Кодекса, подается в арбитражный суд по адресу юридического лица. Таким образом, законодатель предусматривает исключительную подсудность корпоративных споров. Независимо от места нахождения участников юридического лица, спор рассматривается в суде субъекта РФ, в котором зарегистрирована корпорация.

Норма об исключительной подсудности необходима для того, чтобы гарантировать участниками наиболее полное и справедливое разрешение всех споров, возникающих вокруг той или иной корпорации.

Корпоративный конфликт как предвестник корпоративного спора далеко не всегда носит правовой характер, особенно на начальных его стадиях. Он может возникать из совокупности личных, профессиональных, экономических и управленческих противоречий, возникающих между участниками корпоративных отношений. Как правило, корпоративный конфликт не выливается в процессуальную плоскость, стороны либо пытаются прийти к мирному решению проблемы, либо, если это не удастся, предпринимают попытки выведения активов из контроля корпорации, в частности через заключение сделок по выводу имущества и имущественных прав, лишение к ним доступа, принятие корпоративных решений, возбуждение уголовных дел и так далее. Вышеуказанные действия участников корпоративных отношений могут привести к тому, что корпорация как самостоятельный участник гражданского оборота не будет осуществлять свою деятельность надлежащим образом, от чего могут пострадать как участники корпорации и их орган, так и третьи лица (например, кредиторы). Чтобы оказать давление на оппонента или сохранить статус-кво, участники корпоративных отношений, начинают обращаться в суд и инициируют корпоративные спор. При этом они не ограничиваются идеями законодателя о том, как правильно и справедливо с процессуально-правовой точки зрения должны разрешаться противоречия.

Так, до 2009 года, стороны могли обратиться за разрешением корпоративного спора в арбитражный суд не только по месту регистрации юридического лица, но и в арбитражные суды, расположенные в других регионах, что приводило к противоречащим друг другу судебным актам.

Для того, чтобы предотвратить злоупотребления со стороны участников корпоративных отношений, законодатель поставил перед собой задачу создать такое правило, которое позволяло бы рассматривать все корпоративные споры в

рамках арбитражного суда субъекта РФ. При этом не имели значения вопросы о том, кому принадлежат акции или доли корпорации или где находятся их владельцы, поскольку каждая из сторон в случае возникновения судебного разбирательства несет риски, связанные с реализацией ими своих процессуальных прав.

В итоге предпосылкой для централизованного обеспечения права и законных интересов участников корпоративных отношений стал институт исключительной подсудности. Полагаем, что законодатель исходил именно из сущности корпоративных конфликтов и корпоративных споров, которые были сформулированы в рамках настоящего исследования.

При этом на данный момент в правоприменении сохраняются коллизии, связанные с конкуренцией норм о территориальной подсудности. В частности, АПК РФ содержит в себе коллизии, не позволяющие однозначно определить, к какому именно арбитражному суду будет относиться тот или иной корпоративный спор. Они были выявлены посредством изучения актуальной правоприменительной практики.

В рамках текущего параграфа исследовались вопросы относительно конфликта правил исключительной подсудности, а именно:

1) ч. 4.1 ст. 38 АПК РФ, устанавливающей исключительную подсудность по адресу регистрации юридического лица, и ч. 1 ст. 38 АПК РФ, устанавливающую подсудность по месту нахождения недвижимого имущества;

2) ч. 4.1 ст. 38 АПК РФ, устанавливающей исключительную подсудность по адресу регистрации юридического лица, и ст. 247 АПК РФ, устанавливающую определенные правила подсудности иностранным судам.

Для начала проанализируем проблематику определения правил подсудности по категории корпоративных споров, предметом которых является недвижимое имущество.

Итак, согласно арбитражному процессуальному законодательству, по общему правилу, исковое заявление подается по адресу или по месту жительства

ответчика. Однако для корпоративных споров ч. 4.1 ст. 38 АПК РФ устанавливает подачу иска по месту регистрации юридического лица. Параллельно ч. 1 ст. 38 АПК РФ закрепляет исключительную подсудность для споров о правах на недвижимое имущество – по месту его нахождения.¹

Существование в АПК РФ двух указанных правовых норм создает трудности при определении подсудности споров, в частности, о признании крупных сделок, связанных с правами на недвижимое имущество, недействительными на основании корпоративного законодательства. Возникшее процессуально-правовое явление известно как конфликт исключительной подсудности корпоративных споров.

С целью устранения данной коллизии и восстановления нарушенного единообразия судебной практики Президиум ВАС РФ 7 сентября 2010 г. вынес Постановление № 6470/10 по делу № А13-3405/2009 (далее – Постановление Президиума ВАС РФ от 7 сентября 2010 г.). Суд пришел к выводу, что корпоративный спор по признанию сделки, связанной с правами на недвижимое имущество, недействительной, должен рассматриваться исходя из правил исключительной подсудности споров о правах на недвижимое имущество. Исходя из требований истца, была определена цель заявленных требований – признать зарегистрированное обременение отсутствующим, в результате чего суд пришел к выводам, что подлежит применению ч. 1 ст. 38 АПК РФ², поскольку предметом спора выступал объект недвижимости.

ВАС РФ в возникшей конкуренции норм права отдал предпочтение правилам об исключительной подсудности споров о правах на недвижимое имущество, в результате чего судебная практика должна была пойти по обозначенному судебным актом направлению. Действительно, после вынесения данного постановления арбитражные суды различных уровней при разрешении

¹ См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (с изм. и доп. от 6 апреля 2024 г., № 74-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3012; 2024. – № 53, ст. 8531.

² См.: Постановление Президиум Высшего Арбитражного суда от 7 сентября 2010 г. по делу № А13-3405/2009. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 13.11.2022).

споров о подсудности стали ссылаться на указанное в нем правовое обоснование и применять его в спорах о признании недействительным не только договора ипотеки, как в ситуации, обозначенной выше, но и других сделок по отчуждению недвижимого имущества.

Так, например, Девятый Арбитражный апелляционный суд пришел к следующему выводу: поскольку удовлетворение заявленного требования и его принудительное исполнение повлечет необходимость государственной регистрации возможного перехода прав на недвижимость в Единый государственный реестр прав и поскольку недвижимое имущество территориально находится в городе Волгограде, апелляционная жалоба на определение Арбитражного суда города Москвы не подлежит удовлетворению¹. Аналогичной позиции придерживался и ВС РФ, в частности в рамках дела № А41-63881/2019².

Тем не менее, арбитражные суды занимают и противоположную позицию, обосновывая правильность применения правил об исключительной подсудности по месту регистрации юридического лица³. Отсутствие единообразия применения данных правил свидетельствует о том, что проблема на сегодняшний день еще не решена окончательно.

Со временем актуальность конфликта правил исключительной подсудности из правоприменительной практики плавно перетекла в соответствующие научные исследования. Одни ученые утверждали, что при определении подсудности необходимо руководствоваться существом спора, в связи с чем предпочтение должно быть отдано подсудности по месту

¹ См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 2 июля 2015 г. по делу № А40-32364/14 // Федеральные арбитражные суды. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/5be079b8-9743-4cf8-a103-7ad62f34af5e> (дата обращения: 05.11.2021).

² См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 октября 2019 г. по делу № А41-63881/2019 // Федеральные арбитражные суды. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/c363002a-d25e-41a9-b385-3f2737f3711e> (дата обращения: 05.11.2021).

³ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 26 мая 2021 г. по делу № А15-523/2021 // Федеральные арбитражные суды. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 05.11.2021).

регистрации юридических лиц¹. Другие придерживаются подхода, изложенного в Постановлении Президиума ВАС РФ от 7 сентября 2010 г.²

На наш взгляд, природа корпоративного спора о признании крупной сделки недействительной вытекает из сформулированных дефиниций корпоративного спора в узком и широком смысле и обладает следующими признаками:

1. У участников корпоративных отношений возникает интерес в сохранении контроля за объектом недвижимого имущества, которое либо является частью производственной цепочки, либо формой сохранения активов корпорации.

2. Иск о признании сделки с недвижимостью недействительной направлен на защиту прав участия и управления корпорацией, главным условием которых является сохранение активов, включая объекты недвижимости.

3. Корпоративный спор о признании сделки с недвижимостью недействительной инициируется посредством использования совокупности процессуальных норм, регулирующих рассмотрение корпоративных споров. Другими словами, стороны заявляют свои требования в рамках специализированной процессуальной формы.

Подводя итоги, следует отметить, что первая позиция арбитражных судов представляется более обоснованной и целесообразной, поскольку соответствует правовой природе корпоративного спора о признании крупной сделки недействительной. В то же время вторая позиция не учитывает цели существования исключительной подсудности по месту нахождения объекта недвижимости и по месту регистрации юридического лица, и саму природу корпоративных споров о признании крупной сделки недействительной.

¹ См.: *Маковская А.А.* Крупные сделки и сделки с заинтересованностью: анализ и комментарий Законов «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью». М., 2020. С. 198.

² См.: *Хлюстов П.В.* Спор о правах на недвижимое имущество: проблемы территориальной подсудности // Закон. 2014. № 1. С. 110.

Для того чтобы подтвердить изложенную точку зрения, необходимо ответить на следующие вопросы:

1) Какова природа корпоративных споров о признании сделки недействительной при споре по объекту недвижимости?

2) Какие цели преследовал законодатель, вводя правило об исключительной подсудности по месту объекта недвижимости и правило об исключительной подсудности по месту регистрации юридического лица?

Ответим на первый вопрос.

Требование истца о признании сделки недействительной на основании норм законодательства о юридических лицах направлено на обоснование в судебном порядке незаконности ее совершения, выражающейся в нарушении правил ее согласования. Они содержатся в Законе об АО и Законе об ООО. Речь в данном случае идет о сделках с заинтересованностью и крупных сделках.

В соответствии с п. 6 ст. 79 Закона об АО¹ и п. 4 п. 6 ст. 45 Закона об ООО², заявление о признании соответствующих сделок недействительными подается акционерами или участниками в зависимости от организационно-правовой формы хозяйственных обществ. В силу специфики субъектов, которые уполномочены заявлять такие требования, приходим к выводу, что иск о признании сделки недействительной подается участниками корпоративных отношений в интересах корпорации. Судебная практика также показывает, что с такими требованиями в арбитражный суд обращаются участники, акционеры или члены совета директоров.

Данные доводы подтверждаются учеными-правоведами, которые изучили вопросы о корпоративно-правовой природе заявляемых требований. А.А. Маковская обращает внимание на то, что иски предъявляются определенными

¹ См.: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (с изм. и доп. от 25 декабря 2023 г., № 631-ФЗ) «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 1; 2024. № 49, ст. 7437.

² См.: Федеральный закон от 8 февраля 1998 № 14-ФЗ (с изм. и доп. от 13 июня 2023 г., № 249-ФЗ) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7, ст. 785; 2024. № 33, ст. 4983.

субъектами – участниками корпоративных отношений. При этом учена отдает предпочтение правилам об исключительной подсудности по месту регистрации юридического лица, когда она поднимает вопрос о том, какие нормы должны применяться при определении места рассмотрения корпоративного спора¹.

Следовательно, анализируя природу требования о признании сделки по корпоративно-правовым основаниям недействительной, можно сделать вывод, что оно:

1. обладает обязательственной природой, так как оспаривание сделки позволяет исполнить обязательство, лежащее в основе спора;
2. имеет корпоративно-правовую природу.

Ответим на второй вопрос.

Иск о правах на недвижимое имущество и корпоративно-правовой иск различаются по основаниям подачи. В соответствии с постановлением Пленума ВАС РФ № 54 от 12 февраля 2006 года, к искам о правах на недвижимое имущество относятся требования о возврате имущества, незаконно находящегося во владении другого лица, требования об устранении нарушений прав на недвижимое имущество, не связанных с лишением владения, исковые заявления об установлении сервитута и т.д.², то есть требования, непосредственно связанные с разрешением вопросов о самом объекте.

Иск о признании экстраординарной сделки недействительной и иск о правах на недвижимость направлены на достижение различных целей. В первом случае истец стремится оспорить то обязательство, из-за которого корпорация лишилась того или иного актива. В случае удовлетворения требований начинает работать механизм реституции, закрепленный в гражданском законодательстве. Однако перед этим арбитражному суду предстоит разобраться в рамках

¹ См.: *Маковская А.А.* Крупные сделки и сделки с заинтересованностью: анализ и комментарий Законов «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью». М., 2020. С. 198.

² См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 54 «О некоторых вопросах подсудности дел по искам о правах на недвижимое имущество» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 11.

судебного заседания в вопросе о судьбе обязательства, иными словами, оценить обстоятельства, свидетельствующие о действительности или недействительности сделки. Отличается и правовая природа корпоративно-правового иска и иска о правах на недвижимое имущество. Однако в современной практике суды игнорируют эту особенность. Так, при направлении дела по подсудности в другой суд, они не учитывают, что спор разрешается на основе корпоративно-правовых норм, в связи с чем применение ч. 1 ст. 38 АПК РФ при направлении искового заявления по подсудности в другой суд представляет неправильным.

Некоторые исследователи поддерживают дифференциацию, указывая, что корпоративный спор, в котором предметом является объект недвижимости, нужно отличать от споров о правах на недвижимое имущество¹.

Поскольку вышеуказанные иски имеют разную природу, применение правил исключительной подсудности должно быть дифференцированным.

Ученые-процессуалисты объясняют введение института исключительной подсудности споров, предметом которых являются объекты недвижимого имущества, тем, что материалы дела удобнее рассматривать на территории того субъекта, где оно зарегистрировано².

Судебная практика демонстрирует, что для разрешения споров о правах на недвижимость зачастую необходимо тщательно изучить и проанализировать письменные доказательства, получение которых слабо связано с рассмотрением спора на строго определенной территории. Современная система правосудия предоставляет возможность ознакомиться с материалами дела в онлайн-режиме и возможностью запрашивать документы у специализированных органов. В связи с этим институт подсудности по месту нахождения недвижимости теряет свою актуальность и превращается в условно формальную процедуру.

¹ См.: *Андреев В.К., Лаптев В.А.* Корпоративное право современной России: монография. М., 2017. С. 155.

² См.: Исключительной подсудности не нужно расширительное толкование // Legal.Reports. URL: <https://legal.report/normam-ob-isklyuchitelnoj-podsudnosti-ne-nuzhno-rasshiritelnoe-tolkovanie/> (дата обращения: 05.11.2021).

В то же время норма об исключительной подсудности по месту нахождения юридического лица была введена для закрепления компетенции арбитражных судов по рассмотрению корпоративных споров, чтобы материалы дела по тому или иному юридическому лицу хранились у конкретного арбитражного суда¹.

Введение института исключительной подсудности по месту регистрации корпорации позволяет защитить добросовестных участников корпоративных отношений от злоупотреблений.

Учитывая специфику корпоративных отношений, исключительная подсудность по месту нахождения юридического лица является предпочтительной, так как создает наиболее безопасные условия для ведения корпоративных споров и разрешения корпоративного конфликта в целом.

Кроме того, необходимо учитывать характер защищаемых прав и законных интересов. В корпоративном споре о признании сделки с недвижимостью недействительной защищаются интересы участников корпоративных отношений, связанные с корпоративным контролем. Иск о правах на недвижимость направлен на защиту вещных прав конкретного лица. Поскольку в корпоративном споре может участвовать множество лиц, применение правил исключительной подсудности по месту расположения объекта недвижимости не всегда корректно, особенно если контрагентом выступает лицо, аффилированное с одним из участников корпорации, или ее единоличный исполнительный орган. Зачастую именно в таких ситуациях и прослеживается корпоративный конфликт, сущность которого и заключается в стремлении одной стороны конфликта сохранить активы в своей фактической собственности и стремлении другой стороны обеспечить равномерное их распределение. Применением правил об исключительной подсудности по месту нахождения объекта недвижимости не

¹ См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования механизмов разрешения корпоративных конфликтов)» // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/384664-4> (дата обращения: 05.11.2021).

только оставляет конфликт неразрешенным, но и распаляет разногласия участников корпоративных отношений, вынуждая их применять более радикальные методы урегулирования споров.

Наличие двух противоречащих друг другу норм об исключительной подсудности приводит к отсутствию единообразия в правоприменительной практике. Споры о признании сделок с недвижимостью недействительными могут рассматриваться как по месту регистрации объекта недвижимости, так и по месту регистрации юридического лица. Арбитражные суды в ряде случаев обоснованно указывают на неприменимость Постановления Президиума ВАС РФ от 7 сентября 2010 года, несмотря на сходство обстоятельств. Примером может служить дело № А15-523/2021, в котором суды пришли к выводу, что правоотношения, ставшие предметом спора, регулируются специальным законодательством о хозяйственных обществах. В связи с этим исковое заявление должно быть подано не по месту нахождения недвижимого имущества, а по месту государственной регистрации юридического лица¹.

Исследователи О.В. Абознов, Н.Г. Беляева и Ю.С. Колясникова отмечают, что разрешение подобных споров в отношении юридических лиц соответствует критериям эффективности правосудия, а использование других правил подсудности нет². В деле № А50-9316/2020 суды справедливо сослались на принцип обеспечения эффективности правосудия, указав, что возникший спор не является спором о праве на имущество, поскольку требование об истребовании

¹ См.: Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31 марта 2021 г. по делу № А15-523/2021 // Федеральные арбитражные суды. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 05.11.2021).

См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 26 мая 2021 г. по делу № А15-523/2021 // Федеральные арбитражные суды. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 05.11.2021).

² См.: *Абознов О.В., Беляева Н.Г., Колесникова Ю.С. и др. Практика применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.* М., 2018. С. 233.

имущества основаны на недействительности сделки по корпоративным основаниям¹.

Таким образом, вопрос конфликта норм исключительной подсудности должен разрешаться в пользу подсудности по месту нахождения юридического лица. Это обусловлено, во-первых, идеей законодателя оградить добросовестных участников корпоративных отношений от злоупотреблений, и, во-вторых, практической целесообразностью, заключающейся в достижении путем концентрирования всех споров по активам юридического лица в одном арбитражном суде.. Принимая противоположные решения, суды нарушают единообразие правоприменительной практики и научную представления о том, как должен быть сформирован институт подсудности корпоративных споров.

В связи с этим нами предлагается новая формулировка подп. 3 п. 1 ст. 225.1 АПК РФ: «Споры по искам учредителей, участников, членов юридического лица (далее – участники юридического лица) о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу, о признании недействительными сделок (включая сделки, касающиеся прав на недвижимое имущество), совершенных юридическим лицом, и (или) о применении последствий недействительности таких сделок».

Далее перейдем к анализу проблематики подсудности корпоративных споров с участием иностранных лиц.

В АПК РФ содержатся нормы о компетенции арбитражных судов по рассмотрению споров с участием иностранных лиц. В частности, законодатель разрешает вопросы относительно правового статуса иностранных лиц, извещения их о времени и месте судебного заседания, требований, предъявляемых к документам, созданным на иностранном языке.

¹ См.: Решение Арбитражного суда Пермского края от 6 мая 2020 г. по делу № А08-4257/2014 // Федеральные арбитражные суды. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 05.11.2021).

См.: Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 июня 2020 по делу № А50-9316/2020 // Федеральные арбитражные суды. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 05.11.2021).

Для начала отметим, что нормативно-правовую базу, содержащую в себе условия, при которых спор с иностранными организациями будет рассматриваться на территории Российской Федерации, составляет ст.ст. 247 и 248 АПК РФ.

В рамках ст. 247 АПК РФ перечисляются ситуации, когда дела с иностранным элементом рассматриваются в арбитражных судах Российской Федерации. Согласно ст. 248 АПК РФ по некоторым делам с участием иностранных лиц арбитражные суды Российской Федерации имеют исключительную компетенцию. К таковым может относиться спор относительно государственной собственности РФ. Анализируя п. 5 ч. 1 ст. 248 АПК РФ можно прийти к выводу, что она касается напрямую только отдельных категорий корпоративных споров. Аналогичная норма в ГПК РФ, которая регулирует вопросы подсудности вытекающих из деятельности некоммерческих организаций корпоративных споров с участием иностранных лиц, отсутствует.

Несмотря на вышеуказанную норму некоторые ученые юристы отмечают, что дела, связанные с оспариванием решений органов российских юридических лиц, даже в случае нахождения их за границей подсудны арбитражным судам Российской Федерации. Для применения правила об исключительной подсудности, необходимо, чтобы юридическое лицо было зарегистрировано на территории Российской Федерации. При этом данное правило будет распространяться и на случаи, когда оспаривается решение органа иностранного юридического лица, созданного по нормам российского законодательства¹. Здесь будет действовать правило внутренней территориальной подсудности, согласно которому при отсутствии прямого регулирования подсудности суды должны применять нормы территориальной подсудности².

¹ См.: *Мамаев А.А.* Исключительная международная судебная юрисдикция по гражданским делам: сравнительный анализ норм ГПК РФ и АПК РФ // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 10. С. 36.

² См.: *Шакарян М.С.* Гражданское процессуальное право России. М., 1998. С. 429.

Напротив, зачастую могут возникнуть ситуации, когда между странами может быть заключено соглашение, по которому все корпоративные споры, зарегистрированные на территории иностранного государства, рассматриваются в его компетентных судах. Примером такого международного нормативного акта может являться Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о статусе города Байконур, порядке формирования и статусе его органов исполнительной власти от 1995 года¹.

Отнесение категорий споров, указанных в п. 5 ст. 248 АПК РФ к исключительной компетенции российских арбитражных судов связано с тем, что одним из участников таких споров выступает уполномоченный орган, осуществляющий функции по регистрации юридических лиц, а также с тесной связью спора с территорией Российской Федерации. Государственная регистрация юридического лица на территории Российской Федерации является юридическим фактом, выступающим, во-первых, основанием возникновения правоспособности юридического лица и, во-вторых, основанием для определения личного статуса этого лица в международном гражданском обороте².

Цель этой нормы — гарантировать надлежащую защиту прав и законных интересов участников корпоративного спора от нарушений, возникающих при функционировании корпорации. Эти нарушения могут проявляться в принятии органами юридического лица неправомερных решений, способных повлечь за собой уменьшение его имущества, ухудшение финансовых показателей, банкротство, а также вывод активов в иностранные юрисдикции. Главным фактором отнесения анализируемой категории корпоративных споров к исключительной компетенции российских судов является, по нашему мнению, обеспечение предсказуемой защиты как частно-правовых отношений,

¹ См.: Федеральный закон от 1 мая 2017 г. № 81-ФЗ «О ратификации Протокола о внесении изменений в Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о статусе города Байконур, порядке формирования и статусе его органов исполнительной власти от 23 декабря 1995» // СЗ РФ. 2017. № 18, ст. 2658.

² См.: *Мамаев А.А.* Указ. соч. С. 38.

складывающихся между участниками корпораций, так и публично-правовых. Регулирование вопросов подсудности корпоративных споров, связанных с оспариванием решений органов юридических лиц, направлено на поддержание социальной значимости корпоративных отношений для гражданского оборота и в целом для социально-экономической системы государства.

Отечественное законодательство, как видим, исходит из исключительной подсудности по месту регистрации юридического лица. Это означает, что если его местонахождением является иностранное государство, то корпоративные споры могут рассматриваться в иностранных судах. Здесь четко прослеживается следование доктрине «внутренних дел», согласно которой корпоративные отношения, возникающие в рамках юридического лица, подчиняются его личному закону. В частности, из положений ст. 1202 ГК РФ следует, что им определяются вопросы создания, реорганизации и ликвидации юридического лица, в том числе вопросы правопреемства, внутренние отношения, включая отношения юридического лица с его участниками, вопросы ответственности его учредителей (участников) по обязательствам¹.

Вместе с тем, как показывает текущая обстановка, данная доктрина далеко не всегда уместна. В связи с тем, что на большое количество российских активов распространяется санкционный режим, введенный со стороны США, Канады, Великобритании, Австралии, Японии, Южной Кореи и стран ЕС, права представителей бизнеса на ведение свободной экономической деятельности могут быть нарушены.

В отечественной науке превалирует идея о том, что корпоративные споры, связанные с осуществлением российскими участниками своих корпоративных прав в рамках иностранного юридического лица, должны рассматриваться в российских арбитражных судах для исключения нарушений прав участников корпоративных отношений, связанных с появлением конкурирующих судебных актов иностранных государств. Так, Д.И. Степанов отмечал, что возможность

¹ См.: Чекулаев С.С. Корпоративные конфликты, осложненные иностранным элементом, и способы их разрешения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 62.

инициирования судебных разбирательств в нескольких судах одновременно позволяет недобросовестным участникам злоупотреблять своими правами¹. Рассмотрение тождественных исков не позволяет эффективно разрешать дела, вытекающие из корпоративных споров, поскольку суды могут вынести конкурирующие между собой судебные акты в отношении одного и того же юридического лица, в лучшем случае – судебные акты дублируются.

Многообразие государственных механизмов защиты прав позволяет участникам оборота выбирать юрисдикционный орган, наиболее благоприятный для их интересов. Исключение возможности рассмотрения корпоративных споров, связанных с деятельностью юридических лиц, судом не по месту их нахождения является, по мнению Д.И. Степанова, необходимым условием исправления ситуации обширного ведения корпоративных войн².

Позиции, согласно которой по отношению к корпоративным спорам должны применяться правила внутренней исключительной подсудности, поддерживаются Е.А. Борисовой и А.В. Малюкиной. По их мнению, процессуальные действия в рамках корпоративного спора и весь добытый процессуальный материал должны концентрироваться в одном месте³.

Эти позиции представляются обоснованными в связи с тенденцией, когда иностранное законодательство отдельных государств, включающее себя нормы, налагающие на российских физических и юридических лиц экономические санкции, дает преимущество лицам из других стран при возникновении спора в иностранном государстве. Фактически участники корпоративных отношений

¹См.: *Степанов Д.И.* Корпоративные споры и реформа процессуального законодательства // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 2. С. 133–134.

² См.: *Степанов Д.И.* указ. соч. С. 137.

³ См.: *Борисова Е.А.* Концентрация процесса как принцип гражданского (арбитражного) процессуального права // Теоретические и практические проблемы гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства. СПб. 2005. С. 156, С. 160–161, 166, 171.

См.: *Малюкина А.В.* Принцип концентрации гражданского процесса: основные теоретические положения и их реализация: автореф. дис. .. канд. юрид. наук. М., 2008. С. 13.

лишаются права на вынесение законного и обоснованного судебного акта иностранными судами.

Следует отметить, что отечественное законодательство все же предпринимает шаги для защиты участников международного гражданского оборота, в число которых входят владельцы долей компаний. Так, ст. 248.1 АПК РФ устанавливается режим исключительной подсудности по спорам с участием российских субъектов, в отношении которых иностранными государствами, объединениями, союзами и учреждениями применены меры ограничительного характера. Данная норма введена в действие с целью обеспечения полноценного доступа к правосудию тем лицам, в отношении которых были введены экономические санкции со стороны недружественных государств.

Относительно вышеуказанной нормы уже сложилась правоприменительная практика, которая более подробно раскрывает ее содержание. В п. 31 Обзора судебной практики ВС РФ № 3 за 2023 г. указано, что введение иностранными государствами ограничительных мер (запретов и персональных санкций) в отношении российских лиц поражает их в правах как минимум репутационно и тем самым заведомо ставит их в неравное положение с иными лицами. В таких условиях вполне оправданны сомнения в том, что спор с участием лица, находящегося на территории государства, применившем ограничительные меры, будет рассмотрен там же¹.

Кроме того, в практике встречаются прецеденты, когда суды, толкуя ст. 248.1 АПК РФ расширительно, применяют ее к лицам, в отношении которых экономические санкции не введены².

¹ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2023 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2024. № 3.

² См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 4 марта 2024 г. по делу № А40-13350/2023 // Федеральные арбитражные суды. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 07.08.2024).

См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26 января 2023 г. по делу № А40-75861/2022 // Федеральные арбитражные суды. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 07.08.2024).

Таким образом, усилия законодателя и судебных органов направлены на концентрацию рассмотрения корпоративных споров в пределах территории РФ, что позволит обеспечить гарантии на судебную защиту интересов российских предпринимателей, доступ к правосудию и право на вынесение законного и обоснованного судебного акта. Фактически законодателем и правоприменительной практикой формируется новая доктрина, на основе которой будет строиться современная система подсудности, независимая от личного закона юридического лица.

Это обусловлено тем, что концентрация рассмотрения корпоративных споров исключительно по месту нахождения соответствующей корпорации более не позволяет обеспечить полноценную реализацию права на судебную защиту. При этом стремление одной стороны конфликта сохранить активы в своей фактической собственности и стремление другой стороны обеспечить равномерное их распределение, выявленные в ходе настоящего исследования, характерны и для корпоративных споров с участием иностранных лиц.

Проблематика исключительной подсудности здесь усиливается тем, что контроль за активами корпорации может быть перехвачен посредством использования иностранного законодательства. Права и законные интересы российских участников корпоративных отношений остаются незащищенными от недобросовестных действий, порождаемых наличием иностранного элемента.

В условиях глобального разрушения международных экономических отношений, меры, обозначенные выше, являются крайней необходимостью, чтобы не только создать для отечественного бизнеса условия для юридической защиты, но и сохранить как можно большее количество активов предприятий.

Вместе с тем проблема негативного влияния доктрины «внутренних дел» остается актуальной, поскольку единообразие судебной практики нельзя считать

См.: Решение Арбитражного суда по Калининградской области от 13 марта 2024 г. по делу № А21-12397/2023 // Федеральные арбитражные суды. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 07.08.2024).

сформированным, что ставит перед законодательной системой новые задачи по совершенствованию имеющихся правовых норм.

Для того чтобы подтвердить актуальность оговоренной выше проблемы, следует рассмотреть современную судебную практику. Так, в деле № А40-159546/2014 акционер М. Латинович обратился в Арбитражный суд города Москвы с исковым заявлением к иностранной компании Krossana ltd о признании недействительным решения члена совета директоров вышеуказанной компании об одобрении сделок займа и залоге недвижимого имущества, находящегося в городе Москве, ссылаясь на то, что оспариваемое решение было принято с нарушением Закона о компаниях Республики Кипр. В данном случае о принятом решении не были уведомлены акционеры этой компании, также не было созвано собрание директоров. Судом первой инстанции исковое заявление М. Латиновича было удовлетворено в полном объеме.

Однако Девятым арбитражным апелляционным судом вышеуказанное решение было отменено, при этом суд указал на следующие обстоятельства:

1) В соответствии с подп. 6 п. 2 ст. 1202 ГК РФ юридическое лицо осуществляет свои права через свои органы, порядок избрания которых определяется законом той страны, где учреждено такое юридическое лицо, а также его учредительными документами. Личным законом компании Krossana ltd в данном споре считает право Республики Кипр, где такое юридическое лицо и было учреждено;

2) Нахождение органов управления юридического лица, зарегистрированного в Республике Кипр, в городе Москве, где оно не зарегистрировано, правового значения для разрешения корпоративного спора не имеет. Арбитражному суду города Москвы подсудны только те корпоративные споры, которые инициированы относительно деятельности юридических лиц, зарегистрированных в городе Москве¹.

¹ См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 9 октября 2015 г. по делу № А40-159546/2014 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 13.11.2022).

Данное обоснование нельзя признать в полной мере убедительным. Статья 248 АПК РФ содержит в себе неизменяемые правила о компетенции российских судов для целей невмешательства в иностранную юрисдикцию. Однако сама по себе норма не мешает сторонам обращаться в российские суды при соблюдении права международной подсудности, закрепленных в ст. 247 АПК РФ. Более того, суды должны были рассмотреть возможность применения указанной нормы, поскольку она включает в себя широкий перечень правовых средств, позволяющих рассматривать корпоративные споры в российских судах. Если бы дело подвергалось более четкому анализу, вероятно, суды могли прийти к другому выводу о подсудности спора.

Вместе с тем есть и противоположная оценка вопроса международной подсудности. В деле № А83-10353/2018 российские суды пришли к выводу о том, что спор о признании решения участником иностранного юридического лица недействительным не отнесен ст. 247 АПК РФ к числу споров, подлежащих рассмотрению арбитражными судами Российской Федерации¹.

Российское законодательство в области регулирования отношений, связанных с рассмотрением споров в арбитражных судах, содержит четкий перечень условий, при которых спор с участием иностранных лиц будет рассматриваться именно в российском суде. Согласно ст. 247 АПК РФ спор будет находиться в компетенции российского суда при нахождении ответчика или его имущества на территории РФ, возникновении спорной ситуации, исходящей из договора, исполнение которого связано с территорией РФ².

Стоит заметить, что перечень условий, при которых спор может быть рассмотрен на территории России, не является ограниченным. Главное условие,

См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19 января 2016 г. по делу № А40-159546/14 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 13.11.2022).

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 24 марта 2020 г. по делу № А83-10353/2018. // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 13.11.2022).

² См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (с изм. и доп. от 6 апреля 2024, № 74-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3012; 2024. № 53, ст. 8531.

при котором спор будет отнесен к компетенции российских судов – это тесная связь с территорией нашего государства.

Данное правило возможно применить в случаях, когда между участниками корпоративных правоотношений, осложненных иностранным элементом, возникает корпоративный спор. Важно отметить, что корпоративные правоотношения отличаются большим количеством участников, связанных с деятельностью конкретной корпорации.

В современном мире наблюдается активное развитие международных коммерческих связей, поэтому необходимо подчеркнуть, что корпоративно-правовые отношения могут возникать между лицами из разных стран. Например, российский гражданин или российское хозяйственное общество могут владеть частью акций компании, зарегистрированной в иностранном государстве.

А.В. Абсалямов подчеркивает важность учета состава ответчиков и их правового статуса в делах, касающихся корпоративных споров. Согласно ч. 5 ст. 27 и ст. 247 АПК РФ, правильный выбор субъектов арбитражного процесса в качестве ответчиков является необходимым условием для определения подсудности дела арбитражному суду¹.

Согласно ст. 247 АПК РФ, корпоративные споры с участием иностранных корпораций и их участников могут быть отнесены к компетенции российских арбитражных судов. Однако, в соответствии с п. 4.1 ст. 38 АПК РФ, корпоративные споры подлежат рассмотрению по адресу юридического лица.

Таким образом, возникает юридическая коллизия при толковании законодательных норм, а в текущей ситуации, связанной с изменениями в мировой политике, считаем, что в данном случае нужно руководствоваться интересами собственного государства и дать возможность решать проблемы международных корпораций в правовом поле Российской Федерации.

Обратим внимание на противоречия, которые возникли на данный момент в российских судах и в международной практике. Существует некоторое

¹ См.: Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный); под ред. В.В. Яркова. М., 2011. С. 627.

количество дел, в которых корпоративный спор с участием иностранных лиц, возникший относительно деятельности в иностранной компании, не рассматривался в российских судах. Имеются примеры, когда арбитражные суды прекращают производство по соответствующим исковым заявлениям или отказывают в принятии исковых заявлений к производству¹.

Думается, что данный подход имеет в себе массу негативных последствий, например, выраженные в том, что иностранные суды могут подвергаться политическому давлению при принятии решений относительно российских участников иностранных юридических лиц. Соответственно, могут приниматься решения, основанные не на стремлении вынести справедливое решение и соблюдении основ международного права. Также к негативным последствиям могут привести решения российских судов, когда они отдают прерогативу рассмотрения обстоятельств дела на территорию другой страны, что влечет дополнительные издержки для российских компаний. Перечень таких случаев в ст. 247 АПК РФ не является закрытым, поскольку законодатель предоставил судам возможность самостоятельно определять конкретные обстоятельства дела. Представляется, что некоторые суды формально относятся к данному виду дел, не принимая во внимания все обстоятельства, которые могут объективно оценить доводы сторон корпоративного спора и вынести справедливое решение.

Вторая позиция основывается на диаметрально противоположном подходе, согласно которому факт регистрации иностранных компаний в родной стране не может являться основанием для прекращения дела или отказа в принятии

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05 апреля 2021 г. по делу № А40-334414/2019 // Федеральные арбитражные суды. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a619796d-d05c-4c9b-8e31-0da7df90b742> (дата обращения: 31.03.2025).

См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 марта 2021 г. по делу № А40-207211/2020 // Федеральные арбитражные суды. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/551ec7eb-a4c0-4596-8894-06be76f1cf17> (дата обращения: 31.03.2025).

искового заявления. Учитываются другие обстоятельства дела, которые подходят под критерий, указанный в п. 10 ч. 2 ст. 247 АПК РФ¹.

Ситуации, когда истец или ответчик в рамках корпоративного спора являются гражданами Российской Федерации или проживают на ее территории, соответствуют критерию связанности спора с территорией Российской Федерации. Считаем, что такой подход судов к определению подсудности соответствует нормам АПК РФ и смыслу, который законодатель вложил в них, поскольку он способствует реализации прав граждан и юридических лиц на защиту своих интересов в арбитражных судах. Данный подход справедлив, когда стороны прямо изъявили желание инициировать судебные споры в России, указав на это в соглашении².

Вместе с тем не совсем правильным представляется общепринятый подход судов к проблеме, согласно которому приоритет отдается нормам об исключительной подсудности в п. 4.1. ст. 38 АПК РФ, поскольку стороны корпоративного спора утрачивают возможность защитить права на территории Российской Федерации. При этом обоснование своей позиции при помощи данной нормы фактически избавляет суд от необходимости учитывать обстоятельства, которые могут позволить рассматривать спор в российском суде. Кроме того, обращение в компетентный суд иностранного государства может повлечь за собой большие по размеру издержки.

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22 марта 2018 г. по делу № А40-103924/17 // Федеральные арбитражные суды. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/90d277dc-47c9-46d7-8272-ccaccf2ca83> (дата обращения: 31.03.2025).

См.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 13 июля 2020 г. по делу № А83-10046/2019 // Федеральные арбитражные суды. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/85efdfc1-2cb2-4b0b-ba9d-56c13353dea0> (дата обращения: 31.03.2025).

См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 октября 2019 г. по делу № А41-63881/2019 // Федеральные арбитражные суды. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/c363002a-d25e-41a9-b385-3f2737f3711e> (дата обращения: 05.11.2021).

² См.: Сможет ли российский суд рассмотреть корпоративный спор, предметом которого является вопрос принадлежности акций/долей иностранной компании. URL: https://zakon.ru/blog/2021/04/30/smozhet_li_rossijskij_sud_rassmotret_korporativnyj_spor_predmet_om_kotorogo_yavlyaetsya_vopros_prinad (дата обращения: 23.07.2023).

В соответствии с доктриной «внутренних дел», подсудность корпоративных споров с участием иностранных лиц определяется местом регистрации юридического лица. Однако в настоящий момент данная доктрина в текущем ее виде не способствует лучшей защите прав и законных интересов участников корпоративных отношений, находящихся или ведущих свою деятельность на территории нашей страны. Введение отдельными государствами экономических санкций негативно сказывается на качестве экономического правосудия в соответствующих юрисдикциях и приводит к политизированности выносимых судебных актов. Для того, чтобы нивелировать негативное влияние, предлагается внести в ст. 247 АПК РФ п. 1.1 изменения, заключающиеся в следующей редакции: «При рассмотрении арбитражными судами Российской Федерации корпоративных споров, связанных с осуществлением российскими участниками своих корпоративных прав в рамках иностранного юридического лица, нормы настоящей статьи применяются с учетом особенностей, установленных ч. 4.1 ст. 38 АПК РФ».

ГЛАВА 3. ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ РАССМОТРЕНИЕ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ

3.1. Процессуальные особенности принятия обеспечительных мер в корпоративных спорах

Как известно, арбитражный суд или суд общей юрисдикции принимают обеспечительные меры в случаях, когда их отсутствие может осложнить или сделать невозможным исполнение судебного акта. Эти меры также направлены на предотвращение ущерба, причиняемого противоправными действиями лиц, злоупотребляющих своими правами.

Обеспечительные меры по корпоративным спорам, как и обеспечительные меры по другим категориям споров, должны соответствовать следующим критериям:

- 1) обоснованность заявленных требований;
- 2) связанность с предметом спора;
- 3) соразмерность заявленным требованиям.

В ст. 90 АПК РФ и ст. 139 ГПК РФ обозначены основания для принятия обеспечительных мер в рамках дел, связанных с рассмотрением споров в общеисковом порядке. В ч. 3 ст. 225.6 АПК РФ определены обеспечительные меры, которые могут быть приняты судами при рассмотрении корпоративных споров, их перечень не является исчерпывающим.

Законодатель определил предмет доказывания в данной сфере достаточно широко. Для принятия обеспечительных мер, участникам корпоративно-правовых отношений необходимо представить доказательства, подтверждающие обоснованность требований, высокую вероятность причинения ущерба заявителю, возможность предотвращения вреда для третьих лиц, отсутствие препятствий для управления корпорацией, наличие конфликта интересов между участниками корпоративных отношений, который негативно сказывается на

деятельности корпорации, и т.д.¹. Арбитражное процессуальное законодательство также предусматривает возможность предоставления заявителем встречного обеспечения, что служит гарантией защиты прав и законных интересов ответчика.

Принятие обеспечительных мер не преследует цель прекращения деятельности корпорации. Их необходимость обусловлена временным исключением имущества или имущественных прав из гражданского оборота для обеспечения возможности взыскания в будущем в случае удовлетворения исковых требований. Действие обеспечительных мер не должно причинять несоразмерный экономический вред корпорации, в ином случае ее деятельность может стать убыточной. Данную точку зрения поддерживает А.В. Абсалямов, отмечая, что обеспечительные меры, служа инструментом защиты интересов заявителей, не могут лишать других лиц, включая саму корпорацию, возможности осуществлять хозяйственную деятельность в рамках закона². Эта позиция подтверждена ВАС РФ в п. 5 Постановления Пленума от 9 июля 2003 г. № 11 «О практике рассмотрения арбитражными судами заявлений о принятии обеспечительных мер, связанных с запретом проводить общие собрания акционеров»³.

В соответствии с п. 2 вышеуказанного Постановления запрет на проведение собрания акционеров приравнивается к фактическому запрету обществу осуществлять свою деятельность. Такая мера противоречит существу обеспечительных норм, поскольку общество утрачивает способность

¹ См.: Малов А.А., Подольский Ю.Д., Русинова Е.Р. и др. Участие адвоката в цивилистическом процессе: учебное пособие для магистрантов. М., 2020. С. 84-86.

² См.: Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. В. Абсалямов, Д. Б. Абушенко, А. И. Бессонова и др.; под ред. В.В. Яркова. 4-е изд., испр. и перераб. М., 2020. С. 700.

³ См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 9 июля 2003 № 11 «О практике рассмотрения арбитражными судами заявлений о принятии обеспечительных мер, связанных с запретом проводить общие собрания акционеров» // Вестник ВАС РФ. 2003. № 9.

функционировать, не имея возможности принимать решения по фундаментальным вопросам своей деятельности¹.

Таким образом, суд, рассматривая заявление о принятии обеспечительных мер в рамках корпоративного спора, должен соотнести основное требование, отраженное в исковом заявлении, с заявляемыми обеспечительными мерами. Суд обязан учитывать, сможет ли корпорация полноценно осуществлять свою деятельность в случае их введения. Поиск баланса интересов участников корпорации является сложным вопросом для суда, что объясняется многослойностью интересов, сосуществующих внутри одной корпорации.

В этом контексте следует упомянуть точку зрения Е.С. Смагиной, которая справедливо отмечает, что «оценка необходимости принятия обеспечительной меры в каждом деле – непростая задача суда, решение которой невозможно без анализа существующего состояния правоотношения, из которого возник спор (статика), и перспектив его развития, последствий принятия мер (динамика)»². При этом, несмотря на наличие в процессуальном законодательстве специализированных обеспечительных мер для корпоративных споров, судам следует строго соблюдать баланс между избранной мерой и заявленным требованием.

Сущность обеспечительных мер подчеркивалась процессуалистами еще в прошлом веке. Е.А. Нефедьев указывал, что «обеспечение иска – это принятия судом определенных мер до вынесения итогового судебного акта, которые направлены на соблюдение гарантий истца на исполнения такого судебного акта». Поводом для заявления обеспечительных мер в процессе или во время подачи искового заявления является опасение лица относительно возможности в дальнейшем восстановить свои нарушенные права³. В связи с этим уместно утверждение В.В. Яркова о том, что главная особенность обеспечительных мер

¹ См.: Там же.

² См.: Смагина Е.С. Теоретико-практические проблемы участия государства в современном цивилистическом процессе: дис. .. докт. юрид. наук. Саратов, 2022. С. 224.

³ См.: Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. Краснодар, 2005. С. 100.

заключается в гарантированности исполнения судебного акта, что позволяет защитить права и законные интересы от потенциального вреда¹.

Следует согласиться с приведенными позициями, поскольку смысл удовлетворенного в судебном порядке требования теряется, если у ответчика к моменту его вынесения отсутствует необходимая имущественная база, которая могла существовать до начала спора. Вместе с тем заявления о принятии обеспечительных мер должны рассматриваться судом оперативно в силу их срочного характера. Это связано с необходимостью недопущения невосполнимого нарушения прав и законных интересов участников отношений. С другой стороны, такая срочность может спровоцировать затруднения в деятельности корпорации. В корпоративных спорах эта проблема усугубляется из-за большого количества участников корпорации. Иными словами, если ввести обеспечительные меры, ограничивающие корпоративные права одного участника, то практически неизбежно будут затронуты права других участников и самого юридического лица.

Несмотря на прямой законодательный запрет использовать обеспечительные меры для давления на участников и воспрепятствования нормальной деятельности корпорации, тем не менее, возникают случаи, когда податели соответствующих заявлений злоупотребляют своими правами, преследуя цель получения выгоды². Можно привести пример из судебной практики, когда истец по спору о признании решения участника общества с долей в 51% недействительным, подал в суд заявление о принятии обеспечительных мер, в котором он просил запретить уполномоченному органу вносить изменения в Единый государственный реестр юридических лиц. Истец ссылаясь на обстоятельство на то, что позиция еще одного владельца доли в размере 49% не была учтена при вынесении спорного решения. Суды всех инстанций удовлетворили данное заявление, однако ВС РФ, сославшись на

¹ См.: Ярков В.В. Арбитражный процесс: учебник. М., 2017. С. 288.

² См.: Абримов Д.А. Обеспечительные меры по корпоративным спорам: процессуальные особенности и ограничения // Молодой ученый. 2017. №21. С. 277.

нарушение прав участника с долей 51%, отменил соответствующие судебные акты¹.

В настоящее время вопросы принятия обеспечительных мер регулируются АПК РФ и ГПК РФ, суды также руководствуются разъяснениями, содержащимися в Постановлении Пленума ВС РФ от 1 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» (далее – Постановление Пленума от 1 июня 2023 г. № 15).

Пункт 15 Постановления Пленума от 1 июня 2023 г. № 15, указывая на ускоренность мер предварительной защиты, определяет стандарт доказывания обоснованности заявления, отличный от стандарта доказывания обоснованности искового заявления². Необходимость обеспечительных мер обосновывается их соразмерностью, вероятностью причинения значительного ущерба в случае отказа в их введении, нарушением интересов третьих лиц и так далее³. Стоит отметить, что все перечисленные критерии подлежат субъективной оценке судом в каждом конкретном случае. Таким образом, заявителю необходимо полагаться не только на объективные доказательства, но и на правосознание судьи.

Вышеперечисленные критерии встречаются не только в Постановлении Пленума от 1 июня 2023 г. № 15. Так, например, в п. 7 информационного письма Президиума ВАС РФ от 7 июля 2004 № 78 «Обзор практики применения арбитражными судами предварительных обеспечительных мер» говорится, что арбитражный суд при рассмотрении заявления об обеспечении иска должен определить, насколько оно соразмерно правам и законным интересам, которые могут быть нарушены ответчиком. Также судом должны учитываться стоимость имущества или имущественного права и последствия введения обеспечительных

¹ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26 августа 2019 г. по делу № А14-21480/2018 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 15.07.2023).

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 8.

³ См.: Там же.

мер¹. В данном Постановлении также не определено понятие «соразмерность», что связано с его оценочностью.

Некоторые аспекты применения обеспечительных мер в рамках корпоративных споров также указаны в Постановлении Пленума ВАС РФ от 9 июля 2003 г. № 11 «О практике рассмотрения арбитражными судами заявлений о принятии обеспечительных мер, связанных с запретом проводить общие собрания акционеров» (далее – Постановление от 9 июля 2003 г. № 11). Согласно п. 4 данного Постановления, на заявителя возлагается бремя доказывания следующих обстоятельств:

- 1) возможность причинения ущерба вследствие противоправного поведения ответчика;
- 2) значительный размер потенциального ущерба;
- 3) связь обеспечительных мер с предметом спора;
- 4) достаточность предлагаемых обеспечительных мер².

Кроме того, заявитель должен предоставить в материалы дела конкретные доказательства, которые прямо указывают на обстоятельства, предусмотренные перечисленными выше четырьмя пунктами. При обосновании своей позиции заявитель не может ссылаться на предположения, иначе в удовлетворении заявления о принятии обеспечительных мер будет отказано.

Постановление от 9 июля 2003 г. № 11 носит общий характер и не уточняет основной понятийный аппарат. Так, не разъяснено, какими именно критериями должен руководствоваться суд, чтобы определить, насколько ущерб должен быть значительным для истца в случае непринятия обеспечительных мер. Таким образом, значительность ущерба зависит от конкретных обстоятельств дела и от субъективного усмотрения суда.

¹ См.: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 7 июля 2004 г. № 78 «Обзор практики применения арбитражными судами предварительных обеспечительных мер» // Вестник ВАС РФ. 2004. № 8.

² См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 9 июля 2003 г. № 11 «О практике рассмотрения арбитражными судами заявлений о принятии обеспечительных мер, связанных с запретом проводить общие собрания акционеров» // Вестник ВАС РФ. 2003. № 9.

Особенность принятия обеспечительных мер в рамках корпоративных споров заключается в том, что суды могут принимать достаточно широкий перечень мер, предусмотренных как в ст. 91 АПК РФ и 139 ГПК РФ, так в ст. 225.6 АПК РФ.

Таким образом, рассмотрение заявлений о принятии обеспечительных мер осуществляется судом в рамках его дискреционных полномочий.. Суд принимает во внимание не только четкие и конкретные доказательства, указывающие на обоснованность заявленных требований, но также и опирается на свои внутренние убеждения и анализ обстоятельств, указывающих на вероятность нанесения вреда участникам корпоративных отношений. Нельзя однозначно сказать, что такой подход к рассмотрению заявлений обладает исключительно положительными характеристиками. На практике это приводит к отсутствию единообразия и толкования одних и тех же правовых норм, в результате чего образуется разрозненная судебная практика¹. Л.Г. Рутковская, объясняя наличие настоящего подхода к оценке судом обстоятельств, необходимых для принятия обеспечительных мер, указывает на специфичность самого предмета заявления, поскольку суду нужно оценить, прежде всего, вероятность наступления вреда². Вместе с тем, по нашему мнению, это не снимает проблему субъективности оценки при рассмотрении заявлений о принятии обеспечительных мер.

Доктрина и правоприменительная практика позволяют выделить две основные позиции относительно судебного усмотрения при принятии обеспечительных мер или отказе в их принятии в рамках корпоративного спора³. Первая позиция основывается на том, что заявитель должен предоставить в суд ясные и убедительные доказательства «вне разумных сомнений», то есть

¹ См.: Панкратов П.А. Некоторые особенности принятия арбитражным судом обеспечительных мер при рассмотрении корпоративных споров // Право: история, теория, практика: материалы IV Междунар. науч. конф. СПб. 2016. С. 66.

² См.: Рутковская Л.Г. Соразмерность обеспечительных мер заявленным требованиям. URL: <http://ppt.ru/news/135060> (Дата обращения: 22.07.2023).

³ См.: Artemyeva Yu.A., Ivanovskaya N.V., Voykova N.A., Frolova E.E. War to the bitter end or finally a compromise? Prospects for court approval of tax dispute settlements with the participation of entrepreneurs in Russia // Indian Journal of Science and Technology. 2016. 9 (36).

придерживаться повышенного стандарта доказывания. Этот подход к перераспределению бремени доказывания нельзя назвать обоснованным, поскольку на заявителя ложатся все издержки, возникающие при доказывании необходимости принятия обеспечительных мер, в том числе и финансовые.

Вторая позиция, в свою очередь, базируется на пониженном стандарте доказывания, что связано с необходимостью ускоренного рассмотрения заявления о принятии обеспечительных мер. Положительный эффект такого вида обоснования кроется в том, что заявителю для того, чтобы добиться удовлетворения заявления, требуется предоставить минимальное количество доказательств. Однако в случае применения пониженного стандарта доказывания суд должен исходить из определенных предположений (презумпций) о каком-либо обстоятельстве¹, которые могут быть опровергнуты противоположной стороной при помощи применения института замены обеспечительных мер, института обжалования судебных актов, в частности, определений, института встречного обеспечения или института взыскания убытков с заявителя.

Полагаем, что вторая позиция относительно принятия обеспечительных мер представляется более обоснованной, поскольку с одной стороны, участникам спора необходимо соблюсти минимальный стандарт доказывания, тем самым исполнив данную обязанность в рамках законодательства, а с другой – быстрота принятия мер будет способствовать наибольшему удовлетворению заявленных требований.

В целом, складывающаяся российская правоприменительная практика тяготеет скорее ко второй позиции, то есть суды стараются оперативно применять обеспечительные меры. При этом они вправе назначить судебное заседание для рассмотрения вопроса о применении обеспечительных мер в зависимости от сложности спора.

Вместе с тем, на практике встречаются ситуации, когда суды, применяя вышеуказанный подход, могут немотивированно отказать в удовлетворении

¹ См.: Павлова Н.В. Ускоренная судебная защита: предварительные обеспечительные меры в коммерческом процессе. М., 2005. С. 279.

заявления об обеспечительных мерах, что, несомненно, может привести к нарушению прав и законных интересов участников корпоративных отношений. Это обусловлено тем, что суды на свое усмотрение могут потребовать от стороны, заявляющей обеспечительные меры, куда больше доказательств, чем та способна предоставить, или доказательства, которые вовсе не требуются. Причина кроется в отсутствии единообразия судебной практики и разъяснений о том, что необходимо учитывать судам в схожих обстоятельствах. По нашему мнению, формирование единых подходов к рассмотрению одних и тех же вопросов, связанных с применением процессуального законодательства в сфере обеспечительных мер, поможет устранить разрозненность оценки обстоятельств каждого конкретного дела и тем самым улучшить соответствующий правовой институт.

Еще одна проблема заключается в характере намерений участников, обращающихся с заявлениями о принятии обеспечительных мер. На практике встречаются ситуации, когда заявитель обращается в суд с соответствующим требованием не из-за того, что судебный акт может быть не исполнен. Им может двигать мотив умышленного создания препятствий для деятельности корпорации. Такое поведение стороны нельзя назвать добросовестным, поскольку права других участников корпоративных отношений и самого юридического лица нарушаются. Подрывая, таким образом, деятельность корпорации, злоупотребляющий своими правами участник может привести ее к банкротству¹.

Суды в такой ситуации редко определяют истинные мотивы лица, подающего заявление о принятии обеспечительных мер, поскольку отсутствуют

¹ См.: *Раздьяконов Е.С.* Злоупотребление акционерами правом на применение обеспечительных мер: проблемы и пути совершенствования законодательства // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 10. С. 34.

четкие критерии для выявления злоупотребления правом¹. Стороны имеют широкий круг возможностей для того, чтобы ввести суд в заблуждение.

Учитывая сложность корпоративных связей и множественность участников, суд, отказывая в принятии обеспечительных мер, может обосновывать данный отказ необходимостью недопущения нарушения прав и законных интересов других участников корпорации. Такое основание является распространенным в судебной практике при отказе в применении обеспечительных мер, поскольку оно в случае возникновения корпоративного спора помогает избежать добросовестным участникам последствий деятельности злоупотребляющих лиц.

В соответствии с ч. 1.1 ст. 93 АПК РФ заявление о принятии обеспечительных мер рассматривается судьей единолично не позднее следующего дня после дня поступления заявления в суд без извещения сторон. Аналогичный порядок закреплен и в ст. 141 ГПК РФ. Однако в производстве по корпоративным спорам суд может назначить судебное заседание. В соответствии с ч. 7 ст. 225.6 АПК РФ для того, чтобы назначить судебное заседание, необходимы следующие условия:

1. объективная необходимость заслушать объяснения лица;
2. непредставление встречного обеспечения.

Установление данных обстоятельств подтверждает стремление законодателя защитить участников корпоративных отношений от произвола недобросовестных участников.

Подтверждая верность такого стремления, Н.И. Башилов указывает, что все заявления о принятии обеспечительных мер в рамках корпоративных споров должны рассматриваться в судебных заседаниях с вызовом сторон². Вместе с тем мы не можем однозначно согласиться с данным утверждением, поскольку арест

¹ См.: Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2009. С. 10.

² См.: Башилов Н.И. Обеспечительные меры по корпоративным спорам в арбитражном процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 16.

акций или имущества требует максимальной оперативности. Длительное рассмотрение заявления может сделать обеспечительные меры бессмысленными, вынудив заявителя прибегать к более затратным способам защиты¹.

Например, в корпоративных спорах, в которых сторонние лица владеют частью акций или имущества, назначение судебного заседания может сделать обеспечительные меры неэффективными, поскольку акции или доли могут быть многократно перепроданы третьим лицам в процессе рассмотрения дела.

Таким образом, в рамках текущего параграфа сделаны следующие выводы:

А) Цель обеспечительных мер в корпоративном споре — сохранение статус-кво и предотвращение действий, которые могут сделать будущее судебное решение неисполнимым или бессмысленным. Это особенно актуально в корпоративных конфликтах, где предметом спора часто является сам механизм управления, и любое изменение в структуре акций или составе органов может необратимо изменить баланс сил.

В) Вынесение судебного акта о принятии обеспечительных мер или об отказе в их принятии напрямую зависит не только от фактических обстоятельств дела, но и от субъективной оценки судом обоснованности, соразмерности и вероятности причинения значительного ущерба в случае невведения таких мер.

С) При рассмотрении корпоративных споров суд должен исходить из следующих принципов: применение пониженного стандарта доказывания; недопущения злоупотребления участниками корпоративных отношений своими процессуальными правами; обеспечение оперативности в принятии обеспечительных мер.

¹ См.: *Шерстюк В.М.* Производство в арбитражном суде первой инстанции: учебное пособие. М., 2014. С. 105.

3.2. Теоретические и практические вопросы урегулирования корпоративных споров посредством утверждения судом мирового соглашения и корпоративного договора

Современная судебно-правовая политика стремится не только к совершенствованию процедуры рассмотрения споров, но и к развитию альтернативных способов их разрешения¹. При этом зачастую в результате применения таких способов участники судебного разбирательства нередко приходят к заключению мирового соглашения.

Мировое соглашение – это особая сделка, сочетающая материальные и процессуальные элементы². Участники корпоративных отношений в случае заключения мирового соглашения способны создать предпосылки как для своевременного завершения конфликта, так и для продолжения отношений между ними. Эффективность анализируемого способа урегулирования разногласий подтверждается многими учеными. Так, В.Ф. Попондопуло утверждает, что свойства мирового соглашения полезны не только для обычных споров, но и для корпоративных³.

В научной литературе существуют различные подходы к пониманию природы мирового соглашения. Одни исследователи рассматривают его как средство «внесудебного урегулирования частноправовых споров»⁴. Другие отмечают «двойственную правовую природу»⁵ этого института. В некоторых работах мировое соглашение рассматривается как вид процессуального

¹ См.: *Афанасьев С.Ф.* Значение медиации в условиях осуществления судебно-правовой политики // Вестник гражданского процесса. 2012. № 6. С. 42.

² См.: *Шеменева О.Н.* Процессуальные соглашения в гражданском судопроизводстве: понятие, виды, практическое значение разграничения с гражданско-правовыми договорами // Вестник гражданского процесса. 2020. № 4. С. 131–148.

³ См.: *Попондопуло В.Ф.* Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) предпринимателей. СПб., 2001. С. 145–146.

См.: *Карелина С.А.* Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М., 2008. С. 256.

⁴ См.: *Давыденко Д.Л.* Мировое соглашение как средство внесудебного урегулирования частноправовых споров (по праву России и некоторых зарубежных стран): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 12.

⁵ См.: Комментарий к АПК РФ / под ред. М.С. Шакарян. М., 2003. С. 341; *Давыденко Д.Л.* Указ. соч. С. 13.

соглашения, основанного на гражданско-правовой сделке¹. Также следует выделить точку зрения, согласно которой «мировое соглашение есть всегда распоряжение процессуальным правом на судебную защиту»². Р.Е. Гукасян также выделял только процессуальную сторону мирового соглашения, поскольку оно появляется в ходе судебного разбирательства³.

В дореволюционный период ученые, указывая на дуалистичность мирового соглашения, утверждали, что оно представляет собой гражданско-правовую сделку⁴. С.В. Курылев, следуя этой традиции, рассматривал его только как материально-правовое явление, отражающее волю сторон к примирению⁵.

Вышеуказанная позиция представляется автору исследования не совсем обоснованной, поскольку отсутствие процессуальной составляющей не позволяет мировому соглашению выполнять задачу, связанную с разрешением разногласий сторон бесспорным путем. Кроме того, добровольно заключенное сторонами мировое соглашение подлежит проверке судом на предмет соответствия нормам процессуального права. Применение на практике исключительно материально-правового подхода может ослабить данный институт.

По нашему мнению, более полно сущность мирового соглашения освещается именно теми учеными, которые подмечают его дуалистичность, поскольку процессуальный характер изучаемого явления выделяет мировое соглашение среди обычных гражданско-правовых сделок. Сущность мирового соглашения заключается не только в окончании судопроизводства путем

¹ См.: *Князев Д.В.* Мировое соглашение в арбитражном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 5, 8.

² См.: *Ватаманюк В.О.* Мировое соглашение в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2021. С. 17.

³ См.: *Гукасян Р.Е.* Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве: дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 1971. С. 371.

⁴ См.: *Нефедьева Е.А.* Учебник русского гражданского судопроизводства. Краснодар, 2005. С. 335.

См.: *Синайский В.И.* Русское гражданское право. М., 2002. С. 365–366.

⁵ См.: *Курылев С.В.* Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе. М., 1956. С. 157.

примирения, но и в подтверждении допроцессуальных обязательств, их изменении или прекращении.

К дополнительным преимуществам мирового соглашения относится не только завершение спора на основе компромисса и взаимных интересов, но и получение сторонами определенных преференций со стороны государства, в виде возврата половины уплаченной государственной пошлины и гарантий принудительного исполнения достигнутого соглашения при недобросовестном поведении должника¹.

Ключевые характеристики мирового соглашения можно обозначить следующим образом:

1. Стремление сторон продолжить или завершить отношения при использовании правовых средств мирного урегулирования.
2. Согласие участников на разрешение корпоративного спора мирными средствами.
3. Возможность заключения соглашения на любом этапе судебного процесса.
4. Оформление результатов договоренностей не только в виде договора, но и в виде судебного акта по итогам рассмотрения спора.

Эти признаки свойственны для мировых соглашений, заключаемых в рамках корпоративных споров. Вместе с тем особенности корпоративных споров делают процесс достижения основных условий мирового соглашения сложным и многогранным. Корпоративные споры выделяются разнообразием связей между участниками. В рамках настоящего исследования неоднократно отмечалось, что конфликты в сфере корпоративных отношений часто затягиваются, имеют сложный характер и затрагивают различные области права. Участники могут обращаться в разные судебные инстанции и взаимодействовать с государственными органами, что усложняет процесс мирного разрешения

¹ См.: *Захарьяцева И.Ю.* Примирительные процедуры в арбитражном процессуальном законодательстве Российской Федерации: Концептуальные основы и перспективы развития: автореф. дис. .. канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 24.

споров и увеличивает вероятность злоупотреблений, в связи с чем представляется важным выделение особого признака мирового соглашения, заключаемого в рамках корпоративного спора – множественность опосредующих друг друга отношений между участниками корпоративного конфликта.

Поскольку в корпоративных спорах обычно участвует более двух участников, чьи интересы могут быть затронуты, можно выделить еще один дополнительный признак мирового соглашения, заключаемого в рамках корпоративного спора, – множественность его сторон.

По субъектному составу мировые соглашения можно классифицировать следующим образом:

1. Мировые соглашения, заключаемые между корпорацией и органами управления¹;
2. Мировые соглашения, заключаемые между корпорацией и ее участниками²;
3. Мировые соглашения, заключаемые между участниками корпоративных отношений (без непосредственного участия корпорации)³.

Дискуссионным остается вопрос о выделении такого признака мировых соглашений по корпоративным спорам, как комплексность вопросов, подлежащих урегулированию путем мирового соглашения. Действительно, сущность данного признака логически вытекает из первого (множественность отношений), поскольку зачастую возникает необходимость обозначить в мировом соглашении не только сам предмет корпоративного спора, но и другие

¹ См.: Определение Арбитражного суда города Москвы от 20 июня 2024 г. по делу №А40-95826/2023 // Федеральные арбитражные суды. — URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.08.2024).

² См.: Определение Арбитражного суда Краснодарского края от 24 июля 2024 г. по делу №А32-38030/2023 // Федеральные арбитражные суды. — URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.08.2024).

³ См.: Определение Арбитражного суда Псковской области от 29 июля 2024 г. по делу №А52-196/2024 // Федеральные арбитражные суды. — URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.08.2024).

вопросы. В связи с вышеуказанным некоторые исследователи¹ выделяют внесудебные и судебные мировые соглашения.

Абрамов В.Ю. и Абрамов Ю.В. утверждают, что особенность внесудебного мирового соглашения заключается в том, что они могут урегулировать не только общественные отношения, непосредственно касающиеся спора. Оно может носить всеобъемлющий характер, и при этом включать большое количество лиц по многочисленным спорам, в том числе иностранные организации и граждан².

Однако стоит отметить, что процессуальное законодательство далеко не во всех случаях позволяет урегулировать мировым соглашением вопросы, которые не затрагиваются изначально предъявленными требованиями. Имеется существенный риск, что такое соглашение будет признано незаконным, а судебный акт об утверждении мирового соглашения будет отменен судами вышестоящих инстанций. Признак универсальности (комплексности) свойственен скорее для внесудебных мировых соглашений. Если же мировое соглашение утверждается в судебном органе, то комплексным оно не может быть, иначе бы это повлекло нарушение процессуального законодательства. Вместе с тем стороны имеют возможность заключить мировое соглашение в каждом конкретном споре.

Все выделенные признаки обуславливают особенности мирового соглашения, заключаемого в корпоративном споре. Однако в научной среде до сих пор отсутствует доктринальное определение данного явления. В связи с этим имеется необходимость сформировать соответствующую дефиницию.

Заключение мировых соглашений в корпоративных спорах сопровождается рядом сложностей, регулярно обозначаемых в российской правовой практике, о чём справедливо упоминает С.Ю. Учитель. Высок риск

¹ См.: *Савельев С.Л.* Прецедент в России. Унификационный потенциал практики Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ. М., 2020. С. 56.

² См.: *Абрамов В.Ю., Абрамов Ю.В.* Корпоративное право: права и обязанности участников хозяйственных обществ: практическое пособие с судебным комментарием. М., 2021. С. 245.

отказа судом в утверждении мирового соглашения, если оно нарушает права участников корпоративных отношений, третьих лиц или противоречит публичным интересам. Поэтому участникам, изъявляющим желание заключить мировое соглашение, следует исходить из следующих целей:

1. **Сохранение бизнеса и стабильности компании.** Например, если стороны конфликта демонстрируют, что соглашение направлено на предотвращение банкротства, сохранение рабочих мест или продолжение деятельности компании, суд с большей вероятностью поддержит такой компромисс. Или при конфликте акционеров соглашение может предусматривать выкуп доли, что позволяет избежать ликвидации предприятия.

2. **Полное устранения взаимных претензий.** Суды чаще одобряют соглашения, которые окончательно разрешают все спорные вопросы без «скрытых» условий. Например, если стороны согласовали выплату компенсации, перераспределение долей и отказ от дальнейших исков – это снижает риски повторных судебных разбирательств.

3. **Обеспечение интересов третьих лиц.** Ключевым условием является отсутствие нарушений прав кредиторов. Если соглашение не ущемляет права и законные интересы третьих лиц (например, включает уведомление кредиторов о сделке) и соответствует требованиям Закона об АО или Закона об ООО, суд может его утвердить даже в сложных корпоративных конфликтах.

Как отмечают правоприменители, успех мирового соглашения зависит от четкости, прозрачности и исполнимости его условий, а также от активной роли суда в проверке добросовестности сторон. Несмотря на возможные трудности, мировые соглашения являются оптимальным способом завершения конфликтов в сфере корпоративных отношений.

С.Ю. Учитель выделяет категории корпоративных споров, по которым стороны чаще всего могут прийти к заключению мирового соглашения:

- споры, связанные с обязанностью провести внеочередное общее собрание акционеров;

- споры, связанные с действительной стоимостью доли.
- споры, связанные с выкупом акций¹.

Эти споры отличаются сравнительной простотой, поскольку не создают серьезных препятствий для взаимных уступок. Однако при разрешении других категорий корпоративных споров, стороны могут столкнуться с процессуальными ограничениями. Например, законодатель о ввел (Федеральный закон от 18 июля 2019 г. № 191-ФЗ²) особый порядок разрешения споров о защите прав группы лиц (гл. 28.2 АПК РФ)³. В частности, инициатор группового иска не может совершать процессуальные действия, включая заключение мирового соглашения, без согласия всех присоединившихся участников⁴.

В связи со сложностью достижения консенсуса при множественности участников без ущерба для интересов корпорации, в качестве перспективной альтернативы предлагается использование корпоративного договора.

Корпоративный договор как инструмент разрешения споров обеспечивает сбалансированный подход к удовлетворению интересов сторон, позволяя им прогнозировать потенциальные конфликтные ситуации и определить порядок их урегулирования.

В отличие от мирового соглашения, корпоративный договор не обладает процессуальной природой. Он заключается между участниками корпоративных отношений без применения процессуальных норм и может содержать положения, которые обычно отсутствуют в судебном решении. Права и обязанности участников спора при заключении корпоративного договора могут

¹ См.: Сергей Учитель: «Мировые соглашения утверждают только по трем видам корпоративных споров». URL:<https://www.law.ru/news/20419-sergey-uchitel-mirovye-soglasheniya-utverjdayut-tolko-po-trem-vidam-korporativnyh-sporov> (дата обращения: 17.08.2024).

² См.: Федеральный закон от 18 июля 2019 г. № 191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 29, Ч. I, ст. 3858.

³ См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 № 95-ФЗ (с изм. и доп. от 6 апреля 2024, № 74-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3012; 2024. № 53, ст. 8531.

⁴ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июля 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

быть урегулированы более четко и полно в силу отсутствия ограничений формулирования его условий. Это определяет такие его характеристики, как диспозитивность и добровольность. В судебной практике встречаются случаи, когда тексты корпоративных договоров используются судами для вынесения определения об утверждении мирового соглашения. Яркий пример — дело № А55-25911/2014, в рамках которого суд фактически утвердил текст корпоративного договора, заключенного сторонами во время рассмотрения корпоративного спора¹.

Для того, чтобы участникам корпоративных отношений успешно удалось разрешить возникшие между ними разногласия, необходимо прописывать в соглашении такие условия, которые не входят в предмет корпоративного спора. При этом корпоративный конфликт может с течением времени стать комплексным (например, в арбитражном суде рассматривается сразу несколько корпоративных споров в отношении одного и того же юридического лица). Однако далеко не всегда тексты корпоративных договоров могут отвечать установленным процессуальным законодательством требованиям к содержанию мирового соглашения. Даже не смотря на то, что ч. 2 ст. 140 АПК РФ допускается включение в мировое соглашение положений, которые связаны с заявленными требованиями, но не были предметом судебного разбирательства стороны зачастую не имеют возможности разрабатывать эффективный механизм урегулирования разногласий, которые действительно могли бы сберечь юридическое лицо от негативных последствий конфликта участников корпоративных отношений.

В контексте сказанного уместно привести пример из судебной практики. В рамках дела № А56-22138/2014 суд не утвердил мировое соглашение, в котором стороны затронули права и обязанности, вытекающие из договоров, являвшихся предметом других судебных споров. Таким образом, для участников

¹ См.: Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 июля 2015 г. по делу № А55-25911/2014 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.08.2024).

корпоративных споров, которые ведут параллельные корпоративные споры, существуют риски не разрешить разногласия из-за иных дел¹.

Корпоративный спор также не может быть разрешен, если мировое соглашение устанавливает новые права и обязанности, не связанные с предметом судебного разбирательства. Так, в рамках дела № А66-2650/16 на утверждение было представлено мировое соглашение с условием предоставления должником кредитором в залог имущества. Отказывая в удовлетворении соответствующего ходатайства, суд указал, что данные условия не связаны с предметом заявленного требования, при этом фактически спор между сторонами не разрешается, поскольку не исключается возникновение иных судебных разбирательств².

Кроме того, стороны корпоративного спора могут включить в корпоративный договор условия, касающиеся непосредственно лиц, которые, например, могут оказать необходимое содействие в рамках деятельности корпорации. К таким лицам могут относиться, к примеру, поручители, залогодатели, потенциальные участники корпорации и так далее. Однако в рамках процедуры утверждения мирового соглашения они должны быть привлечены в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований, исключительно на основании, указанных в процессуальном законодательстве. В связи с этим соответствующее ходатайство со стороны истца или ответчика должно быть обосновано, что вытекает из смысла ст. 51 АПК РФ. В ином случае суд может отказать в привлечении третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований, что не отвечает интересам сторон спора, желающих заключить мировое соглашение. При этом оценка судом оснований для удовлетворения ходатайства о привлечении такого лица зачастую

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13 ноября 2014 г. по делу № А56-22138/2014 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 01.06.2025).

² См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 7 июня 2017 г. по делу № А66-2650/2016 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 01.06.2025).

является субъективной, а соответствующая правоприменительная практика по соответствующему вопросу может быть противоречивой. Поэтому имеется существенный риск того, что суд откажет в утверждении мирового соглашения, состоящего из текста корпоративного договора, на том основании, что оно может нарушить права и обязанности третьего лица, которое фактически согласилось на условия такого мирового соглашения.

Таким образом, участники корпорации, желающие установить обязанность голосовать определенным образом (включая обязанность голосовать только по определенным вопросам или установление конкретного количества голосов по определенному вопросу), запрет на отчуждение долей (акций) или выход участника из общества, порядок финансирования деятельности юридического лица, с большой долей вероятности не смогут реализовать эти условия через мировое соглашение. В то же время корпоративный договор как более гибкий инструмент позволяет включать любые условия, не ограниченные предметом иска.

При этом стороны корпоративного конфликта могут быть заинтересованы в его разрешении именно в судебном порядке по следующим причинам:

1. Минимизация рисков, связанных с проигрышем в деле;
2. Возможность принудительного исполнения;
3. Создание предпосылок для разрешения иных споров;
4. Активное участие суда;
5. Сохранение за участниками прав участия и управления в корпорации.

Согласно п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» задачей судопроизводства в арбитражных судах является содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, формированию обычаев и этики делового оборота¹.

¹ См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // Вестник экономического правосудия РФ. – № 9. – 2014.

Эта задача решается не только посредством соблюдения основных принципов арбитражного судопроизводства, но и посредством поощрения сторон к урегулированию спора в диспозитивном порядке. Утверждение корпоративного договора судом при разрешении корпоративного спора способствует мирному разрешению конфликтов, возникающих между участниками корпоративных отношений.

В этой связи имеется необходимость формирования на уровне законодательства следующего механизма утверждения корпоративного договора:

1. Разъяснение судом сторонам корпоративного спора права заключить корпоративный договор.
2. Составление участниками корпоративных отношений корпоративного договора и получение согласия каждого из них на изложенные в нем условия.
3. Предоставление одного из экземпляров согласованного всеми участниками корпоративных отношений корпоративного договора суду и при необходимости разрешение вопроса привлечения в дело лиц, права и обязанности которых затрагиваются данным договором.
4. Установление судом факта согласия лиц, не являющихся непосредственными сторонами корпоративного спора, права и обязанности которых затрагиваются корпоративным договором, с условиями данного договора.
5. Утверждение корпоративного договора судом и прекращение производства по делу.
6. Выдача исполнительного листа в случае неисполнения условий утвержденного судом корпоративного договора.
7. При необходимости определение порядка расторжения утвержденного судом корпоративного договора.

С процедурной точки зрения вышеназванный порядок утверждения корпоративного договора проще по сравнению с порядком утверждения мирового соглашения, закрепленным в текущем процессуальном законодательстве.

В случае утверждения корпоративного договора у судов будет отсутствовать обязанность привлекать в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования, права и обязанности которых будут затрагивать их права и обязанности, поскольку имеется необходимость только в установлении факта их согласия за заключение такого договора. Это существенно сократит сроки судебного разбирательства и снизит риски отказа в утверждении такого договора.

Участники корпоративных отношений не будут ограничены требованиями к содержанию и форме корпоративного договора, они получат возможность включить в корпоративный договор те условия, которые могут не касаться предмета рассматриваемого судом корпоративного спора. Так, например, участники получат возможность заключить корпоративный договор, который затрагивает предметы иных судебных споров, разрешаемых в арбитражных судах и судах общей юрисдикции. Надо отметить, что непосредственно мировое соглашение не может включать в себя условие по предмету спора, рассматриваемого в других делах, что является существенным недостатком процедуры его утверждения. Однако при этом корпоративный договор должен разрешать возникший корпоративный спор.

Также стороны корпоративного спора получат возможность включить в корпоративный договора, утверждаемый судом отменительные или отлагательные условия, что недопустимо при утверждении мирового соглашения. На практике заключение такого рода сделок требует согласования серии таких условий, без которых бывает невозможно выстроить корпоративные отношения. Так, в корпоративный договор может быть включено условие о необходимости согласования заключения сделки с участниками корпораций, с

государственными органами или об увеличении уставного капитала для снятия моратория на распределение прибыли корпорации.

Кроме того, у суда не будет необходимости проверять корпоративный договор на предмет нарушения прав и законных интересов лиц, давших согласие на его заключение в судебном заседании или при предоставлении ими отзыва. При рассмотрении вопроса об утверждении корпоративного договора суд будет исходить из презумпции, согласно которой в случае выражения прямого и явного согласия на утверждение корпоративного договора лицо, права и законные интересы которого затрагиваются данным договором, самостоятельно определило объем прав и обязанностей исходя из принципа свободы договора, закрепленного в гражданском законодательстве, и оценило последствия такого согласия. При этом на такое лицо возлагаются риски, связанные с исполнением положений, отраженных в корпоративном договоре.

Стороны корпоративного спора могут рассчитывать на более полное обеспечение принципа свободы договора, поскольку на уровне судебной практики суды по-разному могут относиться к законности включения того или иного условия. Тем самым риски отказа в удовлетворении ходатайств сторон утверждении корпоративного договора являются минимальными.

Дополнительным преимуществом предлагаемого механизма является возможность одной из сторон корпоративного договора в случае нарушения включенных в него обязательств другими сторонами обратиться в суд с заявлением о выдаче исполнительного листа, если условиями корпоративного договора предусмотрена санкция за невыполнение его условий (например, неустойка). Тем самым обеспечивается исполнимость определения об утверждении корпоративного договора с одной стороны, и стимул для добровольного исполнения его условий – с другой.

Закрепление этого порядка на законодательном уровне позволит усовершенствовать специализированную процессуальную форму по

рассмотрению корпоративных споров и адаптирует ее к нормам материального права.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сформулировать следующее определение мирового соглашения по корпоративному спору: это утверждаемое судом соглашение между участниками корпоративных отношений, направленное на продолжение отношений или на их гармоничное завершение.

Мировые соглашения в сфере корпоративных споров можно классифицировать по субъективному критерию, выделяя следующие категории:

1. Соглашения, заключаемые между корпорацией и её управляющими органами;
2. Соглашения, заключаемые между корпорацией и её участниками;
3. Соглашения, заключаемые между участниками корпоративных отношений (без участия самой корпорации).

Процедура заключения мирового соглашения по корпоративному спору осложнена препятствиями, не позволяющими участникам прийти к определенному консенсусу, поскольку имеется высокая вероятность нарушения мировым соглашением прав третьих лиц. Права лиц, присоединившихся к групповому иску, на совершение процессуальных действий, в том числе заключение мирового соглашения, существенно ограничены. Это снижает эффективность соответствующих правовых норм. Поскольку процедура согласования корпоративного договора носит более гибкий характер, по нашему мнению, в рамках арбитражного процессуального законодательства следует сформировать правовой механизм принятия и последующего утверждения судами корпоративного процессуального договора как самостоятельной формы урегулирования корпоративного спора в рамках отправления правосудия.

3.3. Процессуально-правовая эффективность группового и коллективного исков при рассмотрении корпоративных споров

Известно, что корпоративный конфликт потенциально может затронуть интересы как самих корпораций, так и их участников. Это требует поиска более совершенных и релевантных форм законодательного урегулирования вопросов, связанных с защитой прав и законных интересов группы участников корпоративных отношений. В связи с этим в науке нередко поднимается вопрос о роли групповых исков в урегулировании корпоративных споров.

Институт групповых исков получил свое развитие еще в прошлом столетии в законодательстве Соединенных Штатов Америки. Рост количества таких споров был обусловлен усилением борьбы за гражданские права и защиту окружающей среды. Такие иски подавались в основном потребителями, права и интересы которых были нарушены деятельностью крупных корпораций. Для последних судебные разбирательства с использованием института групповых исков приносили серьезные убытки, что нередко приводило к их финансовой несостоятельности и банкротству.

В качестве примера можно привести дело Philip Morris, которое рассматривалось в суде штата Иллинойс в 2003 году. Иск был подан большим количеством потребителей на общую сумму 10,1 миллиард долларов. Истцы обосновывали свои требования тем, что компания вводила в заблуждение потребителей, продавая сигареты с завышенной концентрацией никотина. Представители Philip Morris возражали против исков, ссылаясь на то, что компания в случае удовлетворения иска могла обанкротиться.. В дальнейшем производителям сигарет было запрещено маркировать свои изделия, чтобы не вводить потребителей в заблуждение¹.

Е.Г. Афанасьева отмечает, что судебная практика США за время существования групповых исков сформировала их основные признаки:

¹ См.: Компания Philip Morris признана виновной в мошенничестве в сфере маркетинга. – URL: <https://www.nytimes.com/2003/03/22/us/philip-morris-is-convicted-of-fraud-in-marketing.html> (дата обращения: 03.03.2025).

- 1) множественность исков – свойство, при котором в суд обращается большое количество заявителей;
- 2) общность – свойство, при котором заявители имеют один интерес, трансформирующийся в предмет судебного разбирательства;
- 3) типичность – свойство, которое обозначает одинаковость заявляемых требований;
- 4) адекватность – свойство, которое обозначает обоснованность требований заявителей;
- 5) наличие связи между истцами и ответчиками, то есть правоотношений между ними, из-за которого возник спор¹.

В законодательстве иностранных государств для обозначения таких исков могут использоваться разные термины. Например, в законодательстве Бразилии используется понятие «коллективный иск», что подчеркивает не только то, что соответствующее заявление подается группой лиц, но также и то, что такое заявление имеет коллективный характер, выражающий однородность требований².

Порядок рассмотрения групповых исков в российской юрисдикции в настоящее время закреплён в главе 28.2 АПК РФ и в главе 22.3 ГПК РФ. Законодательство не содержит определения группового иска, однако в юридической науке предложено значительное количество дефиниций.

Так, Г.О. Аболонин даёт следующее определение групповому иску: это заявление, подача которого осуществляется большим количеством лиц, включает в себя материально-правовое требование, как правило, о взыскании денежной суммы, и основывающееся на юридических фактах, подтверждающих законность требований указанных лиц³. В.В. Ярков понимает под групповым

¹ См.: *Афанасьева Е.Г.* Групповые иски в США. (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2016. №2. С. 140.

² См.: *Gidi A.P.* Class Actions in Brazil — A Model for Civil Law Countries // *American Journal of Comparative Law*. 2003. № 2. P. 407.

³ См.: *Аболонин Г.О.* Массовые иски. М., 2011. С. 302.

иском правовой институт, призванный защищать интересы группы лиц, состав которой на момент подачи первого заявления неизвестен¹.

Предложенные Г.О. Аблониным и В.В. Ярковым определения исследуемого понятия являются широкими по своему смысловому содержанию. В то же время существуют и более узкие подходы. Например, в юридической науке имеются дефиниции, введенные П.П. Колесовым, Р.О. Опалевым и С.В. Никитиным. Они понимают под групповым иском разновидность иска, который предъявляется от имени многочисленной группы лиц².

По нашему мнению, наиболее ярко отражает суть группового иска определения, которые были даны Г.О. Аблониным и В.В. Ярковым, поскольку содержание этих определений охватывает все основные элементы группового иска, а не только многочисленность заявителей.

Однако следует обратить внимание на еще одно неотъемлемое свойство группового иска. Д.В. Володарский считает, что особенность группового иска заключается в том, что иск одного субъекта, который принадлежит к группе лиц, призван стимулировать лиц присоединиться к соответствующему заявлению³.

Также целесообразно обозначить различия между групповым иском и процессуальным соучастием, предложенные Б.А. Журбиным. «Во-первых, процессуальная активность стороны истца выражается лишь заявителем иска; во-вторых, многочисленность и персональная изменчивость группы лиц, чьи интересы защищаются; в-третьих, групповой иск можно рассматривать только в аспекте обязательного соучастия, факультативное же соучастие в принципе не сопоставимо с групповым иском, что подчеркивает самостоятельность как

¹См.: *Ярков В.В.* Новые формы исковой защиты права в гражданском процессе (групповые и косвенные иски) // Государство и право. 1999. № 9. С. 35.

²См.: *Колесов П.П.* Групповые иски в США. М., 2004. С. 59.

³См.: *Ярков В., Кудрявцева Е., Малешин Д., Туманов Д., Смола А., Володарский Д., Сутормин Н., Кондрашов И., Бирюков В., Бевзенко Р., Авилкин В., Фаст И., Молчанов А.* Групповые иски в цивилистическом процессе России // Закон. 2019. №8. С. 30.

группового иска, так и соучастия обоих видов; в-четвертых, защита прав всей группы осуществляется от имени заявителя иска»¹.

Как видим, особенностью института группового иска является то, что процессуальными правами и обязанностями фактически обладает непосредственно заявитель. При этом в корпоративных спорах (например, об оспаривании экстраординарной сделки) заявитель одновременно является представителем интересов корпорации и ее членов (в случае, если они согласны с заявленными требованиями или не желают представлять свои интересы самостоятельно). Однако если другой участник корпорации примет решение подать самостоятельное исковое заявление, то неизбежно возникнет вопрос: кто в действительности представляет интересы корпорации? С одной стороны, заявитель группового иска в силу закона представляет интересы юридического лица, но с другой стороны, самостоятельный иск приобретает статус косвенного. Таким образом, возникает правовая неопределенность в отношении процессуального статуса как заявителя группового иска, так и соистца, подавшего самостоятельное требование.

Важно отметить, что некоторые представители российской юридической науки выделяют не только групповой, но и коллективный иск². М.А. Ерохова указывает на различный правовой статус лиц, подавших коллективный иск, и лиц, подавших групповой иск³. А.А. Маковская, указывая на сложности

¹ См.: *Журбин Б.А.* Процессуальные особенности рассмотрения судами дел по групповым и производным искам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С. 9.

² См.: *Рожкова М.А.* Совершенствование порядка рассмотрения дел по спорам, связанным с предпринимательской или иной экономической деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале организаций // *Корпорации и учреждения: Сборник статей.* 2007. С. 301.

См.: *Башлаков-Николаев И.В.* Гражданско-правовая ответственность в сфере защиты конкуренции: система частных и групповых исков // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2013. № 7. С. 81.

См.: *Аболонин Г.О.* Групповые иски в российском арбитражном процессуальном законодательстве — перспективы развития // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2011. № 3. С. 44.

³См.: Выступление М.А. Ероховой на панельной дискуссии «Косвенные и корпоративные иски. Особенности примирения» в рамках Ковалевских чтений (13.02.2020-

применения групповых исков, обращает внимание на то, что Постановление Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 дает противоречивые разъяснения о том, как применять положения нормы ГК РФ о защите прав участников корпоративных отношений, поскольку нельзя однозначно определить какую форму защиты коллективных интересов следует использовать правоприменителям¹.

Описанные дефекты процессуального законодательства обуславливают необходимость более подробного исследования и сравнительного анализа понятий «групповой иск» и «коллективный иск».

Для начала произведем оценку эффективности норм права, закрепленных в гл. 28.2 АПК РФ в контексте рассмотрения корпоративных споров. Обратимся к характеристике рассмотрения корпоративных споров по исковым заявлениям группы лиц:

1. Часть 4 ст. 225.2 АПК РФ обращает наше внимание на то, что групповые иски в корпоративных спорах должны рассматриваться с учетом особенностей, обозначенных в главе 28.1 АПК РФ. Данные особенности, прежде всего, состоят в том, что, во-первых, исковое заявление и приложения к нему должны быть оформлены согласно специальным требованиям; во-вторых, применяются специальные правила об информировании участников корпоративных споров; в-третьих, применяются особые обеспечительные меры в ряде случаев и так далее.

Следует также заметить, что групповые иски подаются, по общему правилу, по адресу регистрации или фактического проживания ответчика. Однако, если возбуждается дело о рассмотрении корпоративного спора, то иски подаются по месту нахождения юридического лица в связи с применением

14.02.2020). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=41xF3wkpvkW> (дата обращения: 06.07.2021).

¹ См.: Косвенные, групповые и коллективные иски по корпоративным спорам. URL: <https://pravo.ru/story/218543/> (дата обращения: 01.06.2025).

правила исключительной подсудности корпоративных споров, а именно ч. 4.1 ст. 38 АПК РФ.

В процессуальном законодательстве в настоящий момент установлено особое правило об уведомлении заинтересованных в разрешении спора лиц о групповом иске. В частности, заявитель в обязательном порядке направляет в адрес заинтересованных лиц предложение о присоединении к требованию о защите прав группы лиц. Кроме того, соответствующее сообщение должно быть опубликовано официально в средствах массовой информации, включая официальный сайт суда, а именно Картотека арбитражных дел или ГАС «Правосудие».

В целях исполнения данной обязанности заявитель вправе подать ходатайство об истребовании сведений о лицах, которые могут быть включены в группу. Таким образом, имеется возможность узнать их адреса для направления предложения.

Д.Ю. Ионова справедливо отмечает, что вышеуказанный порядок извещения лиц о подаче заявления с целью инициировать корпоративный спор является слишком сложным. Поскольку в корпоративном споре речь идет о правах самого юридического лица, его участников и лиц, являющихся коллективным или единоличным исполнительным органом, такой способ является нецелесообразным как с правовой, так и с экономической точек зрения¹. Следует согласиться с предложением Д.Ю. Ионовой извещать участников непосредственно через само юридическое лицо, которое получит исковое заявление.

2. Вторая особенность групповых исков заключается в предусмотренном порядке вступления в дело заинтересованного лица. Можно выделить два пути, определяющих статус такого лица: присоединение к ранее заявленному требованию и самостоятельное вступление в дело на стороне истца. В последнем

¹См.: *Ионова Д.Ю.* Групповые иски в корпоративных спорах: о возможных путях совершенствования законодательного регулирования // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2021 . № 9. С. 76.

случае, как верно указывает Д.Ю. Ионова, «участник юридического лица пользуется процессуальными правами и несет процессуальные обязанности истца. В литературе совершенно справедливо отмечается неудачность рассматриваемой формулировки: в данном случае участник является истцом»¹.

Стоит отметить, что намерение законодателя наделить участников корпоративных отношений правом на самостоятельный процессуальный статус при рассмотрении группового иска является уместным и справедливым, поскольку каждое лицо должно иметь возможность защитить свои собственные интересы всеми разрешенными законом способами². Лишение их такой возможности необоснованно уменьшило бы гарантии процессуально-правовой защиты нарушенных интересов.

3. Еще одним важным признаком групповых исков в корпоративном споре является их целевая направленность. В иностранной научной литературе можно встретить две фундаментально противоположные цели их подачи³. Первая цель заключается в том, что при рассмотрении корпоративного спора иск должен содержать наиболее значимые требования. Сущность второй цели сводится к участию в корпоративном споре наибольшего количества истцов⁴. Первая цель называется целью эффективности, а вторая – целью представительства.

Несмотря на кажущуюся несовместимость, они имеют некую общую направленность. Как цель эффективности, так и цель представительства наделяют групповые иски в корпоративных спорах определенной ценностью для потенциальных истцов. Если стороны в процессе попытаются совместить две

¹ См.: Ионова Д.Ю. Групповые иски в корпоративных спорах: о возможных путях совершенствования законодательного регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021 . № 9. С. 77.

² См.: Ионова Д.Ю. Косвенные иски как способ защиты интересов участников коммерческих корпораций // Российский судья. 2018. № 7. С. 21.

³ См.: Fiss O. The Political Theory of the Class Action // Washington and Lee Law Review. 1996. Vol. 53. № 1. P. 22.

⁴ См.: Fitzpatrick B. An Empirical Look at Compensation in Consumer Class Actions // NYU Journal of Law & Business. 2015. Vol. 7. № 1. P. 770.

цели при подаче соответствующих заявлений, они могут преодолеть противоречия во взглядах на спор и правовых позициях. По мнению некоторых ученых, наиболее оптимальным выходом из трудных ситуаций, возникающих при защите прав и законных интересов участников корпоративных отношений, будет разделение исков не по целевой направленности, а исходя из правовых категорий. Такой подход не только согласовывает все цели участников, но и позволяет взглянуть на групповые иски более широко. Кроме того, следование данному подходу существенно облегчает законодательное регулирование института групповых исков¹.

Каждая из двух целей по-своему влияет на ход судебного процесса, способствуя защите интересов истцов и учету потребностей большинства, и имеет определенную структуру:: так цель эффективности состоит из подцели увеличения размера суммы взыскания и подцели сдерживания противоправного поведения лиц, злоупотребляющих своими правами. В свою очередь, цель представительства включает в себя подцели обеспечения беспрепятственного доступа к праву на судебную защиту и формирования основных принципов законодательного регулирования².

Групповые иски являются средством для экономии времени на проведение судебных процессов. Судья при рассмотрении корпоративного спора имеет возможность не дублировать установленные факты, а также не давать повторно правовую квалификацию сложившихся корпоративных отношений. Благодаря этому судья располагает большим количеством времени для проведения других судебных разбирательств. Таким образом, при рассмотрении групповых исков четко прослеживается принцип судебной экономии, то есть эффективного использования процессуального времени. В контексте групповых корпоративных споров – это возможность для суда рассматривать большое

¹ См.: *Селькова А.А.* Понимание эффективности и представительства как целей группового иска // *Lex Russica*. 2023. № 6(199). С. 99.

² См.: *Fitzpatrick B.* The End of Class Actions? // *Arizona Law Review*. 2015. Vol. 57. № 1. P. 189.

количество исковых заявлений от участников корпоративных отношений, которые связаны общими фактическими и юридическими обстоятельствами. Применение норм о групповых исках в корпоративных спорах в науке и практике вызывает ряд вопросов, которые, как мы полагаем, необходимо разрешить.

1. Во-первых, положение, зафиксированное в ч. 3 ст. 225.2 АПК РФ, в соответствии с которым участник корпоративных отношений, не согласный с требованиями, содержащимися в исковых заявлениях (например, о взыскании с директора убытков, об оспаривании экстраординарных сделок), имеет право выступить в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований со стороны ответчика. В то же время в соответствии с ч. 2 ст. 225.10-2 АПК РФ члены группы лиц, не согласные с предъявленным требованием о защите прав и законных интересов группы лиц, вправе вступить в дело в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора. Первую норму следовало бы признать специальной по отношению к ч. 2 ст. 225.10-2 АПК РФ. Значительная часть ученых высказала негативную оценку данному положению законодательства. Так, Д.А. Туманов отметил, что такой подход к регулированию соответствующих отношений входит в противоречие с нормами ГПК РФ и АПК РФ¹.

Очевидно, что рассмотрение дел на основании групповых исков не всегда может повлиять на правовую связь члена группы с истцом и ответчиком указанным образом. Вряд ли в корпоративных спорах судебный акт о взыскании убытков с органов корпорации сможет влиять на права участника корпоративных отношений, который изначально не был согласен с исковыми требованиями. Это касается и дел о признании крупной сделки или сделки с заинтересованностью недействительной.

¹ См.: Туманов Д.А. Проблемы оспаривания решений собраний по статье 181.4 Гражданского кодекса Российской Федерации: вопросы процессуального права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 7. С. 44.

Особенность групповых исков в корпоративных спорах в данном случае заключается в том, что некоторые участники корпорации, не согласные с исковым заявлением, наоборот, могут быть заинтересованы в том, чтобы сделка не была оспорена в судебном порядке. При этом мотивы таких участников могут быть совершенно различны: одни преследуют противоправный интерес, ввергая корпорацию в убытки через схему распределения имущества между центром прибыли и центром убытков, а другие считают, что совершение сделки или принятие определенного решения необходимо для достижения корпорацией коммерческих целей не во вред как участникам корпоративных правоотношений, так и внешним контрагентам.

В связи с этим логично было бы применить предложение Д.А. Туманова, которое заключается во введении такого понятия как «заинтересованное лицо»¹. В таком случае анализируемая норма не будет противоречить основным положениям АПК РФ и ГПК РФ о третьих лицах.

2. Вторая проблема заключается в том, что в ГПК РФ отсутствуют правила рассмотрения групповых исков в корпоративных спорах.

На фоне имеющихся проблем правоприменения, связанных с инициированием корпоративных споров путем подачи группового иска, возрастает актуальность другой формы коллективной защиты прав участников корпорации – коллективного иска.

Несмотря на то, что коллективный иск выделяется некоторыми учеными в качестве одной из форм коллективных требований, доктринально сформированное определение соответствующего явления отсутствует. Как уже упоминалось ранее, п. 31 Постановление Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 разъясняет, что рассмотрение корпоративных споров со множественностью лиц на стороне истца также производится в порядке, установленном в главе 28.2 АПК РФ. Расширительное толкование данного пункта позволяет прийти к

¹ См.: Ярков В., Кудрявцева Е., Малешин Д., Туманов Д., Смола А., Володарский Д., Сутормин Н., Кондрашов И., Бирюков В., Бевзенко Р., Авилкин В., Фаст И., Молчанов А. Групповые иски в цивилистическом процессе России // Закон. 2019. №8. С. 26.

выводу о том, что корпоративные споры со множественностью лиц на стороне истца могут рассматриваться не только в порядке, установленном в главе 28.2 АПК РФ, но и в рамках стандартного искового производства.

При анализе норм АПК РФ выделены следующие признаки коллективного иска, подающегося в рамках корпоративного спора.

Во-первых, коллективный иск в корпоративном споре, содержит в себе одинаковые материально-правовые требования всех соистцов (предмет иска). При этом наличие одних и тех же оснований не требуется для обращения в суд с коллективными требованиями, поскольку общий интерес подателей иска связан характером их требований. Другими словами, независимо от обстоятельств, на которые ссылаются истцы, они так или иначе заинтересованы в удовлетворении заявленных ими требований (например, признать экстраординарную сделку недействительной или взыскать с бывшего руководителя корпорации убытки).

Во-вторых, соистцы по коллективному иску наделяются теми же правами и обязанностями, что и истец в рамках обычного искового производства, что прямо вытекает из ч. 3 ст. 46 АПК РФ, согласно которой каждый из истцов по отношению к другой стороне выступает в процессе самостоятельно.

В данном случае уместно упомянуть позицию М.А. Гурвича: «иск в материальном праве — это субъективное право требования к другому лицу, осуществляемое в принудительном юрисдикционном порядке; в процессуальном праве иск трансформируется в «процессуальное действие» нуждающегося в судебной защите лица, которое обращено к суду, возбуждает рассмотрение гражданского дела и его разрешение»¹.

Коллективный иск является одновременно правом каждого из участников корпоративных отношений на предъявление требований к ответчику. При этом подача такого иска в контексте совершения процессуального действия обеспечивается обязанностью суда рассмотреть такое требование в случае

¹ См.: *Гурвич М.А.* Право на иск: учебное пособие / М.А. Гурвич; ред. М.С. Шакарян. М.: Изд-во Всесоюзного юрид. заочного ин-та, 1978. С. 7-10/

отсутствия основания для возвращения искового заявления, отказа в его принятии и прекращении производства по возбужденному делу.

Стоит отметить, что несмотря на то, что каждый из истцов, подавших коллективный иск, осуществляет свои процессуальные права и обязанности независимо друг от друга, некоторые процессуальные действия могут повлиять на статус требований соистцов. В частности, это касается увеличения размера исковых требований и отказа от иска.

Например, если истцы подадут исковое заявление о взыскании с директора убытков (при этом заявленная сумма у истцов совпадает), увеличение одним из соистцов размера исковых требований (например, в части взыскания процентов по ст. 395 ГК РФ) не повлечет за собой каких-либо процессуально-правовых последствий для требований истцов в только в той части, которая существовала до удовлетворения ходатайства об уточнении требований. В увеличенной части суд может вынести определение о выделении дела в отдельное производство в порядке ст. 130 АПК РФ и в дальнейшем рассмотреть коллективный иск с измененным составом участников или иск единственного истца в зависимости от конкретной ситуации.

Отказ от иска одним из соистцов в случае, если в деле после его выбытия осталось участвовать как минимум двое других соистцов, не может повлиять ни на статус иска по критерию множественности, ни на процессуальные права и обязанности соистцов. Однако возможны ситуации, когда отказ соистца от иска, если коллективное исковое заявление было подано, например, только двумя заявителями, фактически нивелирует коллективный характер иска.

Отдельного внимания заслуживает осуществление соистцами права на заключение мирового соглашения. Поскольку корпоративный спор затрагивает интересы как корпорации, так и ее участников, волеизъявление на заключение мирового соглашения должно быть единогласным. В противном случае суд отказывает в утверждении мирового соглашения и продолжает рассмотрение дела по существу. Более того, характер самих требований в корпоративном

споре, как правило, не позволяет заключить мировое соглашение с отдельными соистцами. Представляется нелогичной ситуация, когда в споре о признании экстраординарной сделки недействительной или взыскании с руководителя корпорации убытков ответчик достигает соглашения только с некоторыми из участников, в то время как другие намерены продолжать судебное разбирательство.

В-третьих, требование в корпоративном споре может стать коллективным на любой стадии процесса до вынесения итогового судебного акта.

На практике можно наблюдать следующие формы коллективного иска:

1. Коллективный иск, изначально поданный несколькими соистцами¹.
2. Коллективный иск, образовавшийся в результате объединения требований в одно производство².
3. Коллективный иск, образовавшийся в результате удовлетворения ходатайства лица о привлечении его в качестве соистца³.

В контексте сказанного важно заметить, что основой для коллективного иска является ст. 46 АПК РФ, устанавливающая институт процессуального соучастия. Вместе с тем, цель коллективного иска, в отличие от стандартного процессуального соучастия, заключается в защите и восстановлении прав и законных интересов корпорации, а не каждого участника корпоративных отношений в отдельности.

¹См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 7 ноября 2024 г. по делу № А40-18397/2023 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 26.02.2025).

См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 3 сентября 2024 г. по делу № А40-282768/2023 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 26.02.2025).

²См.: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 23 июня 2023 г. по делу № А04-6175/2020 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 26.02.2025).

См.: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 23 июля 2024 г. по делу № А04-10075/2023 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 26.02.2025).

³См.: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 22 марта 2022 г. по делу № А57-17849/2021 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 26.02.2025).

Множественность лиц на стороне истца в корпоративном споре может возникнуть как на стадии непосредственной подачи иска, так и ходе судебного процесса по корпоративному спору, что делает коллективный иск более гибким процессуальным средством защиты по сравнению с групповым иском.

В-четвертых, участники корпоративных отношений, подавая коллективные иски, стремятся обеспечить защиту прав и законных интересов как самой корпорации, так и своих собственных. Отсюда статус процессуального и материального истца в рамках рассмотрения корпоративного спора может не совпадать.

Известно, что на законодательном уровне закреплён институт косвенных (производных) исков. Так, согласно ч. 1 ст. 225.8 АПК РФ в случаях, предусмотренных федеральным законом, участники юридического лица вправе обратиться в арбитражный суд с иском о возмещении убытков, причиненных этому юридическому лицу.

Назначение косвенных исков заключается в том, чтобы участники корпоративных отношений имели возможность обращаться в суд с требованиями в защиту прав и законных интересов корпорации. При этом они приобретают статус процессуального истца, а сама корпорация – материального истца. На данный момент известно всего несколько категорий корпоративных споров, в котором участники корпоративных отношений могут заявлять косвенный иск:

- 1) Корпоративный спор по иску о взыскании с исполнительного органа убытков за причиненный ей вред;
- 2) Корпоративный спор по иску о признании недействительной крупной сделки и сделки с заинтересованностью, совершенной корпорацией.

Вышеуказанные иски будут являться примером тех коллективных исков, подающихся с целью защиты прав и законных интересов корпорации.

К коллективным искам, направленным на защиту прав и законных интересов самих участников, будет относиться иск о признании

недействительными решения собрания участников (акционеров). Не смотря на то, что предметом спора является решение корпорации, затрагивающее всех участников, данный иск не будет признаваться косвенным, поскольку он подается участником от своего имени с целью защиты собственных прав и законных интересов¹.

При всем вышесказанном необходимо выделить существенное отличие коллективных исков от групповых, кроющееся в наличии у лиц материального и процессуального интереса. В связи с этим следует обратиться к понятию процессуального истца. В данном контексте считаем целесообразным отметить, что современна правовая доктрина придерживается подхода, согласно которому «субъект, возбудивший гражданское дело в «чужих» интересах, «безусловно является истцом, но поскольку это лицо не участвует в спорном материальном правоотношении, то оно является истцом в исключительно процессуальном смысле»².

Содержание вышесказанного вряд ли можно соотнести с закрепленным за лицом, которому поручено ведение корпоративного спора в интересах группы лиц, поскольку оно является членом данной групп. При этом права и законные интерес такого лица также могут быть нарушены ответчиком. Следовательно, оно обладает как материальным, так и процессуальным интересом в разрешении корпоративного спора. Остальные члены такой группы имеют только материальный интерес в деле.

В то же время понятие процессуального истца можно применить по отношению к каждому из заявителей в рамках спора по рассмотрению коллективного иска, поскольку у них имеется и материальный, и процессуальный интерес.

¹ См.: *Кузнецов А.А.* Оспаривание решений общих собраний участников (акционеров) // Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20-летию Закона об ООО. 2020. С. 255.

² См.: *Самсонов Н.В.* К вопросу о праве процессуального истца на возмещение судебных расходов // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 260.

Итак, вышеописанные признаки позволяют сформулировать следующее доктринальное определение коллективного иска по корпоративному спору: комплекс тождественных требований участников корпоративных отношений, направленных на защиту интересов корпорации, которые предъявляются соистцами с целью понудить ответчика исполнить обязательства перед корпорацией.

Анализ характеристик группового иска, рассмотренных в данном параграфе, позволяет заключить, что его сущность заключается в представлении интересов всех участников одним лицом, наделенным полным объемом процессуальных прав заявителя. Основная проблема низкой привлекательности группового иска связана не столько с рассмотренными в рамках данного параграфа препятствиями, с которыми сталкиваются участники спора, сколько с самим правовым механизмом регулирования корпоративных споров с участием группы лиц. В связи с этим институт группового иска в его современном виде следует признать неэффективным. Вместе с тем участники корпоративных правоотношений для защиты своих интересов могут воспользоваться коллективным иском, который отличается большей процессуальной гибкостью и обеспечивает соблюдение принципов равноправия сторон и состязательности.

ГЛАВА 4. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАССМОТРЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ В СУДЕ

4.1. Особенности доказывания при рассмотрении корпоративных споров по признанию недействительными экстраординарных сделок

Корпорации, в особенности хозяйственные общества, правомочны вступать в гражданско-правовые отношения с физическими и юридическими лицами. Они могут заключать сделки, направленные на как извлечение прибыли, так и экстраординарные сделки, порядок совершения которых регулируется специальными нормами гражданского законодательства.

Экстраординарная сделка не является обычным актом юридического лица, совершаемым в условиях обычной предпринимательской деятельности, поскольку связана с отчуждением значительного объема активов, что порождает различные экономические и правовые риски. В современном российском законодательстве понятие экстраординарной сделки отсутствует, однако часто используется в юридической науке, где приобрело различные варианты дефиниций. Так, И.С. Шиткина определяет ее как сделку, выходящую за пределы обычной хозяйственной деятельности корпорации, и требующую в связи с этим дополнительных правовых гарантий для участников данной корпорации и обладающую особым правовым регулированием¹.

Стоит отметить, что по причине особого правового статуса данных сделок некоторые ученые классифицируют экстраординарные сделки на определенные виды. Так, В.В. Долинской выделены следующие сделки между акционерными обществами:

- 1) крупные сделки, при совершении которых имеется заинтересованность;
- 2) сделки, направленные на приобретение и выкуп акций общества;

¹ См.: Шиткин И.С. Корпоративное право: учебник. М., 2019. С. 500.

3) сделки с использованием инсайдерской информации¹.

В.В. Долинская предложила унифицировать все экстраординарные сделки, совершаемые юридическими лицами всех организационно-правовых форм, и понимать под ними сделки, которые не относятся к обычной хозяйственной деятельности корпорации и выходят за пределы обычной систематической деятельности, предусмотренной учредительными документами, и характеризуются специальным субъектным составом, предметом, процедурой заключения и исполнения, а также последствиями несоблюдения требований к данной сделке².

А.В. Габов, не используя термина «экстраординарные сделки», предлагает собственную классификацию, разделяя сделки, требующие особого порядка заключения, на следующие виды:

- 1) крупная сделка;
- 2) сделка, на которую по уставу корпорации распространяется порядок одобрения, установленный для крупной сделки;
- 3) сделка с конфликтом интересов (сделка с заинтересованным лицом);
- 4) сделка, совершаемая корпорацией, в отношении которой введена процедура банкротства, требующая согласия арбитражного управляющего или собрания кредиторов;
- 5) сделка, совершаемая после получения корпорацией, в частности акционерным обществом, добровольного или обязательного предложения в порядке гл. 12 Закона об акционерных обществах;
- 6) сделка по приобретению акционерным обществом собственных акций;
- 7) сделка, совершаемая в период реорганизации корпорации;

¹ См.: Долинская В.В. Акционерное право: основные положения и тенденции: монография. М., 2006. С. 536.

См.: Долинская В.В. Акционерное право: проблемы и перспективы развития // Актуальные проблемы международного частного и гражданского права. К 80-летию В. А. Кабатова: сборник статей. 2006. С. 69.

² См.: Там же. С. 536.

8) крупная сделка или сделка с заинтересованностью, подлежащая заключению в акционерном обществе в случае, когда представители государства обладают правом вето, предусмотренном ст. 38 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества»¹.

Как видим, корпоративное законодательство регулирует особый вид сделок, непосредственное участие в которых принимают члены корпорации и ее органы управления. Экстраординарная сделка всегда связана с реализацией участниками корпоративных отношений прав участия и управления корпорацией. В связи с этим, по нашему мнению, одним из основных критериев разграничений экстраординарных сделок и сделок, совершаемых в обычной хозяйственной деятельности, является природа отношений, порождаемых сделками.

Наиболее распространенными видами экстраординарных сделок являются крупная сделка и сделка с заинтересованностью.

Разногласия относительно заключения корпорацией крупной сделки возникают тогда, когда одним из участников не устраивает распоряжение крупными активами корпорации другими участниками. Корпоративный спор о признании крупной сделки недействительной, как правило, является следствием длящегося корпоративного конфликта.

Споры о признании крупной сделки недействительной могут быть вызваны различными факторами, включая:

1. Нарушение корпоративных процедур (например, отсутствие одобрения советом директоров или общим собранием акционеров).
2. Конфликт интересов (участие в сделке лиц, имеющих личную заинтересованность).

¹См.: *Габов А.В.* Проблемы и перспективы правового регулирования сделок акционерного общества, требующих особого порядка их совершения // *Цивилист.* 2007. № 1. С. 46.

3. Необоснованная выгода одной из сторон сделки за счет других участников корпорации.

4. Недостаточная информированность участников о сути сделки или ее последствиях.

В правоприменительной практике возникли проблемы, связанные с доказыванием обстоятельств, необходимых для признания крупной сделки недействительной. Судебная арбитражная практика демонстрирует, что участникам корпоративных отношений не всегда удается успешно оспаривать их. В частности, суды не склонны удовлетворять иски истцов. Отказы обосновываются тем, что заявитель не смог доказать факт выхода сделки за рамки обычной хозяйственной деятельности. На наш взгляд, основная проблема заключается в том, что суды, нарушая ч. 1 ст. 65 АПК РФ, неправильно распределяют бремя доказывания между сторонами корпоративного спора, в результате чего не совсем корректно применяется процессуальное законодательство при рассмотрении дел.

Порядок заключения, расторжения и оспаривания крупной сделки регулируется гражданским законодательством, в систему которого входит и законодательство о юридических лицах. Речь идет о Законе об АО¹ и Законе об ООО². Именно эти нормативно-правовые акты определяют понятие крупной сделки. Так, согласно обозначенным в них правилам под крупной сделкой следует понимать одну или несколько взаимосвязанных сделок, которые выходят за пределы обычной хозяйственной деятельности.

Законодательство закрепляет два ключевых критерия крупной сделки: качественный и количественный³. Качественный критерий предполагает выход

¹ См.: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (с изм. и доп. от 25 декабря 2023 г., № 631-ФЗ) «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 1; 2024. № 49, ст. 7437.

² См.: Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (с изм. и доп. от 13 июня 2023 г., № 249-ФЗ) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7, ст. 785; 2024. № 33, ст. 4983.

³ См.: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 343-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с

сделки за пределы обычной хозяйственной деятельности, а количественный отражает ее стоимостные пределы (более 25% балансовой стоимости активов корпорации на последнюю отчетную дату, указанную в бухгалтерском балансе).

Законодателем не случайно были введены именно эти критерии, поскольку они говорят о большой значимости сделки для юридического лица. Если между контрагентами была совершена сделка, составляющая 25% от всей стоимости активов, то, предполагается, что сделка совершена на особых условиях, выходящих за пределы ее деятельности. Если обычная сделка вряд ли комплексно повлияет на деятельность общества, то крупная сделка способствует существенному увеличению или уменьшению активов. Поэтому законодатель в силу значимости таких сделок ввел особый порядок ее одобрения участниками корпоративных отношений. Вместе с тем качественный и количественный критерий крупной сделки должны быть доказаны истцом при ее оспаривании. В противном случае суд отказывает в удовлетворении соответствующего заявления.

Гражданское законодательство и разъяснения высших судов установили для истцов следующие критерии, свидетельствующие о недействительности крупных сделок:

- 1) стоимость передаваемых активов превышает 25% от балансовой стоимости всех активов на последнюю отчетную дату;
- 2) сделка выходит за рамки обычной хозяйственной деятельности;
- 3) нарушен установленный российским законодательством порядок одобрения крупной сделки;
- 4) контрагент нал или должен был знать о том, что сделка является крупной¹.

ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // СЗ РФ. 2016. № 27, Ч. II, ст. 4276.

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 8.

Данные положения содержатся, в частности, в Постановлении Пленума ВС РФ от 26 июня 2018 г. № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность»¹ (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 27 от 26 июня 2018 г.). Этим Постановлением разъясняется порядок оспаривания крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность в хозяйственных обществах, а также критерии признания их таковыми.

Некоторые исследователи отмечают, что Постановление Пленума ВС РФ № 27 от 26 июня 2018 г. имеет недостатки. Так, Д.И. Степанов указывает на явные противоречия между федеральным законодательством и положениями постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 27 от 26 июня 2018 года, обозначая объективные препятствия для реализации своих прав и законных интересов миноритарными владельцами акций или долей корпорации. Он акцентирует внимание на том, что гражданское законодательство не содержит презумпций, обязывающих истцов доказывать обстоятельства недействительности крупных сделок².

Д.И. Степанов также отмечает, что миноритарные акционеры, как наиболее уязвимые участники корпоративных правоотношений, подвержены злоупотреблениям со стороны мажоритарных акционеров, поскольку зачастую не имеют доступа к корпоративной бухгалтерской и иной документации. В результате миноритарные акционеры фактически лишены возможности доказать нарушения при совершении крупной сделки ввиду ограниченных возможностей предоставления доказательств³.

Вопрос о бремени доказывания в корпоративных спорах активно обсуждается практикующими юристами. Как отметил Р.В. Речкин, возложение бремени доказывания на истца может привести к несправедливым решениям,

¹ См.: Там же.

² См.: *Степанов Д.И., Михальчук Ю.С.* Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. М.: Статут, 2018. С. 26.

³ См.: *Степанов Д.И., Михальчук Ю.С.* Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. М.: Статут, 2018. С. 27.

особенно в случае с миноритарными акционерами, которые часто не имеют доступа к необходимой информации о внутренней деятельности компании. Это может затруднить защиту их прав и законных интересов¹. В связи с этим следует создать такие механизмы, которые позволяли бы миноритариям получать беспрепятственный доступ к информации, необходимой для защиты своих прав. Это может включать в себя более прозрачные процедуры раскрытия информации и возможность обращения в суд для получения необходимых данных. Таким образом, по мнению Р.В. Речкина, можно было бы создать более справедливую и сбалансированную систему, способствующую защите интересов всех акционеров².

Несмотря на вышеуказанную проблему, Постановление Пленума ВС РФ № 27 от 26 июня 2018 г. не стало объектом широкой критики со стороны юридического сообщества. Многие ученые и практикующие юристы полагают, что его положения помогают решать многие проблемы, чем обеспечит стабильность отношений, складывающихся в рамках корпорации³.

На наш взгляд, возложение бремени доказывания на истца имеет свои положительные аспекты. Механизмы, содержащиеся в российском законодательстве и разъяснениях ВС РФ, направлены в первую очередь на стабилизацию структуры отношений корпорации. Для того, чтобы юридическое лицо могло более эффективно функционировать, необходимы соответствующие предпосылки. Рассматриваемый подход к распределению бремени доказывания обеспечивает стабильность решений, которые были одобрены большинством голосов в корпорации.

Однако, с другой стороны, очевидны риски нарушения процессуальных прав более уязвимых категорий участников корпоративных отношений. Как уже

¹ См.: ВС: Бремя доказывания совершения крупной сделки при ее оспаривании лежит на истце. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-bremya-dokazyvaniya-soversheniya-krupnoy-sdelki-pri-ee-osparivanii-lezhit-na-isttse/> (дата обращения: 31.08.2023).

² См.: Там же.

³ См.: Нет единого подхода. О противоречивой практике применения Постановления Пленума ВС РФ о крупных сделках и сделках с заинтересованностью. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/net-edinogo-podkhoda/> (дата обращения: 01.06.2025).

отмечалось выше, арбитражные суды в большей степени отказывают в удовлетворении исковых заявлений о признании крупных сделок недействительными. Этому способствуют особенности механизма доказывания в данной категории споров.

Первая причина заключается в том, что участники корпоративных отношений зачастую лишены доступа к доказательственной базе, находящейся в распоряжении корпорации. Речь идет о таких доказательствах, как расшифровка бухгалтерской отчетности, оборотно-сальдовые ведомости, различные договоры, банковские документы, документы, подтверждающие право собственности на объекты движимого и недвижимого имущества и так далее. Эти доказательства необходимы не только для формирования истцом обоснованной правовой позиции относительно заявляемых им требований, но и для составления различного рода финансовых заключений или заявления ходатайства об экспертизе. Только полный доступ к документации корпорации может гарантировать истцу право на судебную защиту.

Вторая причина состоит в том, что суды нередко оценивают доказательства формально, не вникая в предмет корпоративных отношений, что противоречит принципам судебного разбирательства. Так, в судебной практике встречаются случаи, когда арбитражные суды уклоняются от содействия истцу в получении необходимых доказательств. Так, в деле № А07-37105/2021 участники корпорации обратились в суд с иском о признании договора аренды техники недействительной сделкой, поскольку были обнаружены признаки оспоримой крупной сделки.

Истцы с целью получения дополнительных доказательств просили суд истребовать материалы уголовного дела, поскольку там содержалась информация о нерыночном характере спорной сделки. Суд отказал в

удовлетворении ходатайства, посчитав, что имевшихся на тот момент материалов дела достаточно для разрешения дела¹.

Такое решение суда привело к тому, что сторона не смогла реализовать свое право на получение доказательств посредством содействия в этом судебного органа. Кроме того, сделка корпорации соответствовала видам деятельности, указанными в ее уставе и выписке из ЕГРЮЛ. В данном случае можно прийти к выводу о том, что дело судом было рассмотрено поверхностно, без истребования иных доказательств, которые могли существенно повлиять на результаты рассмотрения спора. Однако, очевидно, что само по себе видимое соответствие сделки экономической деятельности общества не может свидетельствовать об отсутствии качественного критерия крупной сделки, и тем более о ее рыночности.

На наш взгляд, для определения крупности сделки судам необходимо рассматривать максимально широкий круг прямых и косвенных доказательств.

При оценке выхода сделки за пределы обычной хозяйственной деятельности, суд может учитывать:

- анализ аналогичных сделок;
- влияние сделки на прибыль и деятельность общества;
- возможность раскрытия данных о сделке исполнительным органом;
- потенциальное влияние на будущее развитие общества;
- ведение бухгалтерской отчетности после сделки;
- другие хозяйственные операции после сделки.

Несмотря на то, что для разрешения подобной категории споров требуется всесторонний правовой анализ ситуации и связанных с ней обстоятельств, на практике истец далеко не всегда получает доступ к необходимым документам, что ведет к невозможности обосновать исковые требования и к отсутствию четкой стратегии ведения дела, что, как следствие, ведет к отказу в

¹ См.: Решение Арбитражного суда Республик Башкортостан от 11 мая 2022 г. по делу № А07-37105/2021 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

удовлетворении исковых требований. Таким образом, нарушаются права участников спора и положения ст. 65 АПК РФ.

Важной тенденцией является постепенный отход судов от количественного критерия и совершенствование качественного критерия при рассмотрении споров о признании крупной сделки недействительной. В данном аспекте важной становится оценка судом обстоятельств дела с учетом не только правовых норм, но и смысла совершения сделки. В Определении СКЭС ВС РФ от 06.09.2024 № 308-ЭС24-3124 по делу № А53-16963/2022 судебная коллегия при рассмотрении иска иностранной компании «Осита Инвестментс Лимитед» о признании сделки по внесению недвижимого имущества в уставной капитал ООО «Дон-Моторс плюс» недействительной пришла к важному выводу: при оценке крупности сделки суд должен проанализировать обстоятельства того, привело ли совершение спорной сделки к невозможности осуществления обществом экономической деятельности или к изменению данных видов деятельности¹. Тем самым судебная коллегия устанавливает приоритетность качественного критерия по отношению к количественному.

Еще одним критерием, который иногда используется арбитражными судами при рассмотрении исков о признании недействительной крупной сделки, является ущерб, нанесенный корпорации². При анализе законодательной базы и судебной практики по корпоративным спорам мы обнаружили, что стороны зачастую не стремятся доказывать ущерб от крупной сделки, который, возможно, был причинен обществу. На данный момент современная судебная практика идет по пути отказа от обязательного доказывания данного обстоятельства. Так, ВС РФ в Определении № 302-ЭС21-2989 от 6 июля 2021 г., указал, что для признания крупной сделки недействительной не требуется

¹ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06 сентября 2024 г. по делу № А53-16963/2022// Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 31.03.2025).

² См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22 сентября 2022 г. по делу № А70-11443/2021 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

доказывать наличие ущерба, достаточно того, что сделка является крупной, не была одобрена и контрагент знал или должен был знать об этом¹.

Действительно, количественный критерий не всегда отражает объем потенциального ущерба корпорации. Более того, было бы ошибочно полагаться на данные бухгалтерской отчетности при доказывании наличия данного критерия, поскольку числовые показатели носят динамичный характер. Стоимость основных активов корпорации может снижаться со временем в связи с начислением амортизации, при этом их рыночная стоимость может сохраняться или возрастать.

Отчуждение таких активов может привести к проблемам даже в том случае, если корпорация помимо них имеет имущество, обладающее большой ликвидностью и которое можно использовать в ближайшее время, таким имуществом могут быть денежные средства. Однако в дальнейшем корпорации потом нечем будет расплачиваться со своими кредиторами, что может привести к ее банкротству. Считаем, что качественный критерий должен продолжать свое развитие, становясь более гибким на правоприменительном уровне.

В свою очередь, игнорирование обстоятельств ущерба, которые могут сыграть ключевую роль для оспаривания крупной сделки, способно привести не только к неправильному применению норм и оценке обстоятельства арбитражными судами, но и к нарушению ст. 65 АПК РФ. Напротив, принятие судом во внимание таких обстоятельств усилит тенденцию приоритетности качественного критерия при рассмотрении соответствующих споров.

На наш взгляд, снизить остроту проблемы доказывания при оспаривании крупной сделки может введение презумпции причинения ущерба корпорации данной сделкой, в соответствии с которой бремя опровержения данного обстоятельства возлагалось бы на ответчика. Такая презумпция способствовала бы более полному рассмотрению споров, поскольку мотивировала бы ответчика

¹ См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 июля 2021 г. по делу № А74-9516/2019 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 15.12.2023).

(контрагента по оспариваемой крупной сделке) предоставлять необходимую документацию. При этом в данном случае истцу необходимо доказать факт того, что при совершении данной сделки корпорации были причинены убытки или существует возможность их возникновения в связи ее совершением. К таким фактам могут относиться, например, безвозмездность крупной сделки или ее заключение на нерыночных условиях.

Перейдем к особенностям рассмотрения сделок с заинтересованностью. Для начала необходимо выяснить природу понятия «заинтересованность». Данное понятие отражает правовой статус лиц, которые уполномочены или обязаны совершать определенные юридические действия.

Рассматриваемый термин несмотря на его частое применение не имеет своей легальной дефиниции. Законодатель ограничивается перечислением формальных признаков заинтересованности. Такой подход к отражению сущности правовой категории, особенно в сфере корпоративных споров является, по нашему мнению, неверным. Эту точку зрения разделяют исследователи. Так, А.Ю. Романов утверждает, что отсутствие четкого определения заинтересованности вредит правовому регулированию¹.

Понятие «заинтересованность» происходит от базового понятия «интерес», сущность которого является предметом многочисленных научных дискуссий².

Экономисты определяют интерес как совокупность отношений, возникающих между субъектами, активно осуществляющими экономическую деятельность, направленную на производство товаров и оказание услуг³. При

¹ См.: Романов А.Ю. Заинтересованность как правовая категория // Вестник финансового университета. 2016. № 1. С. 166.

² См.: Ручкина Г.Ф. К вопросу о правовом регулировании отношений по формированию и использованию фондов денежных средств субъектами крупного предпринимательства // Финансовое право. 2011. № 7. С. 2.

³ См.: Палкин Ю.И., Пахомов Ю.Н. Интересы в системе экономических отношений социализма. Киев, 1974. С. 45.

этом их деятельность направлена на удовлетворение потребностей, под которыми понимается не психологическое, а материальное явление¹.

В правовых науках категория интереса также упоминается, однако единой трактовки нет. С.В. Михайлов воспринимает интерес как общенаучное явление, обозначающее наличие у субъектов экономической деятельности определенных потребностей, которые, в той или иной степени, ими осознаются и удовлетворяются². Аналогичного подхода к понятию «интерес» придерживается В.П. Грибанов³, он также отмечает, что выгода не относится к интересу, поскольку под последним понимается потребность, которую, безусловно, надо удовлетворить. Сама потребность может выражаться в различных формах, образующих поведение и целенаправленную деятельность людей. В.П. Грибанов убежден, что категория интереса, неоднократно упомянутая в гражданском законодательстве, подразумевает именно потребности субъектов правоотношений⁴.

Таким образом, В.П. Грибанов фактически отождествляет категории «потребность» и «интерес». Их отождествление друг с другом является не вполне корректным. А.Ю. Романов отмечает, что понятие «потребность» появилось вне правовой науки, и, следовательно, правовой категорией не является. При этом потребность сама по себе еще не означает наличие определенного интереса. Интерес появляется только тогда, когда появляется правовая оценка той или иной потребности, когда потребность оформляется в субъективное право. Потребность, которая не нашла закрепления в нормативно-правовых актах не может являться интересом, поскольку она не получила надлежащей правовой оценки⁵.

¹ См.: *Кронрод Я.А.* Законы политической экономики социализма. Очерки методологии и теории. М., 1966. С. 545–546.

² См.: *Михайлов С.В.* Интерес как общенаучная категория и ее отражение в науке гражданского права // *Государство и право.* 1999. № 7. С. 88.

³ См.: *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 239.

⁴ См.: Там же. С. 239.

⁵ См.: *Романов А.Ю.* К вопросу о понятии интереса (правовой аспект) // *Вопросы экономики и права.* 2013. № 11. С. 20.

Вышесказанное, несмотря на различие анализируемых категорий, указывает на их тесную взаимосвязь, поскольку потребность через действие субъекта может трансформироваться в интерес. Одновременно по этой причине данные категории нельзя отождествлять.

Само по себе существование потребности еще не говорит о том, что субъект обладает заинтересованностью. Главное отличие потребности от заинтересованности состоит в том, что субъект совершает определенные действия в рамках правового поля.

Как уже отмечалось, российское законодательство не содержит определения заинтересованности. Однако при регулировании порядка совершения сделок, в отношении которых имеется заинтересованность, указанный термин неоднократно используется, к примеру, в ст. 81 Закона об АО. В ней законодатель, пытаясь определить понятие заинтересованности, перечисляет факторы, при которых сделка будет считаться совершенной с заинтересованностью. При этом соответствующие нормативные положения предоставляют возможность акционерам вносить в устав дополнительные признаки заинтересованности. На такие сделки будет распространяться специальный правовой статус, обозначенный в ст. 82–84 Закона об АО¹.

Правовое регулирование сделок с заинтересованностью осуществляется гражданским законодательством, в частности, ГК РФ, Законом об АО и Законом об ООО. Для оспаривания такой сделки в судебном порядке необходимо доказать:

- 1) заинтересованность контрагента по сделке, которая определяется по п. 1 ст. 81 Закона об АО или по п.1 ст. 45 Закона об ООО;
- 2) другая сторона сделки знала или заведомо должна была знать о том, что сделка являлась для общества сделкой с заинтересованностью и (или) об отсутствии согласия на ее совершение;

¹ См.: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (с изм. и доп. от 25 декабря 2023 г., № 631-ФЗ) «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 1; 2024. № 49, ст. 7437.

3) наличие ущерба для корпорации.

Одной из главных проблем при оспаривании сделок с заинтересованностью является доказывание того, что другая сторона знала или должна была знать о наличии заинтересованности в отношении спорной сделки. На практике бывает сложно подтвердить наличие соответствующих связей, поскольку они могут быть неочевидны. Например, истцы могут не знать о родственных связях участников сделки, поскольку фактически они не находятся в брачных отношениях и вместе не проживают.

В судебной практике имеются два подхода к выявлению заинтересованности сторон сделки. Первый подход заключается в расширительном толковании заинтересованности сторон в совершении сделки. Суды принимают во внимание любые доказательства, которые могут свидетельствовать о наличии фактической взаимосвязи корпорации и контрагента. Правоприменительная практика показывает, что заинтересованность проявляется по-разному. Как правило, при рассмотрении дел о признании сделок с заинтересованностью недействительными судами выявляются следующие виды взаимосвязей между корпорацией и контрагентом:

1. Взаимосвязь между физическими лицами, когда они состоят в незарегистрированном браке или имеют иные формы взаимоотношений.

Пример 1. Исходя из объяснений участников дела, которые были даны при рассмотрении уголовного дела, было установлено, что между М.А. и директором корпорации М.В. сложились любовные отношения начиная с 2010 года, далее, с 2017 года они жили в брачных отношениях. Так, контрагент по спорной сделке подтвердил, что между ними на момент заключения договора купли-продажи сложились близкие отношения, что говорит о фактической заинтересованности в совершении данной сделки (Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 7 апреля 2021 г. по делу № А45-29472/2019)¹.

¹ См.: Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 7 апреля 2021 г. по делу № А45-29472/2019 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

Пример 2. П. являлся старшим сыном сожителя ответчика, что, очевидно, свидетельствует об аффилированности такого контрагента с ответчиком в силу положений ст. 53.2 ГК РФ. Наличие прямой нисходящей родственной связи между сожителем ответчика и контрагентом стало доказательством аффилированности указанных лиц. Более того, ответчик такую аффилированность не оспаривал (Решение Арбитражного суда Свердловской области от 20 апреля 2021 г. по делу № А60-39723/2020)¹.

2. Взаимосвязь заинтересованных лиц, которые зарегистрированы по одному и тому же адресу.

Связанность участников корпоративно-правовых отношений определяется на основе факта их совместного проживания или факта их регистрации в одном и том же жилом помещении.

Пример. обстоятельство заинтересованности контрагентов, участвовавших в заключение спорной сделки, было известно АО «Т.», поскольку кредитор Г., ликвидатор ООО «Р.» С. и представитель ООО «С» - Г. были зарегистрированы по одному адресу. Более того, ни одно из аффилированных лиц в настоящее время в деле участия не принимает, а долг аффилированного Г. был выкуплен АО «Т.», которое принимало участие как в деле о несостоятельности (банкротстве) ООО «Р.», так и в рамках настоящего спора (Решение Арбитражного суда г. Москвы от 13 апреля 2021 г. по делу № 40-147577/18)².

Такая практика является распространенной и существует на уровнях всех инстанций³.

¹ См.: Решение Арбитражного суда Свердловской области от 20 апреля 2021 г. по делу № А60-39723/2020 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

² См.: Решение Арбитражного суда г. Москвы от 13 апреля 2021 г. по делу № 40-147577/18 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

³ См.: Постановления Восьмого арбитражного апелляционного суда от 12 апреля 2021 г. по делу № А75-5078/2020 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

3. Взаимосвязь между представителями юридических лиц.

Пример 1. В деле № А45-29472/2019 факт заинтересованности был признан доказанным, поскольку из материалов регистрационного дела, предоставленных Управлением Росреестра, следовало, что и М.В., и М.А. оформляли свои доверенности у одного и того же нотариуса, чтобы представлять интересы на совершение сделок¹.

Пример 2. Также имеется судебная практика, согласно которой лица будут признаваться заинтересованными, если их интересы представляли юристы, работающие в одной и той же юридической фирме, или в одном и том же адвокатском образовании².

4. Взаимосвязь сторон сделок, основанная на скоординированных действиях участников правоотношений, сложившихся из сделки с заинтересованностью.

Пример 1. В арбитражный суд было подано исковое заявление участника (ООО «Медсоюз») ООО «Городской Центр Медосмотра» в отношении ООО «ТК-Пресс» и ООО «Красная строка» о признании договоров займа недействительными. Суд удовлетворил иски, исходя из того, что В. И. Г. были признаны аффилированными по отношению друг к другу лицами. В. И. Г. осуществляли действия, направленные на создание искусственной задолженности с целью осуществления контроля в процедуре банкротства В. Суд установил, что стороны, заключая договоры займа и договоры поручительства, не имели намерения достигать целей, характерных для подобного рода правовых отношений.

См.: Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 7 апреля 2021 г. по делу № А45-29472/2019 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

¹ См.: Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 7 апреля 2021 г. по делу № А45-29472/2019 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

² См.: Решение Арбитражного суда Свердловской области от 1 мая 2021 г. по делу № А60-33244/2017 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

Пример 2. Также в практике существует пример согласованных действий родственников при заключении сделки с заинтересованностью. Например, Арбитражный суд г. Севастополя в деле № А84-4199/2020 установил, что Л. Был осведомлен о том, что сделка была совершена с нарушениями. Представитель Истца представил нотариальную доверенность, которая была выдана С. на имя Л. Земельные участки, отчужденные по спорным сделкам Л. В пользу ООО «П», ранее находились в собственности матери С. – К. При этом факт родственные отношения между С. и К. никто не опровергал. Кроме того, Л. от имени С. заключил договор дарения земельных участков с сыном С. – Б. Факт родства подтвердился материалами дела. Таким образом, оспариваемая сделка должны была пройти процедуру одобрения, поскольку она совершена с заинтересованными лицами¹.

5. Экономическая взаимосвязь участников сделки.

Пример 1. суд удовлетворил заявление истца об оспаривании сделки с заинтересованностью, ссылаясь на Определение ВС РФ от 15 июня 2016 г. № 308-ЭС16-1475², согласно которому, помимо юридической (формальной) аффилированности, также существует фактическая аффилированность.

ООО «Г» и ООО «Т» являлись лицами, которые предоставляли документы, подтверждающие права собственности, отношения по аренде в различных судебных делах для того, чтобы доказать, что у того или иного контрагента хватит производственных мощностей и технической возможности для переработки сырья и производства продукта. В связи с этим нельзя достоверно установить, кто именно пользовался спорным имуществом.

Исходя их вышеизложенного, взаимосвязь таких компаний как ООО «А.-К.», ООО «Г.», ООО «А.», ООО «З.», ООО «К.» является очевидной, а

¹ См.: Решение Арбитражного суда г. Севастополя от 22 апреля 2021 г. по делу № А84-4199/20 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

² См.: Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15 июля 2016 г. по делу А53-885/2014 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

доказательств того, что ООО «Г» имеет какие-либо производственные мощности, не имеется¹.

Суды также анализируют структуру управления компаниями, которые находятся в одной группе.

Пример 2. В рамках спора № А32-4091/2020 суды установили, что ООО «Н», завод и ООО «М» входили в группу компаний «Н», которая осуществляла организационно-управленческие функции в отношении завода, заключив с ним договор об оказании соответствующих услуг. Компания «Н» тем самым обеспечила себе доступ к финансово-хозяйственным показателям. При этом выдача банком поручительства обеспечивала экономические цели группы компаний².

Как уже говорилось, выше суды склонны занимать и диаметрально противоположную позицию относительно доказывания заинтересованности между участниками корпоративных отношений в спорах о признании сделки с заинтересованностью недействительной. Другими словами, суды не стремятся расширять пределы толкования связей между потенциально заинтересованными лицами, в связи с чем, придерживаются норм, обозначенных в ст. 4 Закона о конкуренции³ и ст. 9 Закона о защите конкуренции.

Приведем примеры из правоприменительной практики, где ярко проявлен формально-юридический подход к определению заинтересованности.

1. В рамках дела № А40-169342/2016 суд апелляционной инстанции, отменяя судебный акт суда первой инстанции, указал, что при решении вопроса о заинтересованности контрагентов по сделке неправильно руководствоваться применением п. 1, 2 ст. 105.1 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ) и

¹ См.: Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 3 июля 2019 г. по делу № А32-45241/2015 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

² См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2021 г. по делу № А32-4091/2020 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

³ См.: Закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 (с изм. и доп. от 26 июля 2006 г., № 135-Ф) «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // Бюллетень нормативных актов. 1992. № 2-3; СЗ РФ. 2006 № 31, ст. 3434.

Положением по бухгалтерскому учету «Информация о связанных сторонах», а также понятиями «взаимозависимые лица» и «связанные (аффилированные) лица».

Это связано с тем, что российское законодательство уже определило четкий список критериев в «Законе о конкуренции» и «Законе о защите конкуренции». Расширение категорий аффилированных лиц за счет норм из других отраслей законодательства недопустимо¹.

2. Арбитражный суд Пензенской области, рассматривая дело № А49-8398/2020, суд отказал в удовлетворении заявления о признании сделки недействительной, отвергнув довод истца о том, что А. связана с ответчицей, так как она назначила последнюю генеральным директором корпорации. При этом третье лицо в таком же порядке получило одну из руководящих должностей. Таким образом, несмотря на обстоятельство, которые косвенно могли бы указывать на умысел ответчиков контролировать будущую процедуру банкротства, суд не пришел к выводу об аффилированности А., Ш., А.².

3. Арбитражные суды могут не принять в качестве доказательств заинтересованности материалы уголовного дела и соответствующие судебные акты. Так, в рамках дела № А64-9971/2019, которое рассматривалось в суде кассационной инстанции, суд подтвердил доводы судов нижестоящих инстанций о том, что приговор Жердевского районного суда не может быть признан обоснованным, поскольку он вынесен только в отношении С.С. В то же время С.О. к уголовной ответственности данным приговором не привлекался, следовательно, С.О. не может быть признан заинтересованным по отношению к

¹ См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14 июня 2017 г. по делу № 40-169342/2016 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 01.07.2023).

² См.: Решение Арбитражного суда Пензенской области от 13 апреля 2021 г. по делу № А49-8398/2020 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 01.07.2023).

С.С. Оснований для отождествления намерений руководителя общества С.С. и участника С.О. суд не усмотрел¹.

4. Арбитражные суды могут не признать заинтересованными лиц, обладающих родственными связями. Например, в рамках дела № А41-34820/2020 суд указал, что перечень аффилированных по отношению друг к другу лиц является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. Соответственно, юридическая аффилированность между А. и ООО «М.» отсутствует, поскольку А. не является владельцем доли в корпорации, а заключенный между данными лицами договор аренды не предоставляет А. фактической возможности влиять на деятельность ООО «М.». Отношениям между А. и ООО «М.» ограничиваются только вышеуказанной сделкой.

В свою очередь, сам договор аренды никем оспорен не был до настоящего момента, он не признан в судебном порядке недействительным или незаключенным. Стороны исполняют договор надлежащим образом с соблюдением стандартов добросовестного поведения участников гражданского оборота. Какие-либо иные отношения между ответчиками и Обществом, которые можно было бы квалифицировать как предоставляющие возможность ответчику А. оказывать влияние на деятельность юридического лица по своему усмотрению и давать обязательные для исполнения указания органам юридического лица, отсутствуют².

5. Также встречаются судебные акты, в которых судами изучаются комбинированные доводы о заинтересованности участников сделок.

В рамках дела № А07-37019/2019 суд сослался не только на законодательство о защите конкуренции, но также и на ст. 53.2 ГК РФ, согласно которой если ГК РФ или другой закон ставит наступление правовых последствий

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 7 апреля 2021 г. по делу № А64-9971/2019 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 01.07.2023).

² См.: Решение Арбитражного суда Московской области от 19 апреля 2021 г. по делу № А41-34820/2020 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 01.07.2023).

в зависимость от аффилированности. Наличие или отсутствие соответствующих отношений определяется в соответствии с законом.

Заявители не указали законные основания для признания лиц, заключивших спорные сделки, аффилированными, поскольку сам факт наличия родственных связей не свидетельствует о наличии сговора между участниками сделки.

Также суд отметил следующее:

1. Материалы об отношениях между Н. и Т.Ю., которые были получены из органов МВД, касательно отношений между ними на момент 2013 года по поводу заключения сделок по приобретению Н. дебиторской задолженности не могут являться достоверным доказательством наличия заинтересованности между Н. и Т.Ю. Также не представлено доказательств, каким образом вышеуказанное обстоятельство повлияло на заключение и исполнение спорных сделок 2017-2018 гг.

2. Касательно Ш. суд отметил, что она не могла быть устроена Т.В ООО «О.» в 2014 году, так как Т.Ю. не являлась участком корпорации в 2013 году, также она не являлась участником или контролирующим лицом. Факт предложения Н. кандидатуры Ш. на должность директора ООО «С.» не оспаривается. Влияние Н. на Ш. ограничено равным влиянием Истцов на нее¹.

Таким образом, институт заинтересованности существенно влияет на формирование корпоративных отношений и судебную практику.

Заключение сделок с заинтересованностью является результатом сложившихся корпоративных отношений между корпорацией и заинтересованным лицом, поскольку ее предметом выступает актив юридического лица. Сама по себе такая сделка не наносит корпорации никакого ущерба при условии, если воля ее сторон действительно направлена на ее совершение. Однако на законодательном уровне закреплена обязанность

¹ См.: Решение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 19 апреля 2021 г. по делу № А07-37019/2019 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 01.07.2023).

корпорации уведомлять о такой сделке участников корпоративных отношений, которые определяют возможность ее заключения¹. Здесь проявляется главный признак корпоративных отношений по заключению таких сделок, освященный в параграфе 1.1. настоящей диссертации – осуществление полномочий по участию в юридическом лице и управлению им. Эти отношения возникают между корпорацией и лицами, которые имеют формальную или фактическую связь с ней, ее участниками и органами управления.

По вышеуказанным причинам спор о признании сделки с заинтересованностью недействительной является корпоративным. Недобросовестные участники корпоративных отношений, пользуясь своими связями с корпорацией, могут заключать такие сделки для вывода активов корпорации, что порождает корпоративный конфликт, перерастающий в корпоративный спор. Участникам корпораций при заключении подобных сделок необходимо учитывать различные подходы судов к заинтересованности.

Подготовка и участие в судебных заседаниях по рассмотрению корпоративных споров о признании сделок с заинтересованностью зависит от многих факторов, и сторонам приходится сталкиваться со следующими проблемами в доказывании:

- 1) отсутствие определения понятия «заинтересованность» как в законодательстве, так и в правоприменительной практике;
- 2) расхождение критериев определения заинтересованности между контрагентами по сделке, указанных в судебной практике и в законодательстве о защите конкуренции;
- 3) широкое разнообразие указанных выше критериев (в частности, общность экономических интересов, отклонение от стандарта добросовестного

¹ См.: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (с изм. и доп. от 25 декабря 2023 г., № 631-ФЗ) «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 1; 2024. № 49, ст. 7437.

См.: Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (с изм. и доп. от 8 августа 2024 г., № 287-ФЗ) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. – 1998. – № 7, ст. 785; – 2024. – № 33, ст. 4983.

поведения в гражданском обороте, синхронизация деятельности субъектов), которое вызывает острые дискуссии как научной сфере, так и в правоприменительной практике;

4) стремление судов к осуществлению так называемого формального правосудия.

Правоприменителям, по нашему мнению, не стоит руководствоваться только законодательством о защите конкуренции, поскольку оно сформировано достаточно давно, которое недобросовестные участники научились обходить. Для того, чтобы таких минимизировать количество таких ситуаций, необходимо совершенствовать как правоприменительные подходы к определению заинтересованности, так и само законодательство

В данном случае можно применять по аналогии подход к определению заинтересованности в делах о банкротстве, где допускается расширительное толкование данного понятия. Так, ВС РФ в своем Определении от 26 мая 2017 г. № 306-ЭС16-20056(6), давая оценку аффилированности сторон, указывал, что необходимо руководствоваться признаками как юридической (формальной), так и фактической аффилированности. ВС РФ допускает формирование такой корпоративной структуры, при которой отсутствуют какие-либо юридические связи между участниками корпоративной группы¹.

Полагаем, что суды при рассмотрении дел о признании сделок с заинтересованностью недействительными должны руководствоваться вышеназванным подходом. Однако следует избегать чрезмерного расширения круга лиц, которые могут быть признаны судом заинтересованными. В противном случае вероятна ситуация, когда данный статус могут признать за лицами, которые оказывают правовую поддержку субъектам корпоративно-правовых отношений. Речь в данном случае идет о компаниях, обслуживающих реальный сектор экономики, регистраторах, депозитариях, юридических фирмах,

¹ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26 мая 2017 г. по делу № А12-45751/2015 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

адвокатских образованиях и других субъектах, оказывающих услуги в сфере оценки, консультационные услуги и так далее.

Для решения обозначенной проблемы предлагаем внести изменения в Постановление Пленума ВС РФ от 26 июня 2018 г. № 27, предписав судам при определении заинтересованности руководствоваться не только законодательством, но также учитывать обстоятельства, которые могут свидетельствовать о фактической заинтересованности сторон, совершивших сделку. Соответственно, в предмет доказывания могут включаться факты, подтверждающие как прямую, так и косвенную заинтересованность.

Итак, проведенное исследование позволило нам обозначить следующие выводы в рамках данного параграфа:

А. Органы правосудия при рассмотрении спора о признании крупной сделки недействительной должны оценивать, прежде всего, качественный критерий такой сделки. Формальное несоответствие крупной сделки количественному критерию не может служить основанием для отказа в удовлетворении искового заявления.

В. Обстоятельства ущерба, причиненного заключением крупной сделки, должны являть собой одну из составляющих качественного критерия крупной сделки: она должна оцениваться судами всесторонне в аспекте соответствующих средств доказывания, которые были представлены сторонами корпоративного спора.

С. При рассмотрении корпоративного спора о признании сделки с заинтересованностью недействительной судам необходимо оценивать предоставленные сторонами доказательства не только юридической, но и фактической заинтересованности стороны данной сделки.

4.2. Проблемы распределения бремени доказывания при взыскании убытков за вред, причиненный юридическому лицу

Корпоративные споры, связанные с взысканием убытков за вред, причиненный корпорации, являются одними из наиболее распространенных в юридической практике. Такие дела требуют внимательного анализа и правильной правовой оценки.

Растущая популярность корпоративной формы бизнеса привело к более активному применению норм об ответственности исполнительных органов, в том числе единоличных. Тенденция к разделению функций владения и управления корпорацией повышает требования к руководителям и членам коллегиальных органов управления корпорацией, но одновременно создаются новые поводы для злоупотребления своими правами.

Количество корпоративных споров о взыскании убытков за вред, причиненный корпорации, существенно возросло, расширились также и основания для привлечения к ответственности. Так, количество рассматриваемых споров можно увидеть в динамике начиная с 2018 года и заканчивая 2024 годом:

- 2018 год – рассмотрено 975 дел, удовлетворено 48 % исковых заявлений;
- 2019 год – рассмотрено 919 дел, удовлетворено 38,5% исковых заявлений;
- 2020 год – рассмотрено 782 дела, удовлетворено 34% исковых заявлений;
- 2021 год – рассмотрено 503 дела, удовлетворено 31% исковых заявлений;
- 2022 год – рассмотрено 1 057 дела, удовлетворено 34,5% исковых заявлений;
- 2023 год – рассмотрено 1 386 дела, удовлетворено 31,5% исковых заявлений;

- 2024 год – рассмотрено 1 375 дела, удовлетворено 37,5% исковых заявлений¹.

Как видим, в период с 2022-2024 гг. наблюдается рост категорий дел о взыскании убытков. Полагаем, что это связано в том числе и с расширением круга лиц, которые могут быть привлечены к такого рода ответственности. Речь идет не только об исполнительных органах юридического лица, но и других лицах, обладающих фактической возможностью оказывать влияние на его деятельность.

Для того, чтобы привлечь исполнительный орган корпорации к ответственности, помимо ст. 53.1 ГК РФ, используются также правила, закрепленные в специализированном законодательстве (например, ст. 44 Закона об ООО и ст. 71 Закона об АО). Они устанавливают общие условия для привлечения к гражданско-правовой ответственности.

Прежде чем анализировать проблемы доказывания при рассмотрении корпоративных споров о взыскании убытков за вред, причиненные корпорации, необходимо выделить особенности данного правового института:

1. Ответственность возникает не из предпринимательской деятельности, а из-за нарушения правовых норм, регулирующих вопросы управления корпорацией. Эта деятельность относится к иной экономической деятельности, что подтверждает практика Конституционного Суда РФ². На основе этого следует разделять внутрикорпоративные отношения и внешние, непосредственно связанные с извлечением прибыли;

2. Цель привлечения к ответственности не сводится к стремлению наказать виновное лицо. Законодатель, создавая соответствующие нормы,

¹ См.: Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: www.cdcr.ru. (дата обращения: 03.03.2022).

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // СЗ РФ. 2004. № 9, ст. 830.

преследовал цель защитить права участников корпоративных отношений через исключение или минимизацию последствий незаконной деятельности руководителей. Таким образом, ответственность органов управления корпорации и иных лиц, оказывающих на нее влияние, носит восстановительный и компенсационный характер, о чем говорится в Постановлении Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62¹. Согласно п. 8 данного Постановления в случае, если ущерб, который был причинен юридическому лицу, уже был возмещен путем применения иного способа защиты права, то в удовлетворении заявления о привлечении органов управления к гражданско-правовой ответственности должно быть отказано. Также данная ответственность носит превентивный характер, то есть мотивирует органы управления и лиц, имеющих фактическую возможность принимать ключевые решения в корпорации, исполнять свои обязанности добросовестно и разумно;

3. Источником регулирования ответственности является не только российское законодательство, но и внутренние документы корпорации, включая устав;

4. Специфика отношений, связанных с привлечением к ответственности в виде взыскания убытков, заключается в оценке добросовестности и разумности действий органов управления.

Ученые по-разному определяют правовую природу этой ответственности. Так, О.В. Гутников понимает под ней один из видов корпоративной ответственности, который отличается от ответственности за нарушение договорных обязательств и от ответственности за деликт². Д.В. Ломакин дополняет, что ответственность органов управления не носит деликтную природу, поскольку отсутствуют соответствующие признаки. Требования же

¹ См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2013. № 34.

² См.: Гутников О.В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // Вестник гражданского права. 2014. № 6. С. 60.

См.: Габов А.В., Гутников О.В., Синицын С.А. Юридические лица в российском гражданском праве: Т. 1: Общие положения о юридических лицах. М., 2016. С. 280, 286.

добросовестности и разумности в отношении директоров, как указывает ученый, – это общеправовая обязанность, закрепленная в п. 3 ст. 53 ГК РФ в качестве нормы-принципа¹.

В.К. Андреев и В.А. Лаптев также отрицают деликтный характер ответственности органов управления, поскольку основанием такой ответственности является не причинение вреда имуществу корпорации, а неразумное и недобросовестное исполнение обязанностей².

На наш взгляд, вышеназванные позиции ученых вряд ли можно назвать противоположными, поскольку ответственность органа корпорации – это отдельный вид ответственности в силу того, что она основывается на договорных и деликтных началах. Директор может совершить в отношении организации деликт, нарушив фидуциарную обязанность действовать разумно и добросовестно. То же самое можно сказать и про иных лиц, имеющих возможность оказывать влияние на корпорацию.

Для привлечения таких лиц к ответственности, законодатель и правоприменительная практика используют особые механизмы перераспределения бремени доказывания. Например, согласно абз. 5 п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 в случае отказа директора от дачи пояснений или их явной неполноты, если суд сочтет такое поведение директора недобросовестным по смыслу ст. 10 ГК РФ, бремя доказывания отсутствия нарушения обязанности действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно может быть возложено судом на директора³.

В странах общего права бремя доказывания (the burden of proof) делят на юридическое бремя (the legal burden), или бремя убеждения, и бремя

¹ См.: *Ломакин Д.В.* Контроль как форма зависимости юридических лиц // *Хозяйство и право.* 2018. № 2. С. 5.

² См.: *Андреев В.К., Лаптев В.А.* Корпоративное право современной России: монография. 2-е изд. М., 2018. С. 166.

³ См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // *Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение).* 2013. № 34.

доказывания (the evidential burden), или бремя представления доказательств (the burden of adducing evidence). В русском языке такая терминологическая разница отсутствует: в странах общего права evidence — это факты и средства доказывания, а proof — это материал для убеждения суда. Evidence служит основанием для proof¹.

Выделение бремени доказывания как отдельного правового института несет в себе практическую пользу, поскольку определяются три основных аспекта его использования:

- 1) субъект, который изначально должен предоставить доказательство;
- 2) субъект, который может понести негативные последствия в случае, если он не предоставит доказательства;
- 3) критерии оценки доказательств судом².

При этом, как верно отмечает Д.А. Шемелин, «для стран континентальной Европы свойственно правило, что бремя доказывания не переходит от истца на ответчика, и наоборот, так как суд в любом случае рассматривает все материалы дела, и, если аргументы истца являются необоснованными, суд откажет в удовлетворении его иска»³.

Таким образом, под юридическим бременем следует понимать обязанность сторон убедить суд в правильности своей правовой позиции согласно имеющимся в законодательстве и правоприменительной практике стандартам доказывания. Юридическое бремя не переходит с одного участника процесса на другого в отличие от бремени доказывания⁴. Напротив, бремя доказывания может перемещаться в ходе рассмотрения спора от истца к ответчику и, наоборот, в зависимости от того, какие аргументы они представили суду.

В свою очередь, опровержимые презумпции могут влиять как на юридическое бремя, так и на бремя доказывания. В одном случае презумпция

¹ См.: Пучинский В.К. Гражданский процесс зарубежных стран. М., 2008. С. 179.

² См.: Glover R., Murphy P. Murphy on Evidence. Oxford, 2013. P. 72.

³ См.: Шемелин Д.А. Изменение стандарта доказывания в международном арбитраже // Новые горизонты международного арбитража. 2013. С. 118.

⁴ См.: Glover R., Murphy P. Указ. соч. P. 115.

определяет, кто именно должен доказывать те или иные обстоятельства, а в другом – считать доказанным факт, который необходим для рассмотрения дела в суде.

Например, российские суды считают доказанными недобросовестность и неразумность единоличного исполнительного органа, если он заключил с контрагентом сделку, являющуюся явно убыточной для должника. Данная презумпция содержится в п. 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62.

Институт бремени доказывания был известен в России и в дореволюционный период. Статьи 81 и 366 Устава гражданского судопроизводства обязывали каждую сторону предоставлять доказательства, подтверждающие их требования¹. Аналогичные правила содержатся в современном процессуальном законодательстве, в частности, в ч. 1 ст. 56 ГПК, ч. 1 ст. 65 АПК РФ.

Как отмечал Е.В. Васьковский, ответчик мог бездействовать во время судебного разбирательства, пока истец до конца не обоснует свои требования. Бездействие ответчика вовсе не означало, что он признает требования истца². При этом ответчик, в случае если у него имелись возражения, мог их представить во время судебного разбирательства и ссылаться на добытые своими силами доказательства. Таким образом, истцу не нужно было представлять доказательства, которые не могли оставить сомнений у суда в его правовой позиции. Достаточно было оценить их по первому взгляду без применения перехода бремени доказывания.

Однако К.И. Малышев утверждал, что бремя доказывания могло переходить от одной стороны к другой, а суд вправе регулировать этот процесс, при этом обращая внимание на то, какие доказательства стороны предоставляют. Аналогичные положения зафиксированы в ч. 1 ст. 57 ГПК РФ и ч. 2 ст. 66 АПК

¹См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 года Ч. 1. Устав гражданского судопроизводства. – URL: <https://www.prlib.ru/item/372592> (дата обращения: 23.07.2023).

² См.: *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. М., 2016. С. 326.

РФ. К.И. Малышев отмечает, что окончательная фиксация бремени доказывания происходит при составлении судебного акта¹. Таким образом, правила перераспределения бремени доказывания между сторонами в дореволюционном и современном праве не сильно различаются.

В российской правоприменительной практике сложился определенный порядок перехода бремени доказывания в делах о привлечении руководителей к ответственности. Несмотря на данный порядок руководители корпораций сохраняют возможности для различного рода злоупотреблений с целью получения ими какой-либо личной выгоды, активы компании остаются под угрозой незаконного отчуждения.

Именно поэтому важным является, как справедливо отмечают Г.С. Курдюмов и А.В. Чекарева, не только наличие текущего института привлечения руководителей к ответственности, но также его постоянная оптимизация. Это позволит быть ему наиболее эффективным и пресекать действия лиц, желающих злоупотребить своими правами в ущерб другим участникам корпоративных отношений².

Правоприменительная практика показывает, что суды все чаще привлекают к ответственности не только органы исполнительной власти корпорации, но и лиц, имеющих фактическую возможность управлять текущей деятельностью корпорации. Так, в п. 22 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, утвержденного 30.07.2025 Президиумом Верховного Суда РФ, рассматривается ситуация, когда к ответственности привлекался не только руководитель хозяйственного общества, но и его участник, который осуществлял фактический контроль за его

¹ См.: *Малышев К.И.* Курс гражданского судопроизводства // Сочинения Кронида Малышева. Т. 1. СПб., 1876. С. 275.

² См.: *Курдюмов Г.С., Чекарева А.В.* Взыскание убытков с недобросовестного директора: перераспределение бремени доказывания и перевес доказательств. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/64485-vzyskanie-ubytkov-nedobrosovestnogo-direktora-pereraspredelenie-bremeni-dokazyvaniya> (дата обращения: 22.07.2023).

действиями. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении соответствующего иска, указав, что само по себе вовлечение участника еще не означает, что с него необходимо взыскивать убытки по правилам ст. 53.1 ГК РФ. Судебным актом суда апелляционной инстанции, оставленным без изменений арбитражным судом округа, решение суда первой инстанции было отменено, с участника были взысканы убытки. Суды указали, что даже если лицо не уполномочено в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица выступать от его имени (пункт 1 статьи 53 ГК РФ) и не является членами коллегиальных органов юридического лица, оно, тем не менее, может быть привлечено к гражданско-правовой ответственности в виде взыскания убытков¹.

Отдельного внимания в вышеуказанной ситуации заслуживают разъяснения судов о том, как определяется фактическая возможность привлекаемого к ответственности лица определять действия корпорации, которой причинены убытки. В частности, судами учитывалось, что могут отсутствовать формальные признаки наличия у ответчика такой возможности. В связи с этим необходимо оценивать совокупность соответствующих доказательств, представленными истцами в материалы дела².

Таким образом, значительно расширяется круг лиц, с которых могут быть взысканы убытки за вред, причиненный корпорацией. Вместе с тем, истцы помимо недобросовестности и неразумности поведения таких лиц должны также доказать, что они имели фактическую возможность управлять деятельностью корпорации.

При этом могут встречаться ситуации, когда лица, оказывающие влияние на деятельность корпорации, никаким образом не связаны с ней формально-

¹ См.: Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 июля 2025 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2025. № 12.

² См.: Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 июля 2025 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2025. № 12.

юридическими связями, что может существенно усложнить истцам процесс доказывания. Например, такое лицо («бенефициар») может назначить на руководящие должности подконтрольных ему корпораций лиц, которые в их деятельности не будут принимать какого-либо участия («номинальное лицо»).

Для того, чтобы истцам было проще доказывать, что ответчик является бенефициаром, полагаем, что необходимо применять подход, изложенный в рамках дела о банкротстве Инком (дело № А33-1677/2013). Согласно Определению Верховного суда РФ (ВС) от 15 февраля 2018 года конечный бенефициар имеет заинтересованность в том, чтобы скрывать свой статус и не связывать себя с управляемым им юридическим лицом. При этом суды должны анализировать поведение ответчика и должника. О наличии фактического контроля может свидетельствовать:

- синхронные действия ответчика и должника в отсутствие экономических причин;
- обогащение фактического бенефициара за счет совершения невыгодных для подконтрольного ему юридического лица действий;
- невозможность совершения действий при отсутствии контроля ответчика над юридическим лицом¹.

В случае если истец сможет привести совокупность косвенных доказательств, указывающих на возможность лиц, в отношении которых подано исковое заявление о взыскании убытков, оказывать влияние на корпорацию, то бремя доказывания отсутствия данных обстоятельств должно переходить на такое лицо.

Значительное количество вопросов при рассмотрении корпоративных споров о взыскании с руководителей корпораций или лиц, имеющих фактическую возможность управлять текущей деятельностью корпорации, убытков, по нашим наблюдениям, возникает тогда, когда стороны собираются

¹ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2018 г. по делу № А33-1677/2013 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 01.07.2023).

предоставлять какие-либо доказательства. Речь идет про письменные доказательства, отражающие экономические показатели корпорации. Зачастую как у истца, так и у ответчика такие доказательства могут отсутствовать, что может привести к повышенному риску нарушения их процессуальных прав. В связи с этим необходимо исследовать несколько проблем, которые характерны для российской правовой деятельности.

Первая проблема заключается в неправильном применении бремени доказывания в корпоративных спорах, связанных со взысканием убытков. Несмотря на то, что действующий порядок в целом эффективен, он имеет недостатки, которые затрагивают права участников корпоративных отношений. Истцам сложно доказать недобросовестность или неразумность действий директора, а также понесенные убытки без необходимых документов.

На практике неоднократно встречались случаи, когда истец, несмотря на отсутствие документов, которые могут свидетельствовать о совершенных директором нарушениях, не освобождался от бремени доказывания недобросовестности единоличного исполнительного органа. Так, в деле № А40-215235/2015 арбитражные суды фактически переложили бремя доказывания отрицательного факта, а именно отсутствие кредитно-обеспечительной документации, на истцов¹. В рамках дела № А41-48865/2022 суд отказал истцу в удовлетворении искового заявления о взыскании убытков с бывшего руководителя за безосновательное отчуждение части имущества, ограничившись доводом о том, что все документы, подтверждающие правомерность передачи имущества другим лицам, были переданы действующему директору².

Вторая распространенная проблема в делах о взыскании убытков с органов управления корпорацией связана с обеспечением принципа состязательности

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 2 февраля 2017 г. по делу № А40-215235/2015 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 01.07.2023).

² См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 мая 2023 г. по делу № А41-48865/2022 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 01.07.2023).

сторон, закрепленным в ст. 9 АПК РФ. Состязательность сторон в арбитражном процессе способствует наиболее полному и всестороннему рассмотрению дела, а также наиболее справедливому распределению бремени доказывания.

Основными доказательствами в корпоративных спорах о взыскании убытков с директоров являются бухгалтерская и прочая документация, которая позволяет получить информацию обо всех аспектах хозяйственной деятельности общества. В ряде случаев возникает ситуация, когда участники юридического лица не могут продолжать нормальную хозяйственную деятельность общества из-за того, что бывшие руководители не передали документацию общества за предыдущие периоды или скрыли ее тем или иным способом.

В связи с этим основным способом защиты своих прав для участников корпорации является обращение в суд с иском об истребовании документации или взыскание убытков. Основанием для взыскания убытков с бывших руководителей будет являться именно их бездействие, выразившееся в непередаче документации. Так участники общества должны доказать, что отсутствие необходимой документации лишило их возможности осуществлять хозяйственную деятельность, взыскивать дебиторскую задолженность.

В современной практике правоприменения существует значительный риск того, что при привлечении директора к гражданско-правовой ответственности за убытки суды могут подойти к рассмотрению таких дел формально, не учитывая важные фактические обстоятельства и не применяя соответствующие материальные и процессуальные нормы права. Так, например, в рамках дела № А26-507/2021 суды первой, апелляционной и кассационной инстанций пришли к выводу о том, что у ответчика отсутствует документация, в связи с чем истцу было отказано в его требованиях передать имущество и документы корпорации. Анализ судебных актов по данному делу может свидетельствовать о позиции судов, заключающейся в том, что участники корпорации и текущий директор могли сами истребовать необходимые документы у предыдущего директора. Суд

занял очевидно пассивную позицию при решении данного вопроса, несмотря на пояснения со стороны представителей корпорации о недостающих документах.

Однако СКЭС ВС РФ отменила вышеуказанные судебные акты и вернула дело на новое рассмотрение, указав на то, что возможное отсутствие документации не может являться основанием для отказа в удовлетворении искового заявления общества, поскольку именно бывший руководитель обязан дать соответствующие пояснения. Если он этого не делает, на него ложится обязанность устранить нарушение. Другими словами, подлежит применению презумпция: если добросовестный директор хочет доказать свою невиновность в бездействии, то он должен дать пояснения и предоставить опровергающие доказательства¹.

Имеется также третья проблема: анализ судебной практики судов общей юрисдикции показал, что при рассмотрении дел о привлечении к ответственности руководителей некоммерческих организаций суды в основном руководствуются ст. 53, 53.1, 15 и 393 ГК РФ. Исходя из смысла данных норм, руководитель должен действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно, а в случае, если руководитель причинил убытки юридическому лицу, он понести гражданско-правовую ответственность. При этом лицо, требующее возмещения причиненных ему убытков, должно доказать факт нарушения ответчиком обязательств, наличие причинно-следственной связи между допущенным нарушением и возникшими у истца убытками, а также размер убытков².

Хотя законодатель четко определяет состав правонарушения, суды часто отказывают в исках, ссылаясь на недоказанность вины и причинно-следственной связи. Они, как правило, ссылаются на недоказанность вины руководителя и причинно-следственной связи между его действиями и причиненным ущербом.

¹ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 9 августа 2022 г. по делу № А26-507/2021 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 01.07.2023).

² См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (Ч. I) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 11 марта 2024 г., № 48-ФЗ) //СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2024. № 33, ст. 4933.

Так, согласно решению Ленинского районного суда города Екатеринбурга от 15 мая 2018 г. по делу № 2-3927/2018 А.В. Солонинин и О.С. Мызникова обратились в суд с иском к Т.В. Бузиной о взыскании с ответчика в пользу А.В. Солонинина – 327778 руб. 06 коп., О.С. Мызниковой – 81944 руб. 65 коп., с возмещением за счет ответчика судебных расходов. Основанием для подачи искового заявления в суд явилось то обстоятельство, что с ЖСК «Университетский-2» в пользу А.В. Солонинина взыскана вышеуказанная сумма в связи с неисполнением кооперативом обязательств по передаче нежилого помещения. Ленинский районный суд отказал на основании того, что не доказана вина председателя ЖСК и причинно-следственная связь, исполнительное производство по взысканным суммам было инициировано после окончания полномочий Т.В. Бузиной¹.

В судебной практике есть еще один пример: И.А. Сергеичева, М.Ф. Окулова обратились в суд с иском о взыскании с председателя ЖСК «Колос-1» убытков, причиненных в связи с исполнением договора подряда. Свои требования истцы обосновывают тем, что было проведено общее собрание собственников жилья, в повестку дня собрания был включен вопрос о ремонте крыши, единогласно было принято решение о ее починке, однако председатель ЖСК не провел собрание по утверждению расходов на ремонт, заключил договор подряда. По мнению истцов, при выполнении договора были выявлены нарушения, которые привели к убыткам. Суд отказал в данном иске, не смотря на то, что истцы предоставили в суд расчет, подтверждающий возможность проведения ремонта по меньшей стоимости².

¹ См.: Решение Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 15 мая 2018 г. по делу № 2-3927\2018 // ГАС «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 20.03.2021).

² См.: Решение Кировского районного суда г. Омска от 8 апреля 2019 г. по делу № 2-1122/2019 // ГАС «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 20.03.2021).

Аналогичная ситуация отражается и в Апелляционном определении Санкт-Петербургского городского суда от 23.05.2023 № 33-6990/2023¹.

Суды достаточно часто отказывают в иске на основании норм трудового законодательства. Так, согласно решению Новгородского районного суда Новгородской области от 15 мая 2018 года по делу № 2-105/2018 О.М. Лукина, С.И. Иванов, В.С. Иванов, Ю.И. Соколов, действующие в интересах ЖСК-35, обратились в суд с иском к Л.Е. Зимовой о взыскании в пользу корпорации убытков на сумму 67 000 рублей. Свои требования они основывали на том, что ЖСК-35 был оплачен штраф, выписанный на основании постановления по делу об административном правонарушении. По мнению истцов, ЖСК-35 могло бы избежать штрафа, если бы председатель надлежащим образом исполняла свои обязанности. Суд отказал в удовлетворении исковых требований, указав на отсутствие вины руководителя и причинно-следственной связи и сославшись на то, что штраф не относится к прямому действительному ущербу, который обязан возместить работник организации по смыслу ст.ст. 238, 273, 277 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ)². При этом ЖСК-35 является самостоятельным участником гражданско-правовых отношений, самостоятельно несет риск, связанный с несоблюдением российского законодательства³.

Аналогичный пример содержится также в Апелляционном определении Свердловского областного суда от 24.07.2025 по делу № 33-8690/2025⁴.

Таким образом, при рассмотрении корпоративного спора в арбитражном суде истец имеет больше возможностей для доказывания состава

¹ См.: Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 23 мая 2023 г. по делу № 33-6990/2023 // ГАС «Правосудие». – URL: <https://sudrf.ru/>. (дата обращения: 05.06.2023).

² См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (с изм. и доп. от 6 апреля 2024 г., № 70-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 1, Ч. 1, ст. 3; 2024. № 51, ст. 7864.

³ См.: Решение Новгородского районного суда Новгородской области от 15 мая 2018 г. по делу № 2-105/2018 // ГАС «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 20.03.2021).

⁴ См.: Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 24 июля 2025 г. по делу № 33-8690/2025 // ГАС «Правосудие». – URL: <https://sudrf.ru/>. (дата обращения: 31.07.2025).

правонарушения, совершенного руководителем, чем при рассмотрении того же спора в судах общей юрисдикции. При этом зачастую суды общей юрисдикции применяют нормы трудового законодательства, которые фактически ограничивают ответственность руководителей, поскольку российский закон дифференцирует понятие убытков в гражданско-правовом смысле и понятие прямого ущерба, закрепленного в ТК РФ. Тем самым создаются предпосылки, во-первых, для злоупотребления руководителями некоммерческих организаций своими правами, во-вторых, для нарушения права истцов на судебную защиту.

До изменений, внесенных Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ¹, исковые заявления о привлечении руководителей некоммерческих организаций (ст. 22 ГПК) к ответственности за убытки достаточно часто удовлетворялись арбитражными судами, поскольку истец мог доказывать вину директора в определенном порядке. При рассмотрении соответствующих дел они руководствовались не только общими законодательными положениями об ответственности директоров, но и Постановлением Пленума ВАС от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» (далее – Постановление Пленума ВАС РФ № 62 от 30 июля 2013 г.).

Согласно абз .2 п. 1 данного постановления в силу п. 5 ст. 10 ГК РФ истец должен доказать наличие обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности и (или) неразумности действий (бездействия) директора, повлекших неблагоприятные последствия для юридического лица². При этом ВАС РФ раскрыл понятия добросовестности и разумности в конкретных действиях, в связи с чем истцы при защите своих интересов могут определить, в

¹ См.: Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ (с изм. и доп. от 17 октября 2019 г., № 343-ФЗ) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 49, (ч. I), ст. 7523; 2019. № 42, ст. 5808.

² См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2013. № 34.

чем именно выражалась вина директора и сформировать соответствующую доказательственную базу.

Кроме того, Постановление Пленума ВАС РФ № 62 от 30 июня 2013 г. позволяет привлечь к ответственности руководителя в случае, если истец или ответчик ссылаются на ТК РФ, и в случае ненадлежащего исполнения юридическим лицом публично-правовых обязанностей. Суд общей юрисдикции при наличии вышеперечисленных обстоятельств зачастую отказывают в удовлетворении исковых требований со ссылкой на то обстоятельство, что некоммерческая организация является самостоятельным участником гражданско-правовых отношений.

Обозначенные выше изменения правил подсудности привели к тому, что при рассмотрении дел о привлечении руководителя некоммерческой корпорации по смыслу ст. 22 ГПК РФ к ответственности за причиненные убытки истцы фактически лишаются возможности доказать вину руководителя. Они оказались в том положении, в каком были коммерческие организации до принятия Постановления Пленума ВАС РФ № 62 от 30 июля 2013 г., когда директоров корпораций практически невозможно было привлечь к ответственности.

По этому поводу С. Соболев высказывает следующую позицию: «Существовавшее правовое регулирование не было эффективным. Нормы об ответственности руководителя имелись в законодательстве уже долго, но они не обеспечивали защиту интересов кредиторов и собственников бизнеса. Суд требовал доказать комплекс обстоятельств, но заявители сделать это затруднялись...». Эксперт отметил, что улучшение ситуации способствовало, прежде всего, формированию новой единообразной судебной практики¹.

Таким образом, в то время как для арбитражного судопроизводства характерно применение конкретных норм для разрешения корпоративных споров, для гражданского судопроизводства свойственно применять не столько нормы гл. 28.1 АПК РФ, сколько нормы, касающиеся общеискового

¹ См.: От безнаказанности до жестких рамок: за что ответят топ-менеджеры. URL: <https://pravo.ru/story/226493/> (дата обращения: 23.07.2023).

производства, содержащихся в ГПК РФ. Складывающаяся ситуация приводит к отсутствию единообразия регулирования отношений по рассмотрению корпоративных споров в отношении некоммерческих организаций, поскольку суды общей юрисдикции будут разрешать дела, используя нормы права, не регулирующие корпоративные отношения. Это обусловлено, прежде всего, различными подходами арбитражных судов и судов общей юрисдикции к разрешению споров.

В результате этого пробела истцы не могут исполнить обязанность доказывать обстоятельства, на которые они ссылаются (ст. 56 ГПК РФ), их право на судебную защиту законных интересов нарушается, а у руководителей некоммерческих корпораций появляется возможность для злоупотреблений.

Таким образом, в рамках текущего параграфа мы пришли к следующим выводам:

А. Круг лиц, с которых могут быть взысканы убытки за вред, причиненный корпорации, в настоящее время значительно расширился. Помимо исполнительных органов корпорации ответчиками по соответствующим корпоративным спорам могут быть и лица, имеющие фактическую возможность оказывать влияние на деятельность корпорации. В случае рассмотрения дела о взыскании убытков с последних на истцов ложится бремя доказывания обстоятельств, указывающих на такую возможность. При этом судам в данном случае следует придерживаться подхода, изложенного в Определении Верховного суда РФ (ВС) от 15 февраля 2018 года по делу № А33-1677/2013, согласно которому лицо, имеющее фактическую возможность оказывать влияние на деятельность корпорации, изначально может быть заинтересовано не раскрывать свою взаимосвязь с корпорацией.

В. Анализ законодательства и правоприменительной практики позволил выявить следующие проблемы. Первая заключается в недостатках правового механизма перераспределения бремени доказывания, что особенно проявляется в случаях, когда у юридического лица отсутствуют необходимые документы.

Вторая проблема тесно связана с первой и приводит к формальному подходу судов к разрешению споров. Несмотря на активную деятельность судов по совершенствованию правоприменительной практики, обе указанные проблемы указывают на несовершенство процессуального законодательства в области регулирования корпоративных споров и наличие определенных пробелов. Суд в рамках корпоративного спора о взыскании с исполнительного органа корпорации убытков не может возложить на истца обязанность доказывать факт отсутствия документации у корпорации. В связи с этим, необходимо ввести абзац 4 п. 7 Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 следующую презумпцию: «Суд при рассмотрении спора о взыскании убытков с лиц, входящего в состав органов юридического лица, не может возложить на истца бремя доказывания отсутствия у юридического лица документации. Непередача данным лицом такой документации может свидетельствовать о недобросовестности или неразумности в его действиях (бездействии), если не доказано иное».

С. В ГПК РФ отсутствует отдельная глава, регулирующая рассмотрение корпоративных споров. Это приводит к тому, что суды общей юрисдикции применяют нормы права, не касающиеся непосредственно корпоративных отношений, что подтверждается примерами правоприменительной практики, приведенными в данном параграфе, где рассматривается привлечение руководителей некоммерческих организаций к ответственности. В то же время, обращаясь в арбитражный суд, участники корпоративных отношений получают значительно больше возможностей для доказательства состава правонарушения, совершенного руководителем, по сравнению с рассмотрением аналогичного спора в судах общей юрисдикции.

Для того, чтобы устранить данный пробел, предлагается разработать Постановление Пленума ВС РФ, аналогичного Постановлению Пленума ВАС РФ № 62 от 30 июля 2013 г. При этом в таком акте должны быть затронуты следующие вопросы, где будут указаны условия привлечения единоличного или

коллегиального исполнительного органа некоммерческой корпорации к ответственности, а именно:

a) Субъекты правонарушения, выражающегося в причинении корпорации убытков;

b) Нормативно-правовая база, которая применяется в случае рассмотрения искового заявления о привлечении единоличного или коллегиального исполнительного органа корпорации к ответственности;

c) Опровержимые презумпции несоблюдения единоличным или коллегиальным исполнительным органом корпорации обязанностей действовать разумно и добросовестно;

d) Условия, при которых данные вышеуказанные презумпции опровергаются;

e) Условия, при которых единоличный или коллегиальный исполнительный орган корпорации, не может быть привлечен к ответственности;

f) Условия подачи искового заявления о привлечении единоличного или коллегиального исполнительного органа корпорации к ответственности участником, который отсутствовал в момент совершения ответчиком правонарушения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование доктринальных источников, законодательства и правоприменительной практики по рассмотрению корпоративных споров позволило сформулировать ключевые выводы и конкретные предложения по нормативно-правовому регулированию цивилистической процессуальной формы.

В рамках исследования были созданы доктринальные дефиниции корпоративного спора в широком и узком смыслах. Под корпоративным спором в широком смысле понимается формально признанное разногласие сторон, характеризующееся противостоянием интересов участников корпоративных отношений, причиной которого выступает стремление сторон обеспечить контроль над активами корпорации. Корпоративный спор обязательно сопровождается предъявлением лицом материально-правовых требований и начинается тогда, когда потенциальный ответчик отказывается в их удовлетворении во время судебного и внесудебного разрешения возникшего спора о праве.

В контексте предметного и юрисдикционного критериев корпоративный спор в узком смысле – это спор, инициируемый участниками корпоративных отношений в суде общей юрисдикции или арбитражном суде, который подлежит рассмотрению посредством использования специализированной процессуальной формы с целью защиты прав и законных интересов, связанных с участием и управлением корпорацией.

На основе выводов, обозначенных в исследовании, сформулировано новое понятие «судебное рассмотрение корпоративных споров»: деятельность судов, урегулированная в рамках цивилистической процессуальной формы, суть которой заключается в осуществлении правосудия по делам, возникающим из корпоративных отношений, в целях обеспечения надлежащего рассмотрения и разрешения спора, возникшего между участниками корпоративных отношений, и восстановления их прав и законных интересов, а также пресечения

процессуальных злоупотреблений со стороны недобросовестных лиц. Введенное понятие тесно связано с процессуальной формой и производством по корпоративным спорам.

Выявлены определенные проблемы и на уровне разграничения территориальной подсудности. Конфликт правовой нормы (ч. 4.1 ст. 38 АПК РФ), устанавливающей исключительную подсудность по месту регистрации юридического лица, и правовой нормы (ч. 1 ст. 38 АПК РФ), устанавливающей подсудность по месту нахождения недвижимого имущества, должен разрешаться в пользу выбора арбитражных судов именно тех субъектов РФ, на территории которых зарегистрировано юридическое лицо.

Это обусловлено, во-первых, стремлением законодателя оградить добросовестных участников корпоративных отношений от злоупотреблений и, во-вторых, практической целесообразностью концентрации всех споров по активам юридического лица в одном арбитражном суде. При применении норм исключительной подсудности по рассмотрению корпоративных споров следует придерживаться правила, согласно которому корпоративный спор по поводу признания крупной сделки недействительной, предметом которой является объект недвижимости, подлежит рассмотрению и разрешению по месту регистрации юридического лица.

Подсудность корпоративных споров, связанных с осуществлением российскими участниками своих корпоративных прав в рамках иностранного юридического лица, подчиняется доктрине «внутренних дел», согласно которой место их рассмотрения зависит от места регистрации юридического лица. В условиях проведения некоторыми иностранными государствами агрессивной санкционной политики такой подход не способствует защите прав и законных интересов участников иностранных корпораций, являющихся гражданами РФ или российскими юридическими лицами. Отсутствие единообразия в судебной практике по вопросу определения суда чревато рисками при рассмотрении корпоративных споров, связанных с осуществлением российскими участниками

своих корпоративных прав в рамках иностранного юридического лица. Для того чтобы нивелировать негативное влияние возникшей проблемы, в исследовании предложено внести в АПК РФ правило, согласно которому такие корпоративные споры должны рассматриваться исключительно на территории Российской Федерации.

В рамках исследования диссертант обосновал, что следует сформировать правовой механизм принятия и последующего утверждения судами корпоративного процессуального договора как самостоятельной формы урегулирования корпоративного спора в рамках отправления правосудия. Это связано с тем, что имеющаяся закрепленная в процессуальном законодательстве процедура утверждения мирового соглашения далеко не всегда позволяет участникам корпоративных отношений решить спор мирным путем.

В ходе исследования сравнивалась эффективность защиты интересов группы лиц путем подачи группового и коллективного иска. Был сделан вывод о том, что основная проблема непривлекательности группового иска сводится не столько к правовым пробелам, сколько к идее законодателя о том, как корпоративный спор с участием группы лиц должен рассматриваться в судебном порядке. В связи с этим, по мнению диссертанта, правовой институт рассмотрения группового иска в рамках корпоративного спора не способен обеспечить защиту прав и законных интересов участников корпоративных отношений. Поэтому коллективный иск кажется более эффективным средством защиты прав и законных интересов участников корпоративных отношений. В диссертации предлагаются следующее доктринальное определение коллективного иска по корпоративному спору: это комплекс тождественных требований участников корпоративных отношений, направленных на защиту интересов корпорации, которые предъявляются соистцами с целью понудить ответчика исполнить обязательства перед корпорацией. При рассмотрении корпоративного спора по групповому иску материальным и процессуальным интересом в деле обладает только лицо, представляющее интересы группы лиц.

В то же время каждый из заявителей в рамках спора по рассмотрению коллективного иска имеет и материальный, и процессуальный интерес.

В ходе настоящего исследования также были проанализированы особенности доказывания в рамках отдельных категорий корпоративных споров.

Крупная сделка — это экстраординарная сделка, целью которой часто является не хозяйственная деятельность, а перераспределение активов. В настоящий момент можно выделить две основные проблемы, приводящие к возникновению корпоративных споров о признании таких сделок недействительными: использование таких сделок для вывода активов и недобросовестное оспаривание с целью блокировки деятельности компании. Анализируя особенности доказывания при оспаривании крупных сделок, автор пришел к выводу, что судам при оценке крупной сделки следует фокусироваться на качественном критерии (существенность влияния на деятельность компании), а не только на формальном количественном показателе. Размер ущерба от сделки — один из элементов качественного критерия, который суд должен оценивать при наличии соответствующих доказательств.

Другим наиболее распространенным видом экстраординарных сделок является сделка с заинтересованностью. Главная особенность таких сделок — заключение такой сделки со взаимосвязанным лицом. Вместе с тем, ни материальное, ни процессуальное законодательство не дают четкого определения понятия «заинтересованное лицо», в результате чего возникает вопрос о том, как определить, является лицо заинтересованным или нет. В работе выделены два основных подхода к определению заинтересованности лица: формальный и фактический. Для установления истинных обстоятельств предпочтительнее фактический подход. Чтобы исключить формализм, необходимо на уровне судебной практики закрепить разъяснение, обязывающее суды учитывать не только формально-юридические, но и фактические признаки заинтересованности.

При исследовании особенностей доказывания в корпоративных спорах о привлечении руководителя корпорации к гражданско-правовой ответственности были выявлены три основные проблемы:

1. Несовершенство механизма перераспределения бремени доказывания, особенно при отсутствии у компании необходимых документов.

2. Формализм судов при рассмотрении таких дел, являющийся следствием первой проблемы.

3. Отсутствие в ГПК РФ специальных норм о корпоративных спорах, из-за чего суды общей юрисдикции не применяют корпоративное законодательство так же активно, как арбитражные суды.

Эти пробелы не только нарушают право на судебную защиту, но и создают почву для злоупотреблений со стороны исполнительных органов компаний.

Для решения обозначенных проблем в диссертации предложен комплекс изменений в процессуальные кодексы и разъяснительные акты Высших судов, в частности в Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62.

При этом стоит учитывать, что круг лиц, с которых могут быть взысканы убытки за вред, причиненный корпорации, в настоящее время значительно расширился. Помимо исполнительных органов корпорации ответчикам по соответствующим корпоративным спорам могут быть и лица, имеющего фактическую возможность оказывать влияние на деятельность корпорации. В случае рассмотрения дела о взыскании убытков с последних на истцов ложится бремя доказывания обстоятельств, указывающих на такую возможность. При этом судам в данном случае следует придерживаться подхода, изложенного в Определении Верховного суда РФ (ВС) от 15 февраля 2018 года по делу № А33-1677/2013, согласно которому лицо, имеющее фактическую возможность оказывать влияние на деятельность корпорации, изначально может быть заинтересовано не раскрывать свою взаимосвязь с корпорацией.

Таким образом, выводы и предложения, сформулированные автором в диссертационном исследовании, могут быть использованы в правоприменении и

нормотворчестве с целью более эффективного правового регулирования отношений, связанных с рассмотрением корпоративных споров в арбитражных судах и судах общей юрисдикции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1.1. Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., с изменениями от 6 октября 2022 г.) // Рос. газета. – 1993. – 25 декабря; СЗ РФ. – 2022 – № 41, ст. 6930.

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (с изм. и доп. от 28 декабря 2024 г., № 521-ФЗ) // СЗ РФ. – 2002. – № 30, ст. 3012; – 2024. – № 53, ст. 8531.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 8 августа 2024 г., № 237-ФЗ) // СЗ РФ. – 1994. – № 32, ст. 3301.; – 2024. – № 33, ст. 4933.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (с изм. и доп. от 28 декабря 2024 г., № 521-ФЗ) // СЗ РФ. – 2002. – № 46, ст. 4532; – 2024. – № 53, ст. 8531.

5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (с изм. и доп. от 26 декабря 2024 г., № 470-ФЗ) // СЗ РФ. – 2002. – № 1, (ч. 1), ст. 3; – 2024. – № 51, ст. 7864.

6. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (с изм. и доп. от 30 ноября 2024 г., № 446-ФЗ) «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. – 1996. – № 1, ст. 1; – 2024. – № 49, ст. 7437.

7. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (с изм. и доп. от 8 августа 2024 г., № 287-ФЗ) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. – 1998. – № 7, ст. 785; – 2024. – № 33, ст. 4983.

8. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (с изм. и доп. от 22 июля 2024 г., № 191-ФЗ) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2001. – № 23, ст. 2291; – 2024. – № 31, ст. 4451.

9. Федеральный закон от 19 июля 2009 г. № 205-ФЗ (с изм. и доп. от 3 июля 2016 г., № 343-ФЗ) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2009. – № 29, ст. 3642; – 2016. – № 27, ст. 4276.

10. Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ (с изм. и доп. от 4 марта 2013 г., № 21-ФЗ) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2012. – № 53, (ч. 1), ст. 7627; – 2013. – № 9, ст. 873.

11. Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ (с изм. и доп. от 17 октября 2019 г., № 343-ФЗ) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2018. – № 49, (ч. I), ст. 7523; – 2019. – № 42, ст. 5808.

12. Федеральный закон от 18 июля 2019 г. № 191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2019. – № 29, (ч. I), ст. 3858.

13. Федеральный закон от 1 мая 2017 г. № 81-ФЗ «О ратификации Протокола о внесении изменений в Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о статусе города Байконур, порядке формирования и статусе его органов исполнительной власти от 23 декабря 1995 г.» // СЗ РФ. – 2017. – № 18, ст. 2658.

14. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 343-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // СЗ РФ. – 2016. – № 27, (ч. II), ст. 4276.

15. Закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 (с изм. и доп. 26 июля 2006 г., № 135-ФЗ) «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // Бюллетень нормативных актов. – 1992. – № 2-3; СЗ РФ. – 2006 – № 31, ст. 3434.

1.2. Правовые акты, утратившие силу

16. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 5 мая 1995 г. № 70-ФЗ (в ред. от 24 июля 2002 г., № 95-ФЗ) // СЗ РФ. – 1995. – № 19, ст. 1709; – 2002. – № 30, ст. 3012.

1.3. Проекты правовых актов

17. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1)) // – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172071/ (дата обращения: 15.03.2025).

II. Научная и специальная литература

2.1. Монографии

18. *Андреев В.К., Лаптев В.А.* Корпоративное право современной России: монография. – М.: Проспект, 2017. – 352 с.

19. *Андреев В.К., Лаптев В.А.* Корпоративное право современной России: монография. 2-е изд. – М.: Проспект, 2018. – 352 с.

20. *Андреев В.К., Лаптев В.А.* Корпоративное право современной России. Монография. – М.: Проспект, 2023. – 432 с.

21. *Габов А.В., Гутников О.В. Сеницын С.А.* Юридические лица в российском гражданском праве: Т. 1: Общие положения о юридических лицах: Монография. – М., 2016. – 384 с.

22. *Долинская В.В.* Акционерное право: основные положения и тенденции: монография. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 736 с.

23. *Лаптев В.А.* Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография. – М.: Проспект, 2019. – 384 с.

24. *Пахомова Н.Н.* Цивилистическая теория корпоративных отношений. Монография. – Екатеринбург: Налоги и финансовое право, 2005. – 336 с.

25. *Семенова А.С., Сизова Ю.С.* Корпоративные конфликты. Причины их возникновения и способы преодоления: Монография. – М.: УРСС, 2006. – 298 с.

2.2. Учебная и справочная литература

26. *Абознов О.В., Беляева Н.Г., Колесникова Ю.С.* и др. Практика применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2018. – 480 с.

27. *Аболонин Г.О.* Массовые иски. – М.: Волтерс Клувер, 2011. – 416 с.

28. *Абрамов В.Ю., Абрамов Ю.В.* Корпоративное право: права и обязанности участников хозяйственных обществ: практическое пособие с судебным комментарием. – М.: Юстицинформ, 2021. – 356 с.

29. *Алексеева Н.В., Аргунов А.В., Арифудин А.А.* и др. Арбитражный процесс: учебник. – М.: РГУП, 2017. – 324 с.

30. *Афанасьева Е.Г., Вайпан В.А., Габов А.В.* и др. Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. Т. 1. – М.: Статут, 2017. – 976 с.

31. *Белов В.А.* Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики. – М.: Юрайт, 2023. – с. 552.

32. *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса: учебник для вузов. – Москва: Издательство Юрайт, 2016. – 457 с.

33. *Габов А.В.* Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. – М.: Статут, 2005. – 410 с.

34. *Гурвич М.А.* Право на иск: учебное пособие/ – М.: Изд-во Всесоюзного юрид. заочного ин-та, 1978. – 54 с.

35. *Гонгало Б.М.* Гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. 1. – М.: Статут, 2016. – 511 с.

36. *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут, 2000. – 414 с.

37. *Дедов Д.И.* Конфликт интересов. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 272 с.
38. *Долганичев В.В.* Возбуждение и подготовка дел группового производства. – М.: Статут, 2017. – 176 с.
39. *Звягинцев М.Г.* Корпоративное право. Учебный минимум. – М.: Юриспруденция, 2005. – 149 с.
40. *Каранетов А.Г.* Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307 - 328 и 407 - 419 Гражданского кодекса Российской Федерации. – М.: М-Логос, 2022. – 1496 с.
41. *Карелина С.А.* Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 290 с.
42. *Кашанина Т.В.* Корпоративное право. – М.: Издательство Юрайт; Высшее образование, 2010. – 899 с.
43. *Колесов П.П.* Групповые иски в США. – М.: Городец, 2004. – 104 с.
44. Комментарий к АПК РФ / под ред. М.С. Шакарян. – М.: 2003. – 731 с.
45. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. – 1152 с.
46. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) 4-е изд., испр. и перераб. – М.: Статут, 2020. – 1071 с.
47. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2009. – 958 с.
48. *Кронрод Я.А.* Законы политической экономики социализма. Очерки методологии и теории. – М.: Мысль, 1966. – 584 с.
49. *Ломакин Д.В.* Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений: учебное пособие. – М.: Статут, 2020. – 146 с.
50. *Ломакин Д.В.* Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. – М.: Статут, 2008. – 350 с.

51. *Макарова О.А.* Корпоративное право: Учебник. М.: Юрайт, 2023. – 514 с.
52. *Маковская А.А.* Крупные сделки и сделки с заинтересованностью: анализ и комментарий законов «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью». – М.: Статут, 2020. – 375 с.
53. *Малов А.А., Подольский Ю.Д., Русинова Е.Р.* и др. Участие адвоката в цивилистическом процессе: учебное пособие для магистрантов. М.: Статут, 2020. – 173 с.
54. *Мальшев К.И.* Курс гражданского судопроизводства // Сочинения Кронида Мальшева. Т. 1. – СПб., 1876. – с. 449.
55. *Мозолин В.П.* На пике времени: Избранные труды. В поисках научной истины. – М.: Юстицинформ, 2014. – 490 с.
56. *Нам К.В.* Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. – М.: Статут, 2019. – 278 с.
57. *Нефедьев Е.А.* Учебник русского гражданского судопроизводства. – Краснодар: Советская Кубань, 2005. – 403 с.
58. *Никитин С.В.* Арбитражный процесс: учебник. – М.: РГУП, 2017. – с. 328.
59. *Павлова Н.В.* Ускоренная судебная защита: предварительные обеспечительные меры в коммерческом процессе. – М.: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации: Дело, 2005. – 304 с.
60. *Палкин Ю.И., Пахомов Ю.Н.* Интересы в системе экономических отношений социализма. – Киев: Наукова думка, 1974. – 239 с.
61. *Пахомова Н.Н.* Основы теории корпоративных отношений (правовой аспект). – Екб.: Налоги и финансовое право, 2004. – 208 с.
62. *Попондопуло В.Ф.* Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) предпринимателей. – СПб.: Лань 2001. – 285 с.
63. *Пучинский В.К.* Гражданский процесс зарубежных стран. – М.: Зерцало-М, 2008. – 503 с.

64. *Савельев С.Л.* Прецедент в России. Унификационный потенциал практики Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ. – М.: Статут, 2020. – 272 с.
65. *Синайский В.И.* Русское гражданское право. – М.: Статут, 2002. – 636 с.
66. *Степанов Д.И., Михальчук Ю.С.* Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. – М.: Статут, 2018. – 207 с.
67. *Суханов Е.А.* Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Том I. – М.: Статут, 2011. – 956 с.
68. *Суханов Е.А.* Сравнительное корпоративное право. – М.: Статут, 2014. – 456 с.
69. *Чудиновская Н.А.* Участие адвоката в цивилистическом процессе: учеб. пособие для магистрантов. – М.: Статут, 2020. – 173 с.
70. *Шакарян М.С.* Гражданское процессуальное право России. – М.: Былина, 1998. – 367 с.
71. *Шерстюк В.М.* Производство в арбитражном суде первой инстанции: учебное пособие. – М.: Проспект, 2014. – 384 с.
72. *Шиткина И.С.* Корпоративное право: учебник. – М.: Статут, 2019. – 735 с.
73. *Шиткина И.С.* Корпоративное право: Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция». – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 603 с.
74. *Яковлев В.Ф.* Модернизация Гражданского кодекса Российской Федерации // Кодификация российского частного права 2019. – М.: Статут, 2019 – 485 с.
75. *Яковлев В.Ф.* Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики). – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. – 223 с.

76. *Ярков В.В.* Арбитражный процесс: учебник. – М.: Статут, 2017. – 752 с.

2.3. Статьи в научных журналах и иных изданиях

77. *Аболонин Г.О.* Групповые иски в российском арбитражном процессуальном законодательстве – перспективы развития // Арбитражный и гражданский процесс. – 2011. – № 3. – С. 43–47.

78. *Аболонин Г.О.* «Новые» иски // ЭЖ-Юрист. – 2006. – № 11. – С. 19–25.

79. *Абросимов Д.А.* Обеспечительные меры по корпоративным спорам: процессуальные особенности и ограничения // Молодой ученый. – 2017. – №21. – С. 277–278.

80. *Алексеев С.С.* Собственность в акционерном обществе // Цивилистическая практика. – 2003. – № 1 (6). – С. 3-16.

81. *Алексеев Н.В., Козин Д.А.* Теоретические и практические вопросы применения правил подсудности в контексте процессуальной реформы 2018 года // Научный журнал «Экономика. Социология. Право». – 2021. – № 2(22). – С. 84–92.

82. *Антонова Е.С.* Понятие, содержание и особенности корпоративных прав // Юридический мир. – 2000. – № 11. – С. 23–30.

83. *Афанасьев С.Ф.* Значение медиации в условиях осуществления судебно-правовой политики // Вестник гражданского процесса. – 2012. – № 6. – С. 38–46.

84. *Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф.* Об унификации цивилистического процессуального закона в контексте отдельных оснований для отказа в принятии заявлений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 3. – С. 72-79.

85. *Афанасьев С.Ф., Малько Е.А.* К вопросу о российской цивилистическом процессе в аспекте концепции правовой политики // Право, политика и политические институты. – 2017. – № 1-2 (74-75). – С. 48-57.

86. *Афанасьева Е.Г.* Групповые иски в США (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. – 2016. – №2. – С. 139–145.

87. *Байтин М.И., Петров Д.Е.* Соотношение отрасли права и отрасли законодательства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2004. – № 4(255). – С. 39-40.

88. *Башлаков-Николаев И.В.* Гражданско-правовая ответственность в сфере защиты конкуренции: система частных и групповых исков // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 7. – С. 75–82.

89. *Боженко В.А.* Определение понятия «Конфликт» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2000. – № 2. – С. 143–147.

90. *Борисова Е.А.* Концентрация процесса как принцип гражданского (арбитражного) процессуального права // Теоретические и практические проблемы гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства. СПб. – 2005. – С. 156–172.

91. *Вялых Е.И.* Актуальные вопросы подведомственности корпоративных споров // Правовая наука и реформа юридического образования. – 2014. – № 4. – С. 97–104.

92. *Габов А.В.* Проблемы и перспективы правового регулирования сделок акционерного общества, требующих особого порядка их совершения // Цивилист. – 2007. – № 1. – С. 41–51.

93. *Григорьева Т.А.* К вопросу о становлении арбитражной юрисдикции в России // Цивилистика: право и процесс. – 2019. – № 1. – С. 43–53.

94. *Гутников О.В.* Содержание корпоративных отношений // Журнал российского права. – 2013. – № 1. – С. 26–39.

95. *Гутников О.В.* Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // Вестник гражданского права. – 2014. – № 6. – С. 51–117.

96. *Долинская В.В.* Акционерное право: проблемы и перспективы развития // Актуальные проблемы международного частного и гражданского права. К 80-летию В. А. Кабатова: сборник статей. – 2006. – С. 62–81.

97. *Долинская В.В.* Основные положения о юридических лицах: новеллы гражданского законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 6. – С. 3–8.

98. *Есекеев А.С.* Теоретические проблемы корпоративных отношений и корпоративных споров // Предпринимательское право. – 2007. – № 4. – С. 5–6.

99. *Ионова Д.Ю.* Групповые иски в корпоративных спорах: о возможных путях совершенствования законодательного регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 9. – С. 72-81.

100. *Ионова Д.Ю.* Косвенные иски как способ защиты интересов участников коммерческих корпораций // Российский судья. – 2018. – № 7. – С. 17–22.

101. *Исаенкова О.В.* Гражданский и арбитражный процесс в России – перспективы объединения // Проблемы гражданского права и процесса. – 2016. – С. 373-383.

102. *Каминская С.В.* Судебная компетенция по корпоративным спорам: прошлое, настоящее и будущее // Российский судья. – 2022. – № 11. – С. 12–16.

103. *Карагусов Ф.С.* Основы корпоративного права и корпоративное законодательство Республики Казахстан . – Алматы, 2011. – С. 9–16.

104. *Колонтаевская И.Ф.* Возникновение и развитие корпораций за рубежом // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2017. – № 1(10). – С. 17-21.

105. *Кузнецов А.А.* Оспаривание решений общих собраний участников (акционеров) // Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20-летию Закона об ООО. – 2020. – С. 199-271.

106. *Кулакова В.Ю.* Единство и дифференциация процессуальной формы // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 3. – С. 109-119.

107. *Киреева Ж.Б., Захарова Г.С.* Проблемные аспекты корпоративных споров // Юристъ-Правоведъ. – 2019. – № 3 (90). – С. 208–214.
108. *Кущенко А.А.* Корпоративное право и его место в системе современного российского права // Конкурентное право. – 2020. – № 4. – С. 37-40.
109. *Лантев В.А.* Корпоративные споры: понятие, виды и способы предотвращения // Предпринимательское право. – 2007. – № 4. – С. 2–5.
110. *Лантев В.А., Ефименко Е.Н.* Корпоративные конфликты: причины возникновения и способы защиты // Lex Russica. – 2013. – № 3. – С. 268–279.
111. *Ломакин Д.В.* Контроль как форма зависимости юридических лиц // Хозяйство и право. – 2018. – № 2. – С. 3-20.
112. *Ломакин Д.В.* Применение норм о корпоративном договоре в практике арбитражных судов // Хозяйство и право. – 2019. – № 11 (514). – С. 17-28.
113. *Мамаев А.А.* Исключительная международная судебная юрисдикция по гражданским делам: сравнительный анализ норм ГПК РФ и АПК РФ // Арбитражный и гражданский процесс. – 2008. – № 10. – С. 36-41.
114. *Малешин Д.Я.* Новеллы групповых исков // Журнал российского права. – 2020. – № 5. – С. 94–103.
115. *Михайлов С.В.* Интерес как общенаучная категория и ее отражение в науке гражданского права // Государство и право. – 1999. – №. 7. – С. 86–92.
116. *Михайлова Е.В.* Процессуальная форма разрешения корпоративных споров: материальный и процессуальный аспекты // Администратор суда. – 2024. – № 4. – С. 2-6.
117. *Моисеев С.В.* Отдельные особенности активного процессуального соучастия при оспаривании совершенных корпорацией сделок // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 9. – С. 45–52.

118. *Наумова Е.А.* Обзор и анализ эффективности новых правил арбитражного судопроизводства в работе судов первой инстанции // Вестник арбитражной практики. – 2019. – № 5. – С. 53–70.

119. *Нахова Е.А., Портнова А.А.* Понятие и задачи гражданского судопроизводства // Царскосельские чтения. – 2015. – С. 202-206.

120. *Никологорская Е.И.* Урегулирование корпоративных конфликтов в акционерных правоотношениях // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – № 7. – С.46–51.

121. *Панкратов П.А.* Некоторые особенности принятия арбитражным судом обеспечительных мер при рассмотрении корпоративных споров / П.А. Панкратов // Право: история, теория, практика: материалы IV Международной научной конференции СПб.: Свое издательство. – 2016. – С. 64–67.

122. *Потапенко Е.Г.* Оптимизация гражданского процессуального законодательства в направлении обеспечения баланса специализации и унификации процессуального права // Вестник гражданского процесса. – 2021. – Т. 11. – № 3. – С. 70-108.

123. *Пяткин Д.А., Андрейчук Т.В.* Гражданско-правовая характеристика особенностей корпоративных прав // Ленинград. юрид. журн. – 2016. – № 3. – С. 134–141.

124. *Раздьяконов Е.С.* Злоупотребление акционерами правом на применение обеспечительных мер: проблемы и пути совершенствования законодательства // Арбитражный и гражданский процесс. – 2008. – № 10. – С. 32-36.

125. *Раздьяконов Е.С.* Разграничение компетенции арбитражных судов и судов общей юрисдикции по корпоративным спорам // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 7. – С. 38 - 41.

126. *Раздьяконов Е.С., Тарасов И.Н.* Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (гл. 28.1) // Вестник гражданского процесса. – 2020. – № 5. – С. 134–179.

127. *Рожкова М.А.* Корпоративные отношения и возникающие из них споры // Вестник ВАС. – 2005. – № 9. – С. 136–147.
128. *Рожкова М.А.* Понятие спора о праве гражданском // Журнал российского права. – 2005. – № 4. – С. 98-102.
129. *Рожкова М.А.* Совершенствование порядка рассмотрения дел по спорам, связанным с предпринимательской или иной экономической деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале организаций // Корпорации и учреждения: Сборник статей. – 2007. – С. 267–337.
130. *Романов А.Ю.* К вопросу о понятии интереса (правовой аспект) // Вопросы экономики и права. – 2013. – № 11. – С. 20–21.
131. *Романов А.Ю.* Заинтересованность как правовая категория // Вестник финансового университета. – 2016. – № 1. – С. 164–168.
132. *Ростовский А.П.* Способы разрешения тупиковых ситуаций в рамках акционерного соглашения // Корпоративный юрист. – 2010. – № 10. – С. 45-46.
133. *Ручкина Г.Ф.* К вопросу о правовом регулировании отношений по формированию и использованию фондов денежных средств субъектами крупного предпринимательства // Финансовое право. – 2011. – № 7. – С. 2–6.
134. *Самсонов Н.В.* К вопросу о праве процессуального истца на возмещение судебных расходов // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 471. – С. 258-263.
135. *Соловых С.Ж.* Некоторые аспекты соотношения понятий «административное судопроизводство» и «арбитражное судопроизводство» // Юрист. – 2013. – № 9. – С. 39-42.
136. *Соловьева С.В.* Некоммерческие юридические лица: конфликты внутренние и внешние // Журнал российского права. – 2013. – № 1. – С. 39-52.
137. *Селькова А.А.* Понимание эффективности и представительства как целей группового иска // Lex Russica. – 2023. – № 6(199). – С. 90–99.
138. *Степанов П.В.* Корпоративные отношения в гражданском праве / П.В. Степанов // Законодательство. – 2002. – № 6. – С. 4-11.

139. *Степанов Д.И.* Корпоративные споры и реформа процессуального законодательства // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2004. – № 2. – С. 132–137.

140. *Суслин А.Н.* Правовая характеристика понятия корпоративного конфликта в Российской Федерации // Вестник Российской правовой академии. – 2025. – № 1. – С. 133 - 141.

141. *Терентьев А.В.* О понятии корпоративных отношений в современном российском законодательстве // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2018. – № 3. – С. 33-41.

142. *Туманов Д.А.* Проблемы оспаривания решений собраний по статье 181.4 Гражданского кодекса Российской Федерации: вопросы процессуального права // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 7. – С. 38–44.

143. *Фейзрахманова Д.Р.* Понятие корпоративного конфликта: современный взгляд // Российская юстиция. – 2019. – № 12. – С. 69–72.

144. *Филиппова С.Ю.* К вопросу о понятии корпоративного конфликта // Российская юстиция. – 2009. – № 12. – С. 31–35.

145. *Хлюстов П.В.* Спор о правах на недвижимое имущество: проблемы территориальной подсудности // Закон. – 2014. – № 1. – С. 106–121.

146. *Черкасова О.В.* Экономическая и юридическая сущность корпоративных отношений: доктринальные и правовые аспекты // Право и экономика. – 2021. – № 4. – С. 19–25.

147. *Шемелин Д.А.* Изменение стандарта доказывания в международном арбитраже // Новые горизонты международного арбитража. – 2013. – С. 190–219.

148. *Шеменева О.Н.* Юридический интерес в гражданском судопроизводстве: развитие взглядов и современное значение // Вестник гражданского процесса. 2016. № 2. С. 27–43.

149. *Шеменева О.Н.* Процессуальные соглашения в гражданском судопроизводстве: понятие, виды, практическое значение разграничения с

гражданско-правовыми договорами // Вестник гражданского процесса. 2020. № 4. С. 131–148.

150. *Ярков В.В.* Новые формы исковой защиты права в гражданском процессе (групповые и косвенные иски) // Государство и право. – 1999. – № 9. – С. 32–40.

151. *Ярков В., Кудрявцева Е., Малешин Д., Туманов Д., Смола А., Володарский Д., Сутормин Н., Кондрашов И., Бирюков В., Бевзенко Р., Авилкин В., Фаст И., Молчанов А.* Групповые иски в цивилистическом процессе России // Закон. – 2019. – №8. – С. 24-43.

2.4. Диссертации и авторефераты диссертаций

152. *Башилов Н.И.* Обеспечительные меры по корпоративным спорам в арбитражном процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2019. – 206 с.

153. *Бурачевский Д.В.* Применение арбитражным судом охранительных мер по делам, связанным с участием в акционерном обществе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2011. – 28 с.

154. *Ватаманюк В.О.* Мировое соглашение в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2021. – 33 с.

155. *Вялых Е.И.* Процессуальные особенности рассмотрения корпоративных споров в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2018. – 252 с.

156. *Громошина Н. А.* Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2010. – 409 с.

157. *Гукасян Р.Е.* Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве: дис. ... докт. юрид. наук. – Саратов, 1971. – 190 с.

158. *Давыденко Д.Л.* Мировое соглашение как средство внесудебного урегулирования частноправовых споров (по праву России и некоторых зарубежных стран): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 257 с.

159. *Журбин Б.А.* Процессуальные особенности рассмотрения судами дел по групповым и производным искам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2013. – 29 с.

160. *Захарьяцева И.Ю.* Примириительные процедуры в арбитражном процессуальном законодательстве Российской Федерации: Концептуальные основы и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 28 с.

161. *Кочергин К.В.* Мировое соглашение в арбитражном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2011. – 26 с.

162. *Князев Д.В.* Мировое соглашение в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2004. – 24 с.

163. *Кухарева О.А.* Защита прав акционеров в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2006. – 166 с.

164. *Кущенко А.А.* Корпоративные отношения как предмет правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2014. – 215 с.

165. *Курылев С.В.* Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1956. – 190 с.

166. *Малюкина А.В.* Принцип концентрации гражданского процесса: основные теоретические положения и их реализация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – 27 с.

167. *Мокроусова Л.М.* Порядок рассмотрения гражданских дел неискового производства как специальная гражданская процессуальная форма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 31 с.

168. *Раздьяконов Е.С.* Особенности исковой формы защиты прав и законных интересов акционеров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2007. – 196 с.

169. *Смагина Е.С.* Теоретико-практические проблемы участия государства в современном цивилистическом процессе: дис. ... докт. юрид. наук. – Саратов, 2022. – 424 с.

170. *Соловьева И.Е.* Процессуальные средства защиты частных интересов субъектов малого предпринимательства в России: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2015. – 157 с.

171. *Степанов П.В.* Корпоративные отношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999. – 190 с.

172. *Туманов Д.С.* Защита общественных интересов в гражданском судопроизводстве: дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2024. – 549 с.

173. *Царегородцева Е.А.* Способы оптимизации гражданского судопроизводства Автореф дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – 24 с.

174. *Чекулаев С.С.* Корпоративные конфликты, осложненные иностранным элементом, и способы их разрешения: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2021. – 191 с.

175. *Шимбарева Е.В.* Корпоративные конфликты и контроль: гражданско-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2010. – 213 с.

176. *Юдин А.В.* Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2009. – 52 с.

III. Материалы правоприменительной практики

177. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // СЗ РФ. – 2004. – № 9, ст. 830.

178. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой

Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 8.

179. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 8.

180. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 сентября 2019 г. № 30 «О дне начала деятельности кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, Центрального окружного военного суда» // Рос. газета. – 2019. – № 206.

181. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – № 8.

182. Постановление Пленума ВАС РФ от 9 июля 2003 г. № 11 «О практике рассмотрения арбитражными судами заявлений о принятии обеспечительных мер, связанных с запретом проводить общие собрания акционеров» // Вестник ВАС РФ. – 2003. – № 9.

183. Постановление Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 54 «О некоторых вопросах подсудности дел по искам о правах на недвижимое имущество» // Вестник ВАС РФ. – 2006. – № 11.

184. Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). – 2013. – № 34.

185. Постановление Пленума ВАС РФ от 16 мая 2014 г. № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 6.

186. Постановление Пленума ВАС РФ от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // Вестник экономического правосудия РФ. – № 9. – 2014.

187. Постановление Президиума ВАС РФ от 7 сентября 2010 г. по делу № А13-3405/2009. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 13.11.2022).

188. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2023 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2024. – № 3.

189. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 июля 2025 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2025. – № 12.

190. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21 апреля 1998 г. № 33 «Обзор практики разрешения споров по сделкам, связанным с размещением и обращением акций» // Вестник ВАС РФ. – 1998. – № 6.

191. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 7 июля 2004 г. № 78 «Обзор практики применения арбитражными судами предварительных обеспечительных мер» // Вестник ВАС РФ. – 2004. – № 8.

192. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 июля 2021 г. по делу № А74-9516/2019 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 15.12.2023).

193. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2016 г. по делу А53-885/2014 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

194. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26 мая 2017 г. по делу № А12-45751/2015 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

195. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2018 г. по делу № А33-1677/2013 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 01.07.2023).

196. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26 августа 2019 г. по делу № А14-21480/2018 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 15.07.2023).

197. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2021 г. по делу № А32-4091/2020 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

198. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 8 августа 2022 г. по делу № А26-507/2021 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 01.07.2023).

199. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06 сентября 2024 г. по делу № А53-16963/2022// Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 31.03.2025).

200. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13 ноября 2014 г. по делу № А56-22138/2014 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 01.06.2025).

201. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19 января 2016 г. по делу № А40-159546/14 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 13.11.2022).

202. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 2 февраля 2017 г. по делу № А40-215235/2015 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 01.07.2023).

203. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 7 июля 2017 г. по делу № А66-2650/2016 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 01.06.2025).
204. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22 марта 2018 г. по делу № А40-103924/17 // Федеральные арбитражные суды. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/90d277dc-47c9-46d7-8272-ссасссf2са83> (дата обращения: 31.03.2025).
205. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 октября 2019 г. по делу № А41-63881/2019 // Федеральные арбитражные суды. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/c363002a-d25e-41a9-b385-3f2737f3711e> (дата обращения: 05.11.2021).
206. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 24 марта 2020 г. по делу № А83-10353/2018 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 13.11.2022).
207. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 13 июля 2020 г. по делу № А83-10046/2019 // Федеральные арбитражные суды. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/85efdfc1-2cb2-4b0b-ba9d-56c13353dea0> (дата обращения: 31.03.2025).
208. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 8 октября 2020 г. по делу № А19-17334/2019 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).
209. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 2 декабря 2020 г. по делу № А51-25009/2018 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).
210. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 марта 2021 г. по делу № А40-207211/2020 // Федеральные арбитражные суды. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/551ec7eb-a4c0-4596-8894-06be76f1cf17> (дата обращения: 31.03.2025).

211. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 апреля 2021 г. по делу № А40-334414/2019 // Федеральные арбитражные суды. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a619796d-d05c-4c9b-8e31-0da7df90b742> (дата обращения: 31.03.2025).

212. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 7 апреля 2021 г. по делу № А64-9971/2019 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 01.07.2023).

213. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 26 мая 2021 г. по делу № А15-523/2021 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 05.11.2021).

214. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 22 марта 2022 г. по делу № А57-17849/2021 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 26.02.2025).

215. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22 сентября 2022 г. по делу № А70-11443/2021 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

216. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26 января 2023 г. по делу № А40-75861/2022 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 07.08.2024).

217. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 мая 2023 г. по делу № А41-48865/2022 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 01.07.2023).

218. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 23 июня 2023 г. по делу № А04-6175/2020 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 26.02.2025).

219. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 4 марта 2024 г. по делу № А40-13350/2023 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 07.08.2024).

220. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 23 июля 2024 г. по делу № А04-10075/2023 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 26.02.2025).

221. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 7 ноября 2024 г. по делу № А40-18397/2023 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 26.02.2025).

222. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 2 июля 2015 г. по делу № А40-32364/14 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.11.2020).

223. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 июля 2015 г. по делу № А55-25911/2014 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.08.2024).

224. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 9 октября 2015 г. по делу № А40-159546/2014 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 13.11.2022).

225. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14 июня 2017 г. по делу № 40-169342/2016 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 01.07.2023).

226. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 7 июля 2019 г. по делу № А32-45241/2015. // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

227. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 июня 2020 г. по делу № А50-9316/2020 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 05.11.2021).

228. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 3 марта 2021 г. по делу № А15-523/2021 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 05.11.2021).

229. Постановления Восьмого арбитражного апелляционного суда от 12 апреля 2021 г. по делу № А75-5078/2020 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

230. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 14 апреля 2022 г. по делу № А70-11443/2021 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

231. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 3 сентября 2024 г. по делу № А40-282768/2023 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 26.02.2025).

232. Решение Арбитражного суда Пермского края от 6 мая 2020 г. по делу № А08-4257/2014 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 05.11.2021).

233. Решение Арбитражного суда Пермского края от 5 октября 2020 г. по делу № А50-32879/2019 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

234. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 7 апреля 2021 г. по делу № А45-29472/2019 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

235. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 13 апреля 2021 г. по делу № 40-147577/18 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

236. Решение Арбитражного суда Пензенской области от 13 апреля 2021 г. по делу № А49-8398/2020 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 01.07.2023).

237. Решение Арбитражного суда Московской области от 19 апреля 2021 г. по делу № А41-34820/2020 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 01.07.2023).

238. Решение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 19 апреля 2021 г. по делу № А07-37019/2019 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 01.07.2023).

239. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 20 апреля 2021 г. по делу № А60-39723/2020 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

240. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 22 апреля 2021 г. по делу № А45-24996/2020 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

241. Решение Арбитражного суда г. Севастополя от 22 апреля 2021 г. по делу № А84-4199/20 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

242. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 1 мая 2021 г. по делу № А60-33244/2017 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

243. Решение Арбитражного суда Тюменской области от 31 января 2022 г. по делу № А70-11443/2021 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

244. Решение Арбитражного суда Республик Башкортостан от 11 мая 2022 г. по делу № А07-37105/2021 // Федеральные арбитражные суды. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.06.2023).

245. Решение Арбитражного суда по Калининградской области от 13 марта 2024 г. по делу № А21-12397/2023 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 07.08.2024).

246. Определение Арбитражного суда Республики Крым от 26 декабря 2019 г. по делу № А83-17987/2019 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 20.03.2021).

247. Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 15 декабря 2020 г. по делу № А56-111578/2020

Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 20.03.2021).

248. Определение Арбитражного суда Смоленской области от 18 декабря 2020 г. по делу № А57-18499/2020 Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 20.03.2021).

249. Определение Арбитражного суда Смоленской области от 16 февраля 2021 г. по делу № А62-4299/2020 Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 20.03.2021).

250. Определение Арбитражного суда города Москвы от 20 июня 2024 г. по делу №А40-95826/2023 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.08.2024).

251. Определение Арбитражного суда Краснодарского края от 24 июля 2024 г. по делу №А32-38030/2023 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.08.2024).

252. Определение Арбитражного суда Псковской области от 29 июля 2024 г. по делу №А52-196/2024 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.08.2024).

253. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 23 мая 2023 г. по делу № 33-6990/2023 // ГАС «Правосудие». – URL: <https://sudrf.ru/>. (дата обращения: 05.06.2023).

254. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 24 июля 2025 г. по делу № 33-8690/2025 // ГАС «Правосудие». – URL: <https://sudrf.ru/>. (дата обращения: 31.07.2025).

255. Решение Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 15 мая 2018 г. по делу № 2-3927\2018 // ГАС «Правосудие». – URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 20.03.2021).

256. Решение Новгородского районного суда Новгородской области от 15 мая 2018 г. по делу № 2-105/2018 // ГАС «Правосудие». – URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 20.03.2021).

257. Решение Кировского районного суда г. Омска от 8 апреля 2019 г. по делу № 2-1122/2019. // ГАС «Правосудие». – URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 20.03.2021).

IV. Работы зарубежных авторов

258. Glover R., Murphy P. *Murphy on Evidence* / R. Glover, P. Mutphy. – Oxford, 2013. – 738 p.

259. Gidi, A. P. *Class Actions in Brazil – A Model for Civil Law Countries* / A.P. Gidi // *American Journal of Comparative Law*. – 2003. – № 2. – P. 311-408.

260. Fiss, O. *The Political Theory of the Class Action* / O. Fiss // *Washington and Lee Law Review*. – 1996. – Vol. 53. – № 1. – P. 21–31.

261. Fitzpatrick, B. *An Empirical Look at Compensation in Consumer Class Actions* / B. Fitzpatrick // *NYU Journal of Law & Business*. – 2015. – Vol. 7. – № 1. – P. 768–791.

262. Fitzpatrick, B. *The End of Class Actions?* / B. Fitzpatrick // *Arizona Law Review*. – 2015. – Vol. 57. – № 1. – P. 161–199.

V. Электронные ресурсы

263. Большая российская энциклопедия. – URL: <https://greatbook.ru/> (дата обращения: 03.03.2025).

264. ВС: Бремя доказывания совершения крупной сделки при ее оспаривании лежит на истце. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-bremya-dokazyvaniya-soversheniya-krupnoy-sdelki-pri-ee-osparivanii-lezhit-na-isttse/> (дата обращения: 31.08.2023).

265. Выступление М.А. Ероховой на панельной дискуссии «Косвенные и корпоративные иски. Особенности примирения» в рамках Ковалевских чтений (13.02.2020-14.02.2020). – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=41xF3wkpvkw> (дата обращения: 06.07.2021).

266. Исключительной подсудности не нужно расширительное толкование // Legal.Reports. – URL: <https://legal.report/normam-ob-isklyuchitelnoj-podsudnosti-ne-nuzhno-rasshiritelnoe-tolkovanie/> (дата обращения: 05.11.2021).

267. Компания Philip Morris признана виновной в мошенничестве в сфере маркетинга. – URL: <https://www.nytimes.com/2003/03/22/us/philip-morris-is-convicted-of-fraud-in-marketing.html> (дата обращения: 03.03.2025).

268. Косвенные, групповые и коллективные иски по корпоративным спорам. URL: <https://pravo.ru/story/218543/> (дата обращения: 01.06.2025).

269. Курдюмов Г.С., Чекарева А.В. Взыскание убытков с недобросовестного директора: перераспределение бремени доказывания и перевес доказательств. – URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/64485-vzyskanie-ubytkov-nedobrosovestnogo-direktora-pereraspredelenie-bremani-dokazyvaniya> (дата обращения: 22.07.2023).

270. Нет единого подхода. О противоречивой практике применения Постановления Пленума ВС РФ о крупных сделках и сделках с заинтересованностью. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/net-edinogo-rodkhoda/> (дата обращения: 01.06.2025).

271. Отчет о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции за 12 месяцев 2022 г. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7650> (дата обращения: 17.08.2024).

272. Отчет о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции за 12 месяцев 2023 г. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8687> (дата обращения: 17.08.2024).

273. Отчет о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции за 12 месяцев 2024 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6122> (дата обращения: 17.08.2024).

274. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования механизмов разрешения корпоративных конфликтов)» // Официальный сайт Государственной Думы РФ. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/384664-4> (дата обращения: 05.11.2021).

275. Рутковская Л.Г. Соразмерность обеспечительных мер заявленным требованиям. – URL: <http://ppt.ru/news/135060> (дата обращения: 22.07.2023).

276. Ручкина Г.Ф. Корпоративное право: учебник и практикум для вузов – URL: <https://urait.ru/bcode/495376/p.89> (дата обращения: 31.08.2023).

277. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2019 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5257> (дата обращения: 17.08.2024).

278. Сергей Учитель: «Мировые соглашения утверждают только по трем видам корпоративных споров». – URL: <https://www.law.ru/news/20419-sergey-uchitel-mirovye-soglasheniya-utverjdayut-tolko-po-trem-vidam-korporativnyh-sporov> (дата обращения: 17.08.2024).

279. Сможет ли российский суд рассмотреть корпоративный спор, предметом которого является вопрос принадлежности акций/долей иностранной компании. – URL: https://zakon.ru/blog/2021/04/30/smozhet_li_rossijskij_sud_rassmotret_korporativnyj_spor_predmetom_kotorogo_yavlyaetsya_vopros_prinad (дата обращения: 23.07.2023).

280. Судебные уставы 20 ноября 1864 года Ч. 1. Устав гражданского судопроизводства. – URL: <https://www.prilib.ru/item/372592> (дата обращения: 23.07.2023).

281. Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: www.cdep.ru. (дата обращения: 03.03.2022).